

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Комиссия по межнациональным отношениям
и свободе совести

ТЕОЛОГИЯ
В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
И ОБРАЗОВАНИЯ

материалы общественных слушаний

Москва — 2009

Теология в системе научного знания и образования. Материалы слушаний Общественной палаты Российской Федерации. Под редакцией академика РАН В.А.Тишкова. – М.: Изд. Общественной палаты Российской Федерации, 2009.

Составление и редакция: А.В. Ситников, И.В. Метлик

ISBN 978-5-904300-01-2

Книга содержит материалы общественных слушаний, состоявшихся 17 марта 2008 года в Общественной палате Российской Федерации на тему: «Теология в системе научного знания и образования». В слушаниях приняли участие ученые, богословы, представители общественных и религиозных организаций, органов государственной власти. Также в книге опубликованы статьи экспертов, посвященные проблемам религиозного образования в современной России.

Для специалистов научных учреждений, представителей общественных объединений и религиозных организаций, работников органов государственной власти и средств массовой информации.

ISBN 978-5-904300-01-2

СОДЕРЖАНИЕ:

М.Л. Шевченко. ТЕОЛОГИЯ — НАУКА ИЛИ НЕ НАУКА?	8
А.Е. Себенцов. О НАУЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ТЕОЛОГИИ .	10
Архиепископ Ставропольский и Владикавказский Феофан. ТЕОЛОГИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	12
Протоиерей Владимир Воробьев. ТЕОЛОГИЯ КАК СИСТЕМА ЗНАНИЯ И ОТРАСЛЬ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК	15
Т.Э. Петрова. ТЕОЛОГИЯ И ОБНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ	20
А.Н. Павленко. РЕЛИГИИ И ТЕОЛОГИЯ — ДОСТОЯНИЕ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	23
Священник Владимир Шмалий. К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕРЕ И СПЕЦИФИКЕ ТЕОЛОГИИ	25
В.К. Шохин. О ПРОБЛЕМАХ ИНТЕГРАЦИИ ТЕОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И АКАДЕМИЧЕСКИХ НАУК.....	28
М.О. Шахов. ИЗБАВЛЯТЬ НАУКУ ОТ «ТЕОЛОГОФОБИИ» И ПРОЯВЛЯТЬ КРИТИЧНОСТЬ	33
Р.М. Мухаметшин. СИСТЕМА МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	36
Е.Л. Юрьев. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕЛИГИИ И ТЕОЛОГИИ	42
Д.В. Сладков. ЗНАНИЮ О ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ НЕОБХОДИМ ПОЛНОЦЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ФОРМАТ	46
Протоиерей Борис Михайлов. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ	48
В.Н. Катасонов. РОЛЬ ТЕОЛОГИИ В КУЛЬТУРЕ И В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ	56

Т.И. Петракова. ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ	59
В.Д. Лаза. ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПГЛУ).....	60
Т.Г. Человенко. О «КОНФЛИКТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ» В РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ.....	63
А.В. Ситников. РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ:ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В 2008 ГОДУ.....	68
И.В. Понкин. ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД.....	73
Р.А. Силантьев. ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ	89
М.В. Таланкина РАЗВИТИЕ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	97
И.В. Метлик ТЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	109

Предисловие

Общественная палата Российской Федерации – это авторитетная площадка для компетентного обсуждения сложных проблем, которые затрагивают все российское общество. Такие проблемы государственные власти не могут решить без прямого участия институтов гражданского общества. Как раз такими являются вопросы обеспечения прав и запросов граждан в сфере свободы совести и религиозного образования. Эти проблемы уже находились в поле зрения Общественной палаты первого созыва, когда по просьбе Министерства образования и науки РФ Комиссия по толерантности и свободе совести вместе с другими комиссиями выработала рекомендации по достаточно сложной и общественно-значимой проблеме преподавания религии в школе. Эти рекомендации были представлены в министерство от имени Совета палаты.

Как известно, в Общественную палату входят лидеры основных российских конфессий. Вместе с представителями светской сферы образования они смогли предложить согласованные позиции и общие принципы решения данной проблемы, которые были приняты министерством. Хотя дискуссия продолжается и крайние взгляды сохраняются, мы надеемся, что принципы поэтапности и многовариантности, свободы выбора и уважения чувств верующих и неверующих, опора на правовые регулирующие нормы и учет мирового опыта позволяют решать эту проблему без конфликтов и к общей пользе.

Это направление деятельности палаты уже второго созыва продолжили общественные слушания о месте теологии в системе научного знания и образования. В дискуссии приняли участие известные ученые, специалисты, представители российской общественности, органов государственной власти и религиозных организаций. В публикуемых материалах слушаний представлены разные точки зрения и позиции по сложному вопросу о месте теологии в системе научного знания и образования. Объяснение сути проблемы через публикацию всего спектра мнений и взглядов представляется необходимым, ибо это вопрос одной-двумя фразами не раскроешь. В самой Общественной палате ее члены также разделяют разные взгляды и подходы.

Наука, её методы и достижения – это несомненная ценность и важнейшее завоевание цивилизации. Теология в свое время внесла большой вклад в становление европейской рациональности и в выработку научного подхода к миру. Что такое теология? Этот уже сам по себе вопрос для людей разных взглядов и разных эпох не является однозначным. Современная академическая наука определяет теологию как «систему обоснования религиозных учений о Боге, совокупность выработанных той или иной религией доказательств истинности догматики, религиозной нравственности, правил и норм жизни верующих и духовенства, богоустановленности вероучения и церкви»

(Энциклопедия религий. М.: Академический проект, 2008. С. 1245). Теология включает в себя также ряд дисциплин, связанных с богослужебной практикой.

Становление теологии связано прежде всего с развитием христианства, поскольку в иудаизме никогда не ставилась задача выработать собственную богословскую теорию. Иудаизм исходит как бы из непосредственного восприятия Священного Писания и по сему обходится без особой теологической системы. Помимо христианской, существует мусульманская теология, особенность которой в том, что она есть своего рода коррелят (дополнение-подправление) светских дисциплин. У мусульманской теологии большая степень интеграции с гуманитарными дисциплинами, например, с правом, ибо теология ислама для некоторых исламоведов и есть мусульманское право. Однако в последнее время мусульманские богословы, например, в Турции, стремятся идти по пути христианских богословов и разрабатывать теологию как таковую

Россия с самого начала своей истории развивается прежде всего в русле христианско-византийской традиции, и Русская православная церковь является доминирующей среди других традиционных для нашей страны конфессий. По этой причине дебаты вокруг содержания и статуса теологии в России – это во многом дебаты, отталкивающиеся от опыта христианства, хотя мусульманская традиция в нашей стране также имеет давние корни. Среди светских дисциплин и в среде академической науки к теологии ближе всего стоят философия и история. Многих выдающихся отечественных гуманитариев профессионально интересовали тексты средневековых христианских богословов, ибо эти тексты демонстрируют высокую интеллектуальную культуру. Именно они заложили основу новоевропейского научного дискурса.

В странах Западной Европы традиция теологического образования непрерывно существует с XIII века. Факультеты теологии являются самыми старейшими в университетах Франции, Германии и Великобритании. В России к концу XIX века богословская наука также достигла значительных высот и способствовала успехам в развитии других гуманитарных дисциплин, в частности, истории и философии. К сожалению, после 1917 года в нашей стране эта традиция была сильно подорвана, хотя и не прекратилась. Сегодня мы наблюдаем возрождение теологии как своеобразной научной дисциплины и как образовательного предмета.

Мне хотелось бы обратить внимание на тот аспект теологического знания, который имеет общественное значение. Не теряют остроты споры о границах науки и религии, о библейском взгляде на происхождение мира и человека, о православном понимании государственности и т.п. Христианское предание чрезвычайно богато, разнообразно и многослойно. Оно создавалось в течение многих веков людьми, принадлежащими к иным эпохам, не ведающим современных политических, экономических, культурных и национальных реалий.

В авторитетных для верующих людей текстах содержатся познания, взгляды и стереотипы того времени, когда писали эти авторы. Например, весьма авторитетный и почитаемый среди представителей христианских конфессий святой Василий Великий (IV век) написал большой трактат о строении мира, куда поместил систематизированные взгляды ученых своей эпохи о нашей вселенной. Трактат имеет историческую ценность, он интересен для историка науки, но все ли содержащиеся в нем положения являются частью церковной догматики? Фома Аквинский (XIII век) католический теолог и философ — внес огромный вклад в мировое философское знание, а теологию он определял как рациональное богопознание.

Научный богословский подход к христианскому преданию крайне важен для современного общества. От теологов ждут разграничение того, что в христианском учении является главным и непреходящим от того, что можно считать временным, обусловленным культурой и исторической средой. Одна из задач теологии – отделение собственно православного вероучения от многочисленных идей и теорий самого различного толка, которые выдают себя за неотъемлемую часть «истинного православия».

К сожалению, существует немало примеров, когда устаревшие и весьма спорные научные концепции в таких сферах, как физика, биология, теория государства, история и т.п., от имени религии выдаются как «абсолютно истинные». Где граница христианской веры и начало суеверия? Что в христианстве является неизменным, а что обусловлено особенностями культуры, уровнем научных познаний и историческим контекстом – на эти вопросы призваны ответить теологи. Вооруженная научным языком, методами и правилами научных дискуссий, теология могла бы быть полезна как ученому сообществу, так и гражданскому обществу России.

Академик РАН В.А.Тишков

ТЕОЛОГИЯ — НАУКА ИЛИ НЕ НАУКА?

М.Л. Шевченко

член Общественной палаты Российской Федерации

Сегодня мы проводим общественные слушания на тему: «Теология в системе научного знания и образования».

Общественной палатой РФ выделяется площадка для широкой и свободной общественной дискуссии. Мы хотели бы выслушать здесь мнения всех, кому есть что сказать по этой теме. Здесь собрались люди знающие, люди с огромным опытом, с хорошим образованием, люди разных взглядов.

Мы хотели выслушать все мнения по этой важнейшей проблеме. Почему она нам кажется важной? Некоторые считают, что теология — это что-то средневековое, что-то далекое от системы современного рационального научного знания. Является ли теология наукой? Или теология — это пережиток давнего прошлого, от чего бы надо избавиться и что надо забыть?

Мне хотелось бы, чтобы мы высказывались сегодня свободно, аргументированно, продуктивно и как можно ближе к теме.

Первый вопрос, который я бы адресовал ко всем участникам: теология — это всё-таки наука или это не наука? Сегодня я с утра дал комментарий нескольким радиостанциям, и все задавали такие вопросы, типа: «Ну как можно в наше время всерьез говорить о теологии? Как можно говорить о теологии в материалистическую эпоху? И какое это имеет отношение к системе образования?»

Как бы кто к этому не относился, но всё-таки в России есть достаточно разветвленная сеть духовных школ. На мой взгляд, это учебные заведения, дающие высшее гуманитарное образование. Они отличаются от светских образовательных учреждений в том, что в них углубленно преподаются богословские дисциплины. В остальном преподавание в этих учебных заведениях такое же, как и в светских учреждениях. А в чем-то, может быть, даже качественно лучше.

Обсуждать тему школьного образования мы сегодня не будем. Мне представляется, что это совсем иная тема, которая не имеет прямого отношения к теме сегодняшних общественных слушаний. Преподавать теологию в средней школе, на мой взгляд, невозможно. В старших классах, когда уже учащиеся школы будут готовы, можно лишь вводить термин «теология».

Напомню, что обсуждаемая нами сегодня тема была актуализирована в общественном пространстве так называемым письмом академиков летом 2007 года. Людей, прямо скажем, выдающихся, к мнению которых нельзя не прислушаться. Академик Гинсбург, например, лауреат Нобелевской премии. В письме

было поставлено под сомнение само право теологии называться наукой, быть научной дисциплиной. Со стороны религиозных организаций и со стороны некоторых философов прозвучали иные точки зрения.

Сегодня мы хотели каким-то образом обобщить и систематизировать эти размышления. Мне кажется, что мы могли бы рассмотреть сегодня проблему в нескольких аспектах.

Во-первых, преподавание теологии и ее изучение с точки зрения социальных, политических, и нравственных, и даже экономических последствий.

Во-вторых, необходимо рассматривать теологию в системе общего гуманитарного знания и теологию как части научного знания.

Думаю, что правовые аспекты не требуют особого обсуждения — никаких нарушений принципа свободы совести в этой сфере нет. Напомню, что студенты распределяются по факультетам, по кафедрам и по дисциплинам по своему желанию, которое проявляется поступлением в тот или иной вуз, на тот или иной факультет и занимаясь теми или иными специализациями. Я, в бытность студентом, с удовольствием поступил бы на теологический факультет, если бы таковой был. Но теологических факультетов тогда не было, а поступить в Духовную академию было невозможно светскому человеку.

Мне кажется, ошибочно пытаться свести теологию только к культурологическому аспекту. Историю богословия и теологию нельзя рассматривать только в контексте культурологических дисциплин. Противники введения религиозной культуры в средних или в высших учебных заведениях говорят, что незачем вычленять религиозные дисциплины из истории, философии, литературы и т.п. Конечно, есть примеры преподавания в университете в советское время в рамках изучения греческого языка истории Евангелия, как это делал, например, профессор Козаржевский. Теологию, конечно, можно рассматривать в рамках философских дисциплин, и она близка с философским способом мышления. Мне представляется, что богословие — это не только наука о памятниках, о культурном и историческом контексте. В богословии имеется метафизическое измерение. Теология — это наука предельных вопросов.

Возникают и другие темы, связанные с присутствием теологии в светских вузах. Например, может ли теологию изучать человек, который не признает наличие Бога в той или иной форме? Это не вопрос образования и квалификации. Человек поступает на философский факультет и изучает философское знание, философию как науку. Точно так же при поступлении на теологический факультет в светских вузах будет неправильным вопрос: верующий ли вы или неверующий, к какой конфессии принадлежите? Любой студент, абитуриент, желающий изучать теологию как основную дисциплину, имеет право получать такое образование.

О НАУЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ТЕОЛОГИИ

А.Е. Себенцов

*ответственный секретарь Комиссии по вопросам религиозных
объединений при Правительстве Российской Федерации*

Хотелось бы начать с поставленного вопроса о том, является ли теология наукой или не является. Я человек уже очень немолодой и хорошо помню те времена, когда мы в школе проходили про воспитание саженцев на основе лысенковской биологии, а генетика и кибернетика были буржуазными лженауками, которые очень хорошо помогают кем-то другим, а нам совершенно не нужны и даже вредны, потому что не соответствуют марксистскому пониманию науки.

Думаю, что от того, как мы определим, что такое наука, — многое зависит и может быть, кое-что, выпадающее сегодня за рамки понятия науки, в эти рамки попадет при другом понимании науки. Но более важным мне представляется другое — знание. Дело в том, что комплекс знаний может иметь самый разнообразный характер и применяться в разных сферах — повару нужны одни, аптекарю — другие, литератору — третьи, и не всем строго научные. Знания, связанные с различными формами общественного служения, естественно, должны включать и религиозную сферу.

И если государство создаст возможность признания качества этих знаний как общественно-полезных (что по сути дела уже наша Конституция в отношении религии, религиозных знаний сделала), то почему бы, собственно говоря, не включить всю систему или хотя бы значительную часть религиозного образования в нашу образовательную систему?

Вот так, наверно, можно поставить вопрос.

Я считаю, что в той форме, в которой теология сегодня по стандарту закреплена, она скорее наука. У богословских и научных дисциплин, в привычном для нас смысле, разное место в жизни. Является ли философия в таком же смысле наукой, как химия или астрономия? Алхимия и астрология — классические примеры лженаук, а насчет богословия, как и литературоведения, судить надо аккуратнее

С математикой или с физикой проще, там есть предмет, который можно привязать к объективным явлениям, и метод, результаты применения которого можно на практике проверить. Что касается теологии — это намного сложнее. В старинных документах, которым по 2000 лет, содержится много интересного и полезного для современной жизни. А главное то, что богословы и священнослужители, религиозные организации, работая с громадными массами людей,

вырабатывают современную интерпретацию того, что в этих документах содержится. Это очень важная, и, я бы сказал, общественно необходимая, сложная и даже опасная в определенной мере функция. Потому что в этих старинных книгах, которые были написаны в совершенно другие времена, отличающейся и моралью, и важными особенностями массового мировоззрения, всегда можно найти разное, порой противоположное. И то, что будет найдено специалистами в этой области, что будет донесено до современных людей, может серьезно повлиять и на жизнь нашего общества. А потому важно, чтобы люди, работающие в этой тонкой сфере, имели достаточно широкий спектр познаний, имели современное представление (в том числе светских наук) о реалиях жизни, и если степень их подготовки к деятельности в обществе и государстве пройдет государственную поверку, то и результат будет лучше.

ТЕОЛОГИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Феофан

*архиепископ Ставропольский и Владикавказский,
член Общественной палаты Российской Федерации*

Прежде всего, хочу поблагодарить организаторов сегодняшней дискуссии. Такие встречи и обсуждения нужны, чтобы честно и прямо обозначить позиции и прийти, наконец, к конкретным решениям. Пока, к сожалению, эти конкретные решения по теологии не просматриваются. Мы снова услышали сегодня о новых испытательных сроках, снова прозвучали сомнения о том, является ли теология наукой.

По словарному определению, теология — это комплекс наук, которые изучают историю вероучений и институциональных форм религиозной жизни, религиозное культурное наследие, традиционные для религии право, археологические памятники истории религий. Казалось бы, нет повода для сомнений. И все же вновь и вновь на протяжении уже многих лет мы слышим одни и те же возражения.

Я вижу причину этой позиции в конкретном историческом прошлом России. Сегодня уже считается дурным тоном вспоминать о десятилетиях господства государственного атеизма, в том числе в сфере образования. Однако этот фактор до сих пор оказывает значительное влияние, подпитывает сложившиеся в тот период стереотипы. Нескольким поколениям говорили о религии как о чем-то враждебном, мешающем развитию человека, антинаучном. Вот уже почти двадцать лет мы живем в других условиях, и, наверное, уже пора дать твердый официальный ответ на вопрос — продолжает ли наше государство, наше научное сообщество такие традиции или все же рассматривает религию как легитимную сферу жизни человека, общества.

Позволю себе сослаться на мнения по данному вопросу, высказанные студентами Северо-Кавказского государственного технического университета и Ставропольского государственного аграрного университета, а также учителями младших классов общеобразовательных школ города Ставрополя. Всего в исследовании приняло участие 1500 человек.

63% студентов считают себя верующими, из них 54% причисляют себя к православным, 8% – к мусульманам, 0,5% – к буддистам, 0,5% – к другим конфессиям. Из общего числа 64% одобрили изучение в качестве дисциплины по выбору «Основы православной культуры» (ОПК). В пользу данного курса высказались также 64% опрошенных учителей. Выводы этого исследования полностью подтверждает и наш опыт общения со школьными педагогами

Ставропольского края. Люди испытывают потребность в изучении православной культуры, но отсутствие ясной поддержки ее государством не дает возможности в должной мере реализовать эту потребность.

Накопленный в Ставропольском крае опыт свидетельствует, что в содержании основного гуманитарного образования — в курсах истории, обществознания, литературы и других дисциплин, необходимо расширение материалов, знакомящих школьников с многовековой историей, конкретными примерами мирного, добрососедского общения в России традиционных религий. Сочетание в российской школе свободы приобщения детей к традиционной духовной культуре их народа, семьи и общего гражданского воспитания — вот что нужно нам сегодня. Кроме того, необходимость обращения к истории и культуре православия, других традиционных религий в воспитательной деятельности светской общественно-государственной школы обусловлена и тем, что влияние социального института религии в российском обществе продолжает расти.

Новым поколениям россиян просто необходимо знать истоки собственной культуры, включая и религиозную составляющую. Это также касается и последователей других наших традиционных религий, ведь религиозные нормы поведения, обычаи, уклад жизни составляют неотъемлемую часть и национальной культуры — как русского, так и других народов России.

В Ставропольском крае в двух вузах — Пятигорском государственном лингвистическом университете и в Институте Дружбы народов Кавказа (в Ставрополе) открыты соответственно отделение и факультет теологии. Северо-Кавказский государственный технический университет участвует в программе подготовки специалистов по специальности «Социология» со специализацией «История и культура ислама».

Развитие поликонфессионального теологического образования в государстве является актуальной необходимостью, особенно в поликультурных регионах, в том числе и на Северном Кавказе. Это будет способствовать, прежде всего, преемственности в области образовательных и научных традиций, выработанных традиционными конфессиями в условиях их мирного сосуществования в России. Подготовка специалистов теологов является эффективным средством, препятствующим распространению псевдо-христианских сект, исламского фундаментализма и других антигосударственных и антиобщественных объединений.

Сегодня, когда происходит процесс интеграции российской системы образования в европейскую и мировую, развитие отечественного теологического образования и науки приобретает особую важность, так как является необходимым условием конкурентоспособности российского гуманитарного знания. Причем в мировой практике неоспоримо присутствует убеждение, что теоло-

гия, история и классическая филология составляют фундамент национального гуманитарного образования. И они не могут быть заменены друг другом.

Роль фундаментального образования повышается в условиях роста интенсивности изменений на рынке труда, так как именно фундаментальная подготовка повышает адаптированность специалиста к меняющимся условиям. Это дает возможность выпускникам теологических факультетов работать во всех областях гуманитарного знания.

Специалисты-теологи востребованы во многих видах профессиональной деятельности, в том числе в научно-исследовательской, учебно-воспитательной, экспертно-консультативной, организационно-управленческой, социально-практической. Они могут широко привлекаться к работе в учреждениях системы высшего и среднего профессионального, дополнительного и послевузовского образования, институтах повышения квалификации, экспертных сообществах, в том числе государственных, муниципальных, общественных, конфессиональных, международных и межконфессиональных; в органах законодательной, исполнительной и судебной власти, государственной безопасности; в некоммерческих общественных организациях, других структурах гражданского общества; в органах социальной поддержки и адаптации населения; в средствах массовой информации.

Пора уже прямо сказать: теология должна быть неотъемлемой частью гуманитарного образования. А всякие возражения против этого являются субъективными и нарушающими базовые права человека.

ТЕОЛОГИЯ КАК СИСТЕМА ЗНАНИЯ И ОТРАСЛЬ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

протоиерей Владимир Воробьев

*ректор Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета*

Обсуждение проблем теологии в современном российском обществе неизбежно наталкивается на психологию, сформированную советской властью в XX веке. Тоталитарная система обязательной коммунистической и атеистической идеологии являет свои плоды — представители старшего поколения большей частью воспринимают теологию как религиозный предрассудок, хотя ровным счетом ничего о ней не знают.

В то же время в западноевропейских странах теология является полноправной наукой, представленной многочисленными богословскими кафедрами, факультетами, библиотеками, обширными учеными сообществами. Выходят многотомные научные труды, проходят конференции и т.д. — теологические исследования занимают свое полноправное место, которое никому не приходится в голову оспаривать. Более того, теология считается одним из четырех фундаментальных научно-гуманитарных направлений — наряду с филологией, историей и философией, причем самым древним из них.

Теологическое образование высоко ценится в западном обществе: например, министр образования Германии является доктором теологии.

Не вдаваясь в подробное обсуждение предмета и метода теологических исследований, можно констатировать, что в этой ситуации отрицать научность теологии невозможно и противоестественно. Тем не менее, в российском обществе имеются многочисленные высказывания такого рода, и на сегодня самым известным из них стало «письмо десяти академиков», написанное летом 2007 года. К сожалению, здесь, как и в других случаях такого рода высказываний, приходится говорить о компетентности их авторов. При всем уважении к их заслугам в их профессиональных областях, к их нобелевским званиям по физике, биологии и другим естественным наукам, приходится отметить, что они просто некомпетентны в области теологии, так что в соответствии с требованиями этики ученого приличнее было бы не высказываться.

Большая часть населения нашей планеты — религиозные люди, причем во все исторические эпохи таковых и было, и остается подавляющее большинство. Материализм по всем философским критериям и понятиям — не более чем одно из мировоззрений, и, как всякое мировоззрение, он основывается на аксиомах, которые принимаются на веру. Одни верят в то, что началом всего является Бог, который есть разумный дух. Другие считают, что началом явля-

ется материя, которая имеет все атрибуты Бога, кроме разума. Говорится, что материя вечна, безначальна, бесконечна, самодвижна, что она обладает каким-то потрясающим свойством саморазвиваться, какой-то творческой энергией и т.д., но при этом разума у нее нет.

С философской точки зрения, это слепая вера, своего рода религия. Перед религиозным мировоззрением у материализма нет абсолютно никаких преимуществ, есть только недостатки. Поэтому говорить о том, что мы живем в материалистическую эпоху и в эпоху атеизма, — некорректно.

Неверно и то, что наша наука основана на материализме, как пишут десять академиков. Они имеют в виду здесь только определенную часть наук, естественные науки, которые изучают наш обычный, земной, телесный опыт. Но существует еще духовный опыт, у человека есть духовная жизнь, есть культурная жизнь. И есть гуманитарная наука, которая изучает этот опыт. Если считать априори, что все гуманитарные науки не являются науками, то этот грубый обскурантизм слишком уж претит своей уязвостью и недостатком культуры.

Таким образом, следует отметить, что вопрос о научности теологии поставлен некорректно. Обсуждение места теологии в российском обществе следует перенести в правовую область. В России существует большое количество религиозных людей и людей, которые относятся к религии положительно. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что значительная часть налогоплательщиков имеет желание получать или давать детям образование, которое согласуется с их религиозным мировоззрением. Еще недавно на деньги налогоплательщиков давалось исключительно атеистическое образование, Однако в настоящее время уже открыта целая сеть теологических учебных заведений, факультетов и кафедр, что соответствует Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹.

Духовные учебные заведения также получили право на государственную аккредитацию на основе государственного поликонфессионального стандарта по теологии, который оправдал себя и был признан одним из лучших гуманитарных стандартов.

В то же время теология продолжает подвергаться дискриминации, т.к. не включается в номенклатуру научных специальностей. Выпускники теологических факультетов не могут защитить ни кандидатскую, ни докторскую диссертацию, подготовка теологических кадров высшей квалификации невозможна, следовательно, невозможно полноценное существование и воспроизводство всей системы теологического образования. Фактически это означает дискриминацию верующих.

1 В п.1 ст.5 этого Закона говорится: «Каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими».

Придерживаться такой дискриминации тем более странно в условиях, когда Россия подписала Болонские соглашения. По смыслу Болонских соглашений доктор теологии, приезжающий с Запада или с Востока, должен быть принят нами, он может претендовать на соответствующие льготы и должности, например, на место профессора в университете. А наши отечественные теологи поражены в правах, они не имеют права защищаться и становиться докторами, профессорами, доцентами. Также теологические факультеты, которые уже открыты, будут встречаться с очень большими затруднениями при аккредитации, которая требует значительного процента остепененных преподавателей, имеющих ученые степени и звания. Но они их не могут иметь просто потому, что их в принципе нет у нас в России.

Такая ситуация противоречит, прежде всего, принципу единства федерального образовательного пространства (п. 2 ст. 2 Закона Российской Федерации «Об образовании»). После того, как Министерством образования (за 15 лет) было выпущено более 12 правовых документов, регламентировавших включение Теологии в образовательную систему Российской Федерации и позволивших открыть теологическое образование в нескольких десятках российских вузов, нет никаких оснований отказывать во введении юридической и практической возможности защиты теологических диссертаций.

Международные соглашения в области образования и в области защиты и обеспечения прав и свобод человека, участником которых является Российская Федерация: Европейская культурная конвенция (Париж, 19.12.1954), Лиссабонская конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (от 11.04.1967, подписана Российской Федерацией 07.05.1999, вступила в силу 01.07.2000), Руководство по признанию в Российской Федерации документов об образовании, полученных в других европейских странах, признанию российских документов об образовании в других европейских странах (Хельсинки, 11.06.1997), требуют признания ученых степеней докторов теологии и их дипломов государственного образца, которые присуждаются и выдаются всеми европейскими государственными университетами, имеющими факультеты теологии. В частности, более чем двадцатью теологическими факультетами во Франции, Швейцарии и Германии. Российская сторона обязана признавать дипломы всех европейских стран-участниц Болонского процесса, российские дипломы также являются конвертируемыми.

В этих условиях отсутствие российских дипломов доктора и кандидата теологии приводит к дискриминации отечественной теологии и специалистов-теологов, ненормальной и необоснованной с правовой точки зрения.

Эта дискриминация, при которой научно-педагогические работники, имеющие государственный диплом по теологии, лишены возможности защищать кандидатскую и докторскую диссертации, фактически означает их поражение

в правах также и внутри страны. Нарушаются, в частности, следующие их права, установленные Конституцией и законами Российской Федерации (а также международными соглашениями):

— право на признание в научной среде, что подразумевает возможность зафиксировать и подтвердить рост научной квалификации и достижение определенного научного уровня путем защиты научно-квалификационной работы и получения соответствующего диплома;

— право на повышение квалификации, на прикрепление к высшим учебным заведениям или научным учреждениям в качестве соискателя (либо поступление в аспирантуру и докторантуру);

— право на культурное развитие, профессиональный и научный рост, повышение своего образовательного уровня;

— право на социальные льготы, дополнительные профессиональные возможности и особые условия для научной деятельности, положенные аспирантам, докторантам, а также кандидатам и докторам наук.

В качестве довода против теологии очень часто говорится о невозможности на практике отделить всякую ерунду от науки, но это постоянная проблема всех наук. Физики знают, сколько поступает бредовых диссертаций, посвященных, например, «перпетуум мобиле», это та же самая проблема. Вопрос здесь в том, как составить экспертный совет, и в области теологии мы имеем серьезных ученых, которые могут быть членами экспертного совета. Для полноценного экспертного совета кадры у нас есть.

Еще говорится о том, что государственное образование и наука должны быть светскими. Здесь встает вопрос о том, что называется светским. Если считать, что светский — это атеистический, то тогда действительно светская теология недопустима. Первый стандарт по теологии был написан с позиций атеизма, и такая теология, конечно, не должна иметь права на жизнь. Но ныне действующий государственный стандарт по теологии — поликонфессиональный. Он имеет одно общее основание, на котором каждая конфессия может сделать свою ветвь стандарта по теологии. Этот стандарт по теологии будет вполне религиозным и в содержательном смысле будет соответствовать тому, что преподается, например, в духовных школах.

И, наконец, хотелось бы сказать о предмете науки. Очень часто мы одним и тем же словом обозначаем совершенно разные вещи. Когда мы говорим «механик», нередко имеется в виду человек, который чинит машины, но одновременно можно применить это слово к выпускнику мехмата, который занимается теоретической механикой. Так же теологом мы называем Иоанна Богослова — апостола, автора четвертого Евангелия, и одновременно называем так современных ученых. Сегодня мы не имеем в виду тех тайнозрителей, которых называют богословами в самом высоком смысле слова, сегодняшняя теология — это наука, которая изучает религиозный феномен.

Никто не будет отрицать, что религиозный феномен занимает в жизни очень большое место и достоин изучения, как и всякий другой феномен такого масштаба. Но неверно думать, что теологию может заменить религиоведение. Это так же невозможно, как нельзя заменить математику историей науки, музыке – музыковедением и т.п.

Теология — это очень большая система знания, целая отрасль гуманитарной науки (можно сказать — укрупненная специальность). В нее входит история вероучения, история церквей, религиозное искусство и археология, патристическая письменность, церковное право и многое другое. Достаточно познакомиться с содержанием Православной энциклопедии, чтобы в этом убедиться. Неправильно думать, что по всем этим предметам можно защищать диссертации в других гуманитарных Ученых советах. Уже достаточно много случаев, когда такие диссертации были отклонены.

Например, в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете была написана очень хорошая диссертация по истории духовного образования в России XVII-XIX вв. Это была качественная работа, с привлечением огромного архивного материала, на нее были даны три блестящих докторских отзыва. В Институте Российской истории РАН ее забаллотировали и аргументировали это очень просто: идите в Духовную Академию, мы этого не знаем (хотя они должны были бы знать, потому что история духовных учреждений до революции — это часть истории Российского государства).

Сейчас в ПСТГУ лежит великолепная диссертация по христологии нехалкидонитов, выполненная на мировом уровне. Но где ее защитить, непонятно, нет такого совета, где бы ее приняли. И таких примеров много. Поэтому необходимы теологические Ученые советы и необходим экспертный совет ВАК, который сможет оценивать такие работы, являющиеся достоянием отечественной, а иногда и мировой науки.

ТЕОЛОГИЯ И ОБНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Т.Э. Петрова

*начальник отдела региональной и этнокультурной политики
Министерства образования и науки Российской Федерации,
доктор социологических наук*

Я думаю, что сегодняшнее заседание весьма своевременное, потому что вы знаете, что не так давно президент нашей страны подписал новый федеральный закон, в соответствии с которым духовные образовательные учреждения имеют право реализовывать образовательные программы на базе государственных образовательных стандартов. Это принципиальное положение, которое было внесено в образовательное законодательство. И коль скоро эти образовательные программы будут реализовываться на базе государственных образовательных стандартов, то возможна аттестация именно этих образовательных программ. И, соответственно, на её основе государственная аккредитация. Но подчеркиваю, что эта процедура возможна только тогда, когда наступает первый выпуск по этой образовательной программе.

То есть, если сегодня духовное образовательное учреждение получит дополнение к своей лицензии, что оно будет реализовывать, скажем, образовательную программу по теологии, то возможность аттестации и аккредитации наступит при условии, что это направление подготовки бакалавра через 4 года, а при условии, что это специальность, — через 5 лет. Это в соответствии с ныне действующими государственными образовательными стандартами. Понятно, что это некий паллиатив, потому что в Законе РФ «Об образовании» записано, что государственная аккредитация есть установление типа, вида и категории образовательного учреждения.

В случае с духовными образовательными учреждениями это была труднопреодолимая ситуация, потому что они регистрируются в соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» в качестве религиозных организаций. И я думаю, что надо поблагодарить А.Е. Себенцова, потому что без него этого бы не произошло. Он много лет собирал специальную рабочую группу при Комиссии при Правительстве по вопросам религиозных объединений, и это плод собственно многолетнего труда этой рабочей группы. Мы пошли по пути аналогично тому, как действуют научные организации. В прошлом году был принят Федеральный закон 59 ФЗ, который установил, что научные организации, скажем, научный институт Российской академии наук, Российской академии образования также имеет возможность реализации образовательных программ, но при аккредитации ему не устанавли-

ливаются тип, вид и категория образовательного учреждения. Его не называют университетом или академией.

Точно так же происходит аттестация и аккредитация этих образовательных программ. Таким образом, если духовное образовательное учреждение начинает реализовывать программы на базе стандартов, то выпускники этих программ получают возможность иметь диплом государственного образца. Там будут какие-то внешние отличия, но это следующий шаг. Мы будем вносить необходимые изменения в наши приказы, которые зарегистрированы в Минюсте России, какие отличия будут в самих этих документах, которые будут вручаться выпускникам. И в этой ситуации мне кажется, что растёт ответственность тех, кто сейчас разрабатывает новые образовательные стандарты.

Этот год Министерство образования и науки РФ объявило годом новых образовательных стандартов. Сейчас идёт интенсивная разработка образовательного стандарта общего образования, в прошлом году был принят Федеральный закон 309 ФЗ, в соответствии с которым сегодня образовательные стандарты принципиально по-другому формируются. Сегодня образовательный стандарт — это единство трёх «Т». Это требования к условиям реализации образовательного процесса, для школы это все санитарные и эпидемиологические, пожарные нормы, плюс к этому обеспеченность кадрами, библиотеками. То есть всё, что создает условия для учеников получить качественное образование. Это требования к результатам освоения образовательной программы, требования к выпускнику, что выпускник на выходе из образовательного учреждения должен показать аттестационной комиссии, не просто какие он получил знания, а что он умеет, к чему он готов. И третье требование — это требование к структуре образовательной программы. Какая доля естественнонаучных предметов, какая доля гуманитарных, технологических, физкультуры, внеучебной воспитательной деятельности и т.д. То есть стандарт перестает мелочно регламентировать содержание образования, всё это переходит в структуру примерных основных образовательных программ. И сейчас тендер на разработку стандарта общего образования выиграла по конкурсу Российская академия образования, а разработкой стандартов профессионального образования занимаются те, кто выигрывает конкурсы в рамках Федеральной целевой программы развития образования (ФЦПРО).

Вот теология в рамках классических университетов уже абсолютно готова к участию в этих тендерах. И хотелось бы, чтобы как можно шире было число участников разработки стандартов. Сегодня очень развиты информационные технологии, и проекты стандартов общего образования все находятся в Интернете (есть такой сайт standart.edu.ru, на котором есть и форум для тех, кто хочет пообсуждать, и вывешиваются результаты всех обсуждений в регионах, в каких-то организациях). Вот хотелось бы тоже, чтобы разработки по

стандарту по теологии тоже находились в доступе для всех желающих изложить свое мнение.

Теология находится в перечне специальностей и направлений подготовки с 1994 года, то есть уже второй десяток лет. Поэтому никто не сомневается, что это направление подготовки в высшей школе такое же, как философия, история и т.д. Поэтому я и призываю всех как можно быстрее заняться именно формированием стандарта.

Понимаете, стандарт должен быть общественным договором. То есть не должно возникать недопониманий у представителей религиозных организаций, духовных образовательных учреждений, светских педагогов, все должны согласиться. Поэтому нужно, чтоб такие обсуждения были и по поводу собственно уже текстов стандартов. Что касается теологии как науки, я как доктор социологии знаю, что наука — это предмет и метод. Поэтому мне кажется, что специалисты в этой области должны сказать, какой в этой науке предмет и каким методом она действует, тогда это действительно наука.

И сейчас я тоже знаю, что под руководством вице-президента РАН В.В. Козлова работает специальная группа экспертов, которая формирует новый перечень научных специальностей. И точно также я бы считала продуктивным на такие обсуждения приглашать людей, которые занимаются, в частности, гуманитарными вопросами. Например, президента Российского гуманитарного научного фонда Ю.Л. Воротникова. Наверное, было бы интересно его послушать, каково его мнение, какое место займет теология в этом новом перечне.

РЕЛИГИИ И ТЕОЛОГИЯ — ДОСТОЯНИЕ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

А.Н. Павленко

*ведущий научный сотрудник Института философии
Российской академии наук, доктор философских наук*

Вопрос о том, «Является ли богословие наукой?» с моей точки зрения, поставлен очень резко. В связи с этим, я хотел бы обратить внимание участников круглого стола в Общественной палате РФ на три возможных способа ответа.

Первый способ — логический. Обращаясь к логическому способу, следует обратить внимание на два момента.

Момент первый. В самом деле, прежде чем обсуждать проблемы, является ли теология наукой, как совершенно правильно заметил ведущий, нужно, хотя бы, в самом общем виде дать определение таким понятиям, как «наука» и «теология». До тех пор пока мы этого не сделаем, обсуждение сформулированной проблемы будет беспредметным. Далее, если мы в самом общем виде условимся понимать под «наукой» некоторую область знания, которая получает свои результаты с помощью а) математических доказательств и б) с помощью опытно-экспериментальных способов исследования, то в этом смысле, конечно, теология наукой не является.

Но в таком случае возникает другой вопрос: означает ли это, что в теологии отсутствуют компоненты, связанные с доказательным способом обоснования, и можем ли мы говорить, что богословие в тех или иных контекстах не прибегает, допустим, к каким-то опытным исследованиям? Конечно, можем, и богословы часто на это обращают внимание. Что это может означать? Это может означать, что эти две формы знания, то есть «наука», в её современном понимании и «теология», в её современном понимании, не совпадают по смыслу и объёму, но они имеют область пересечения, то есть имеет некоторый общий компонент.

Второй логический момент не менее важен для ответа на заданный вопрос. Действительно, когда мы спрашиваем: «Является ли богословие наукой?», мы совсем упускаем из вида, что задаем, с логической точки зрения, некорректный вопрос. Некорректность состоит в том, что мы сравниваем два несравнимых понятия — «богословие» и «наука».

Причина несравнимости заключается в том, что мы употребляем понятия разной степени общности. Поясню сказанное. Мы можем, например, сравнить «африканского слона» и «индийского слона». Но сравнение «хобота африканского слона» с «индийским слоном» будет некорректным и, соответственно,

вопрос, «является ли хобот африканского слона индийским слоном?», лишенным смысла. В нашем случае имеет место то же самое.

Богословие является «теоретической частью религии» и, безусловно, религия не сводится к одному только богословию, но мы ведь не спрашиваем, «Является ли религия наукой?» — на этот вопрос однозначно будет дан отрицательный ответ. Вопрос организаторами ставится, как им кажется, «тоньше» и по-иному. Но, понимая под «религией» только ее теоретическую часть — «богословие», мы и вопрос должны были бы задать корректно: «является ли богословие (как теоретическая часть религии) теоретической частью науки?». Но этого не произошло. Это можно понять, поскольку на заданный таким образом вопрос должен опять быть дан отрицательный ответ. Еще раз хочется отметить, что причина такой критичности состоит не в «логической придирчивости к словам», а в существовании обсуждаемого вопроса.

Второй способ — исторический. Существуют исследования — здесь будет неуместным приводить их перечни и списки — которые говорят о том, что возникновение современной науки исторически связано именно с непосредственным влиянием католического богословия. Если хотите — это хорошо установленный факт историко-научных исследований. Это означает, что современная наука исторически восходит ко многим христианским богословским положениям: о «бесконечности мира», о «разодушевленности природы», о «неразделенности мира на надлунный и подлунный» и т.д..

Третий способ — культурологический. Он связан со следующим. Если мы будем всю сферу человеческой культуры строго делить на «науку» и «не науку», а всю «не науку» отождествлять с «лженаукой», то мы также окажемся в затруднительном положении. Дело в том, что в случае такого деления в «не науку — лженауку» попадут и искусство, и религия, и философия, и многие другие области человеческого бытия.

Конечно, такое разделение тоже не является корректным. Оно некорректно потому, что, как совершенно справедливо заметил один из выступающих, мы же не станем, допустим, запрещать преподавание философии в вузах только на том основании, что философия относится к «донауке», то есть является ещё более древним способом объяснения мира, чем христианское богословие. Другими словами, вопрос о том, допускать ли преподавание богословия в вузах, не должен решаться в плоскости — является ли богословие наукой, а если не является, то не допускать!

Религии, как и их теоретические области — различные формы богословия, являются достоянием истории человечества. Следовательно, доступ к этому достоянию должен быть равный для всех, в том числе и для студентов вузов. Вот на этом я бы и хотел закончить.

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ И СПЕЦИФИКЕ ТЕОЛОГИИ

священник Владимир Шмалий
*проректор Московской Духовной академии,
кандидат богословия*

Прежде всего, хотел бы поблагодарить Общественную палату РФ за инициативу проведения сегодняшнего собрания. Это важная и весьма своевременная инициатива. Вопросы, связанные с общественным и государственным статусом теологии, оказываются сегодня в центре общественной полемики. И эта полемика зачастую ведется далеко не академично. Достаточно вспомнить письмо десяти академиков и последовавшие за ним резкие ответы. Это проявление существенного различия мнений и интересов в обществе. Этот конфликт нужно разрешать, разрешать мирно. И здесь, безусловно, роль Общественной палаты РФ очень важна.

У рассматриваемой сегодня темы имеется ряд измерений или аспектов: государственно-правовой, общественный, собственно содержательный.

Во всех этих трёх аспектах имеется сегодня положительная динамика.

Нам часто говорят о том, что-де в рамках сложившейся правовой системы те или иные инициативы церкви, например, по государственному признанию системы духовного образования как системы высшего образования, или же включения теологии в классификатор научных дисциплин, в правовом поле не реализуемы. Здесь наиболее забавно звучит это выражение — «сложившаяся правовая система». Эта система, как нам кажется, только складывается. Она несет на себе заметные невооруженным взглядом черты принадлежности к предыдущей эпохе, когда право было инструментом утверждения коммунистической идеологии и одновременно репрессий в отношении инакомыслящих.

Я вспоминаю встречу Дмитрия Анатольевича Медведева, тогда ещё первого вице-премьера, с профессорами в Московской духовной академии. На этот, упомянутый мною выше тезис о «сложившейся правовой системе», он прореагировал весьма иронично. Его позиция, насколько я ее понял, такова: правовая система России находится в процессе формирования. И общественная дискуссия является важным фактором, оказывающим влияние на ее становление.

Как мне видится, именно гражданский диалог должен в конечном итоге приводить к достижению общественного согласия с последующими изменениями правовой системы. Правовая система должна приводиться в соответствие с теми социальными реалиями и с теми договоренностями и консенсусами, которые возникают в гражданском обществе, а не наоборот.

Что же касается общественной дискуссии, в данном случае по вопросу об общественном и государственном статусе теологии, хочу отметить лишь то, что нужно отчетливо понимать, что в ней принимают участие как профессионалы, так и не профессионалы, или, точнее, профессионалы, но не в той области, в которой ведётся дискуссия. Как уже отметил отец Владимир Воробьев, десять академиков, направивших письмо Президенту, — выдающиеся люди. Академик Гинзбург — великий физик. Но его компетенция в области гуманитарных исследований низка. Хотя, разумеется, мы должны уважать и такую позицию.

В сфере общественной дискуссии нас радуют сегодня не столько результаты, сколько само наличие дискуссии. Нам важно создавать такие пространства для дискуссии, где полемизирующие стороны смогут встречаться в дружественной обстановке лицом к лицу.

Теперь о содержательном измерении проблемы. Скажу прямо — на вопрос о том, является ли богословие наукой, даже в церковной академической среде нет однозначного ответа. У нас идёт дискуссия о месте и значении рациональности в предании церкви и духовной жизни. И это при всем том, что этот вопрос возник не вчера — ему 2000 лет.

Остроту полемике придают опасения не рациональности как таковой, но рационалистических редуций реальностей духовного ряда. То, что называется богословием, имеет отношение к самому широкому кругу реалий — от молитвы и созерцания до поучительного текста в брошюре для народного чтения, от высочайших теоретических конструкций богословской мысли до предметов, изучаемых в приходской воскресной школе.

Это обстоятельство позволяет нашим некомпетентным критикам подвергать сомнению научность богословия. Вы говорите, отмечают они, что теология — наука, у нее-де есть предмет и метод. Но наличие предмета и метода еще не гарантирует научности. Пример — гадатели на кофейной гуще. У них тоже есть предмет — кофейная гуща. Есть у них и метод: скажем, 10 раз повернуть кофейную гущу направо, потом 10 раз налево — чем не метод? И нам говорят: «Вы, теологи, занимаетесь тем же самым». Вашим предметом является мифический объект, доказать или опровергнуть существование которого невозможно, — это Бог. И вы имеете некоторые, опять же, довольно странные процедуры общения с этим непонятным мифическим объектом.

Мы же отвечаем так: во всем сложном многообразии того, что может быть названо богословием, присутствует и богословие, понимаемое и построенное как наука, такая наука, которая может и призвана являть себя и действовать в универсальном пространстве мысли. Она строится во многом схожим образом с иными гуманитарными науками. Предмет теологии — не Бог, но мысль и слово о Боге, звучащие в христианской истории. Более же конкретно — доктринальные, канонические, литургические, богословские, полемические лите-

ратурные памятники, которые объективно существуют и которые могут анализироваться не только теологией, но и другими науками, как-то: философией и историей, языкознанием. Самыми различными областями гуманитарного знания и теологией в том числе. Методы же современной теологии схожи с методами перечисленных гуманитарных наук. Разумеется, есть и отличия в методе: так, у конфессиональной теологии имеется своя аксиоматика — доктринальная норма.

В профессиональной среде гуманитариев теологам не приходится сегодня доказывать того, что они занимаются наукой. Речь идет скорее о предметной и методической делимитации теологии в пространстве гуманитарных наук. И здесь мы обычно слышим замечания со стороны доброжелательных критиков, которые говорят нам о том, что вы, богословы, действительно занимаетесь наукой, но наука эта — не теология, но философия, языкознание, история, вы используете методы именно этих наук. Ну и защищайте свои труды по соответствующим научным дисциплинам. Мы с этим не согласны. Теология — синтетическая дисциплина. Она несводима к родственным ей гуманитарным дисциплинам.

Но и здесь мы видим серьезный прогресс. По мере того, как развиваются научные контакты наших духовных академий, Свято-Тихоновского университета со светскими научными учреждениями, мы отмечаем все большее понимание со стороны наших коллег, представителей гуманитарных наук, специфики теологии и признания в профессиональной среде ее академических прав.

О ПРОБЛЕМАХ ИНТЕГРАЦИИ ТЕОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И АКАДЕМИЧЕСКИХ НАУК

В.К. Шохин

*заведующий сектором философии религии
Института философии Российской академии наук,
доктор философских наук*

Давать определение теологии было бы, наверное, нерационально — это всё равно, что попытаться в двух словах определить философию, культуру и т.д. Это целый многомерный мир знаний, а те эпохи, когда на самые сложные явления духовного мира считалось уместным наклеивать ярлычки однозначных дефиниций, надеюсь, ушли в историю.

Сказать, является ли теология наукой, тоже достаточно затруднительно, но тут проблема уже не теологии, а самого науковедения, потому что существует множество конкурирующих определений науки, которыми занимаются и философы науки, и представители многих междисциплинарных специальностей. Потому я предпочитаю пользоваться таким немного тяжеловесным словосочетанием, как теоретическая рефлексия.

Здесь тоже есть разночтение. Некоторые считают, что наука включает в себя любое теоретическое знание. Я разделяю другую позицию, в соответствии с которой, наоборот, наука является частью теоретического знания. Ведь никто не будет возражать против того, что представительницей теоретического знания является и философия, но вряд ли так же кто-нибудь будет однозначно настаивать на том, что в философии нет ничего, кроме науки.

Что же касается теоретического знания, то так же, при всех прочих разночтениях, наверное, никто не будет возражать против того, что у него есть некоторые родовые признаки. Например, что здесь предполагаются некоторые исходные основания, фундаментальные понятия, идеализированные объекты, логика, то есть множество допускаемых правил, выводов и способов доказательства, равно как и некоторая совокупность законов и утверждений, выводимых из основоположений. Я думаю, что если мы обратимся к классическим памятникам теологической мысли, таким, например, как «Сумма теологии» Фомы Аквинского, то мы без всякого труда обнаружим все эти признаки.

Что касается предметности теологии, то тут тоже дело обстоит достаточно ясно. Здесь есть пропедевтические дисциплины, системообразующие и прикладные теологические дискурсы. К пропедевтическим я бы отнёс естественную (она же рациональная) теологию, или апологетику в широком смысле, а также библиологическое, патрологическое и историко-церковное источниковедение. К системообразующим — догматическое богословие, нравственное

(хотя правильнее его было бы называть теотетика, или учение об обожении), литургическое, каноническое право и, наконец, герменевтическое богословие, которое отличается от источниковедения тем, что здесь речь идёт не о критике библейского текста, а об иерархизации его смыслов. Ну и, наконец, к прикладным дискурсам относятся сравнительное богословие, а также то, что на Западе, например, именуется как практическое богословие (катехетика, гомилетика, пасторское богословие и т.д.) и другие дисциплины, соответствующие самым разнообразным потребностям церкви.

Эта система дисциплин, мне кажется, исключает, наряду с перечисленными мною родовыми признаками теоретической рефлексии, возможность сомневаться в том, что теология относится к теоретическому знанию. А также вполне подтверждает тезис о. Владимира Шмалія о том, что ее специфическая предметность не сводима к объектам других дисциплин.

Значительно большие проблемы связаны с реализацией этого теоретического знания в нашей системе образования и в академической системе. Имеются два яруса возможности реализации этого потенциала, а именно: уже существующая университетская, вузовская теология и проектируемая, я бы даже сказал, лоббируемая сейчас ВАКовская теология, которой ещё нет, но которую некоторые очень хотят как можно скорее видеть.

Что университетская вузовская теология является востребованной, представляется совершенно очевидным. Хотя бы потому, что 70 лет государственного атеизма нанесли большой ущерб всему нашему образованию, которое необходимо должно иметь и духовную составляющую. Другой момент состоит в том, что если уже широко вводится преподавание основ православной культуры в школах, то, наверное, несравненно лучше, чтобы этот предмет преподавали люди, имеющие дипломы теологических кафедр, нежели школьные учителя истории и обществоведения. Но здесь есть одна очень существенная проблема — кадровая. Существенная до такой степени, что в некоторых регионах ректорами университетов даётся, например, задание создать к первому сентября кафедру теологии при решительном отсутствии преподавателей. И отсутствует хотя бы один вузовский учебник, который действительно мог бы эксплицитно теологию как именно теоретическое знание, по тем признакам, которые я перечислял.

Что же касается проектируемой ВАКовской теологии, то здесь приводились в большом количестве, прежде всего, правовые обоснования ее возможности у нас, которые производят солидное впечатление. Я не правовец, и судить о силе этих аргументов не берусь. Но в другом выступлении правильно подчеркивалось и значение духовных памятников, «в которых говорится о Боге, о религиозной традиции, о религиозном измерении человека». Так вот в одном из них, притом самом авторитетном, предлагается решительно разграничивать понятия *позволительно*, с одной стороны, и *полезно и назидает* — с другой (1 Кор 10: 23, ср. 6:12).

Посмотрим в этой связи, многое ли ждет нас *назидательного* от осуществления данного проекта в наших условиях.

Что, собственно, мы хотим видеть в ожидаемых теологических диссертациях — изучение существующего богословия или собственное богословствование соискателей? Если первое, то я как член двух специализированных советов (по истории философии и по религиоведению-антропологии, культурологии) могу твердо заверить (с авторефератами в руках), что вряд ли в настоящее время есть такая вообще тематика из области классической патрологии, исихазма, новейшего православного богословия, истории церкви или современных государственно-церковных отношений, которая была бы существующими специализированными советами отклонена.

Приведу и личный пример: моя аспирантка пишет диссертацию по экклезиологии протоиерея Николая Афанасьева (она была, как известно, в первую очередь евхаристической), которая будет представлена в совет Д 002.015.01п о специальности 09.00.13 (религиоведение и т.д.), а более «теологической» темы придумать просто невозможно.

Из двух приведенных о Владимиром Воробьевым примеров первый малобудителен — диссертационный совет Института российской истории никаким образом не является единственным, в который можно представить тему духовного образования. А второй его пример — с «великолепной диссертацией по христологии нехалкидонитов», для которой нет спецсовета совета, куда ее бы приняли — и прямо опровергает то, что он призван обосновать. Указанная диссертация (ее тема — богословие знаменитого монофизита Севира Антиохийского) мне известна, как и то, что спецсовет для нее прекрасно нашелся. Ее автор будет защищаться в РАГС при Президенте РФ на соискание ученой степени кандидата философских наук (один из его оппонентов предложен по моей же рекомендации), и я не сомневаюсь в том, что осенью мы сможем его поздравить с удачной защитой.

Что же касается богословствования, то опять-таки сошлюсь на собственный опыт: он всегда нагляднее. За время своего заведования сектором философии и религии Института философии РАН (всего с 2005 г.) я успел получить на лицензирование следующие темы: «О познаваемости Божественной сущности» (автор, видимо, не знал, что воспроизводит Евномия), «Новое учение о Святой Троице» (автор тоже, видимо, не знал, что воспроизводит Савелия), «Социальная теология», а затем и трактат «О причинности», который состоял из двух частей. Этот трактат меня очень впечатлил. В первой его части доказывалось математически, что есть Первопричина мира, во второй выяснялись... причины греховности священнослужителей.

Получил я и математическое (с хорошими диаграммами) обоснование Рождества Христова. Год назад ко мне обратился и один, как он сказал, бывший кришнаит, который хотел бы работать над темой влияния Ведийской

культуры на культуру Северного Кавказа. И наконец, полгода назад ко мне пришла очень решительная женщина, которая сообщила, что она 15 лет преподавала историю КПСС, а теперь хочет защитить теологическую диссертацию о Великомученице Татьяне как покровительнице наук.

Но допустим, что какую-то, как здесь было сказано, «ерунду» можно будет «отфильтровать». Хотя далеко и не всю, поскольку мы переживаем сейчас расцвет квазибогословской графомании, а получить степень кандидата или доктора теологических наук будет очень престижно. И людей энергичных у нас совсем не так мало¹. А как быть с такими, отмеченными мною темами, как познаваемость Божественной сущности или переосмысление учения о Святой Троице?

Допустим, что в ПСТГУ такие диссертации забракует на том основании, что они противоречат Писанию и Преданию. Но ведь ВАКовскую теологию никак не получится ограничить рамками ПСТГУ: ее либо не будет вообще, либо она охватит все регионы страны от Карелии до Чукотки. А потому на подобные возражения соискатель в менее православных спецсоветах приведет свое возражение; что «секулярная теология» — такая же светская научная дисциплина, как физика или химия, а потому здесь не могут иметь значение мнения богословов полуторатысячелетней давности (как мнения средневековых натурфилософов не могут быть препятствием для защиты новых идей в названных областях современного естествознания).

И такого рода аргументация очень многих убедит, тем более, что «новизна» и «актуальность» являются основными признаками соответствия диссертаций искомым ученым степеням. Эти же показатели вполне будут решающими и для «диссертабельности» и таких тем, как, например, типология ауры, коррекция кармы, пророчества Нострадамуса, Раньонеро и Ванги, возможность теологического обоснования женского священства или однополых браков. А если ПСТГУ будет иметь против такого рода тем возражения (а он их будет иметь, наверное, в первую очередь), то ему очень просто возразят, что он сам пролоббировал «светскую теологию» и что перед ее лицом все равны — и «беленькие» и «черненькие», и именно потому, что она не церковное богословие.

Но и это еще не все. Если одни энтузиасты ВАКовской теологии добьются своего, то ведь и все конфессии — как традиционные, так и, главное, нетрадиционные — должны будут получать здесь свои «квоты». А если какие-то захотят быть «равнее» других (а захотят обязательно, или, по крайней мере, одним обязательно покажется, что этого захотят другие), то конфликтная ситуация

¹ Еще больше, чем сейчас получать философские степени для людей, уже имеющих другие вузовские дипломы. Интересно отметить и ту параллель, что люди с перечисленными мною выше темами более всего напоминают по своему менталитету тех, кто совсем еще недавно предлагали диссертации по четвертому закону марксистской диалектики, возможности сочетания марксизма с пифагореизмом и т.п. Скорее всего, из них формируются те, кто сейчас занимается разработкой «православной» педагогики, психологии, психиатрии, математики и т.п.

неизбежна. Потому советы должны будут принимать в свой состав представителей всех религиозных организаций, которые того добьются, а страна у нас многоконфессиональная и «правозащитниками» хотят быть многие. И если, скажем, соискателю рериховцу, кришнаиту, муниту, сайентологу или неоязычнику не удастся защитить свою диссертацию даже по причине ее непрофессиональности, его «группа поддержки» будет апеллировать к нарушению свободы совести, а СМИ немедленно ее поддержат, и я не завидую тому председателю специализированного совета, к которому эта диссертация придет!

Потому, положив на весы, с одной стороны, те маргинальные случаи, когда в каком-то совете у кого-то еще не принимают диссертацию на теологическую тему, и «небольшую экологическую катастрофу» в системе гуманитарной академической науки вследствие всего того, о чем я говорил, можно предположить, что торопиться с этой инициативой пока никак не следует. И совсем не убедителен приведенный довод о том, что мы должны оказываться в неблагоприятном положении перед лицом западных теологов по причине «поражения в правах». Западные теологи вполне могут знать, что в Европе университетская теология развивается уже по крайней мере с 1136 г. (открытие Пьером Абеляром школы на холме св. Женевьевы), а на территории нынешней РФ — лишь с 1990-х годов, и догадаться, что мы не можем в одночасье пройти все те стадии, на которые в не самых отсталых странах ушли века¹. Но те же западные теологи вовсе не обязаны знать, что теология при ее «институционализации» в наших условиях не сможет не стать политической реальностью, притом весьма «острой», тогда как для них она уже давно является реальностью чисто академической.

Не верно и то, что не стоит беспокоиться о последствиях прежде самого дела. Рациональность людям для того и дана, чтобы прогнозировать некоторые сценарии. Потому апробированная латинская мудрость «В сомнении воздерживайся» вполне должна быть применима и к данному случаю. Церковь многого в настоящее время может добиться от государства, которое видит в ней большой ресурс решения самых разнообразных своих задач. Однако эти возможности следует использовать для пользы и государства, и церкви, а не во вред и одной, и другой стороне. А вот над проблемами уже существующей вузовской теологии полезно поработать. Я уже обозначил некоторые из них. Но эти назревшие уже проблемы вполне могли бы стать предметом отдельного круглого стола — и не одного. Я бы предложил не откладывать в очень долгий ящик их обсуждение.

1 Из этого вовсе не следует, что я предлагаю ждать академической институционализации «светской теологии» несколько веков, но только то, что любая спешка до самого всестороннего исследования всего пакета связанных с ней в наших условиях проблем крайне нежелательна.

ИЗБАВЛЯТЬ НАУКУ ОТ «ТЕОЛОГОФОБИИ» И ПРОЯВЛЯТЬ КРИТИЧНОСТЬ

М.О. Шахов

*профессор кафедры религиоведения Российской академии
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доктор философских наук*

Я участвую в международном философском научно-исследовательском проекте по проблемам взаимоотношения науки и религии под общим руководством члена-корреспондента РАН И.Т.Касавина. В рамках этого проекта мы уже несколько лет обсуждаем проблему соотношения между научным и религиозным знанием, вопрос о том, где кончается наука и начинается ненаучное знание. Пока к единой точке зрения учёное сообщество не приходит. На мой взгляд, дискуссия на тему различий между наукой и теологией осложнена тем, что общественное сознание в какой-то мере отстаёт от развития философии науки. Многие участники споров ещё руководствуются устаревшими классическими лапласовскими представлениями XVIII века о науке, о критериях научности. Между тем в философии науки эти классические представления о том, где проходит грань между наукой и «не наукой», остались в прошлом, а в XX веке произошло значительное переосмысление критериев научности.

Иногда даже говорят, хотя это весьма радикальная точка зрения, что научным является то, что считает «научным» сообщество учёных, и никакого другого критерия, в общем-то, нет. В этом есть определенный резон, потому что все прежние попытки определить научное знание как рационально доказуемое, экспериментально проверяемое, свободное от принимаемых на веру догматов и аксиом, оказались несостоятельными. Философия науки XX века показала, что на самом деле в научном знании присутствует и доля метафизики, и элементы догматизма, и принятие на веру некоторых недоказуемых фундаментальных аксиом, подобных религиозным догматам. Всё это в скрытом виде присутствует в научном знании.

Устранить эти компоненты знания, ранее считавшиеся присущими только теологии и якобы отличавшие последнюю от науки, — невозможно. Поэтому ответ на поставленный вопрос, является ли теология наукой, соответствует ли она критериям научности, будет неоднозначен. Есть авторитетное мировое научное сообщество, которое признаёт теологию наукой, и есть другое авторитетное научное сообщество, которое категорически отрицает возможность признать теологию наукой.

Опять-таки, здесь уже звучала параллель с философией. В прежние, советские, времена у нас была чёткая формулировка, согласно которой марксистско-

ленинская философия — это наука о наиболее общих законах бытия и так далее. То есть, тогда у нас была официальная точка зрения, что философия — это наука. Сейчас сидящие здесь коллеги философы, я думаю, согласятся, что если мы откроем дискуссию, то вряд ли придём к единой точке зрения: наука — философия или не наука. В этом смысле даже с философией, не то, что с теологией, мы не можем определиться. И моя попытка дать ответ на этот вопрос, конечно, будет связана ещё с одной проблемой: а что мы понимаем под теологией? С одной стороны, я сам опубликовал несколько работ, где пытался доказать, что, на самом деле, грань между научным рациональным знанием и религиозным знанием очень условна и большинство из тех критериев, которые выделяются как разграничивающие, на самом деле фиктивные. Поэтому, естественно, говоря о классической христианской, исламской теологии, я, может быть, согласился бы с тем, что как систему логически связанных представлений об устройстве мироздания, включающую истину о бытии Божиим, об отношениях между Богом и миром, теологию можно приравнять к системе научных представлений.

Но, однако, встаёт вопрос, который пока выпал из нашего обсуждения, Отчасти его коснулся только Владимир Кириллович Шохин. А как быть с учениями новых религиозных движений, про которые никогда не ясно — религия это или не религия? Как быть с их вероучениями, которые, как правило, тоже претендуют на то, чтобы именоваться теологией? Должны ли мы любой набор только что появившихся на свет фантастических измышлений также признавать «теологией» только потому, что породившее их новое религиозное движение считает их таковой? И не повергнет ли это нынешнюю систему, в которой более-менее ясно, где наука, а где фантазии, в хаос?

Поэтому, на уровне теоретических дискуссий в области философии науки, теории познания, проблему демаркации между научным и не научным знанием, можно и нужно проявлять определённую широту взглядов. Нужно освобождать науку от определённой «теологофобии». Недавно я давал отзыв на работу по истории европейского религиоведения, написанную светским, я бы даже сказал, антиклерикальным по взглядам автором. Помимо воли автора, из этой истории становления религиоведения четко проявлялось, что оно зарождалось и формировалось, отмежевываясь от теологии в борьбе с теологией, изгоняя из себя теологию. И поэтому субъективный комплекс «теологофобии» присутствует в нашем светском религиоведении, и вообще отчасти в «светской» науке. От него надо избавляться.

Но если мы переходим в правовое поле, начинаем заниматься поиском некоего правового статуса для теологии, — здесь нужна благоразумная, осторожная критичность. У нас в России, как присутствующие знают, зарегистрировано множество различных конфессий, вероисповеданий. И что тогда? Все эти вероучения автоматически смогут обрести статус науки теологии, или кто-то

это будет решать: «Вот эта теология — это наука, а вот эта теология — это не наука?». Я не хочу приводить конкретные примеры, чтобы не задеть какую-то конфессию, но если вы думаете, что многие из наших новых религиозных движений не напишут свой госстандарт по теологии для высшего образования и не предъявят его — вы глубоко их недооцениваете! Когда вслед за православными теологами мы будем вынуждены признавать дипломированными специалистами и учеными теологов языческих шаманов, наука рискует превратиться в печальное зрелище.

Ещё один важный момент всплыл в ходе нашей дискуссии. Мы с самого начала должны были разграничить, ставя вопрос о науке и теологии, теологию-богословие и теологию, по которой утверждён государственный образовательный стандарт для вузов.

С одной стороны, теология, которая действительно существует на протяжении многих веков в христианстве, в исламе, в других конфессиях, которой занимаются верующие люди и которая включают в себя систему представления о Боге, Его свойствах и отношениях с миром, об отношениях человека с Богом. С другой стороны, светский стандарт по теологии, который не является религиозно нагруженным, а, наоборот, представляет собой нечто близкое к прозвучавшему здесь определению: «Что такое теология — это наука, которая изучает памятники религиозного наследия, религиозные тексты, но не является религиозно нагруженной».

Для того чтобы продолжать разговор, надо определиться, о какой теологии мы говорим? О светском стандарте по теологии или о богословии, которым занимаются верующие учёные богословы, которые имеют многовековую научную традицию? На мой взгляд, та теология, по которой утверждён образовательный стандарт и которая позиционирует себя не как богословие, изучающее сверхъестественное, а как наука о религии и памятниках религиозной культуры, это, в определённой мере, клон государственного стандарта по религиоведению. Его отмежёвывание от религиоведения было связано с определённой внутринаучной борьбой кланов и группировок в системе образования. Атеистически настроенные учёные группируются под вывеской вузовского госстандарта «религиоведение», верующие учёные группируются под вывеской образовательного стандарта «теология».

Здесь речь идёт не о каком-то глубинном философском конфликте двух научных дисциплин, но, на мой взгляд, о порожденной субъективными мотивами борьбе в сфере образования.

СИСТЕМА МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Р.М. Мухаметшин

ректор Российского исламского университета (Казань)

Появление первых мусульманских учебных заведений в России в постсоветский период относится к концу 1980-х годов. Это был период спонтанного появления мусульманских учебных заведений, которые еще до конца вписались в правовое и образовательное пространство России, не имели постоянных источников финансирования. Эти учебные заведения создавались в основном по инициативе различных зарубежных мусульманских благотворительных фондов. Они же их финансировали и поставляли преподавательские кадры. Именно благодаря их деятельности в поволжско-уральском регионе возникли довольно мощные центры мусульманского сепаратизма, которые, действуя самостоятельно, сумели создать влиятельные очаги исламского радикализма. Среди них особо выделялись медресе «Йолдыз» в Набережных Челнах и «Аль-Фуркан» в Бугуруслане. Особенностью радикализации ислама в этих учебных заведениях и в регионе в целом стала ее богословская нацеленность. В этом процессе практически отсутствовали попытки использования политических инструментов. Мусульманские радикалы через систему образования распространяли учение ханбалитского мазхаба, постепенно вытесняя из обихода традиционный для региона ханафитский мазхаб. Эти учебные заведения формально находились в подчинении тех или иных духовных управлений, но, на самом деле, занимали более чем самостоятельную позицию по отношению к ним.

Это был период эмоционального религиозного подъема, активного возвращения религиозных ценностей в нашу жизнь. Тогда считалось, что после 80-летнего атеизма очень важно возвращение религии в нашу жизнь. Но в какой форме? Этим вопросом тогда задавались немногие. Многие считали что, любые религиозные знания лучше атеистических представлений. Но жизнь показала, что все намного сложнее. И государство в этот период занимало позицию постороннего наблюдателя, особо не выстраивая внятной политики в сфере государственно-религиозных отношений, в том числе и в области мусульманского образования.

Но первые проблемы в сфере мусульманского образования, точнее первые результаты деятельности мусульманских учебных заведений, возникли после появления выпускников этих медресе в мусульманских приходах России. Оказалось, что богословски вполне образованные выпускники довольно далеки от традиций российских мусульман. Молодые имамы искренне убеждали

своих прихожан в том, что истинные духовные ценности находятся за пределами традиций наших предков. Поэтому в тех приходах, где были еще носители религиозных традиций российских мусульман, возникали разногласия между старшим поколением мусульман и молодым имамом. А где имамы сами создавали новые приходы, там чужие традиции уже воспринимались как истинно верные и отрицались обычаи и обряды российских мусульман, которые сохранились в течение многих веков.

Эта проблема, местами переросшая в противостояние между старшим и молодым поколением мусульман, еще раз высветила актуальность и острую необходимость создания полноценной системы мусульманского образования. Создание именно такой системы, которая строилась бы на исторических традициях и была бы адаптирована к российской действительности.

В этот период возникла еще одна проблема, которая была обусловлена необходимостью определения места мусульманских учебных заведений в российском правовом и образовательном пространстве. Казалось бы, эта проблема не должна была возникнуть, поскольку учебные заведения, находящиеся в юрисдикции ДУМ в регионах России, готовили имамов для своих же приходов.

Эта проблема имела и другую сторону. Так, по сведениям ДУМ РТ, в 2006 году обеспеченность действующих мечетей Татарстана профессионально подготовленными священнослужителями не превышало 15 процентов. Это свидетельствовало о том, что на религиозное образование необходимо было взглянуть шире, в контексте решения многих проблем всего общества. Задачи, стоящие перед религиозными учебными заведениями, не сводились только к подготовке специалистов, способных удовлетворить духовные потребности прихожан. Их цель должна была быть намного шире – подготовка нового поколения мусульманской интеллигенции, способной активно участвовать в возрождении и оздоровлении российского общества, деформированного советской властью. Это очень важная проблема не только для религиозных деятелей. В этой связи первоочередной задачей стало определение правовых основ деятельности религиозных учебных заведений, их лицензирование и аккредитация. Не трудно было себе представить внутреннее состояние молодого специалиста, проучившегося 4-5 лет в нелегализованном медресе и получившего диплом, не признаваемый государством.

Поэтому неудивительно, что практически все религиозные учебные заведения России работали по лицензиям, полученным в региональных министерствах и департаментах образования, которые, в свою очередь, имели право выдавать лицензии только учебным заведениям низшего звена. Эта проблема связана не только с правовым статусом учебных заведений, она прямо и непосредственно касается и их выпускников, которые практически не задерживались в мечетях, поскольку у общин не было материальных возможностей содержать имамов. Имама, приехавшего в село, необходимо было обеспечить

жилем, надо платить было ему зарплату. Если эти условия не выполнялись, молодой имам не оставался в деревне.

Выход из создавшегося положения многие ДУМ видели в более четком определении правового статуса медресе, которые могли бы дать дипломы государственного образца. Если бы шакирды наряду с религиозными знаниями получали в медресе соответствующие дипломы, признаваемые государством, дающие право работать в государственных учреждениях, то они наряду с обязанностями имамов могли бы исполнять многие другие функции (в частности, работать в школах).

К концу 1990-ых годов в Приволжском округе количество мусульманских учебных заведений было более 30, в том числе в Татарстане 15, в Башкортостане 4 и в Оренбургской области 3. Среди них наиболее крупные: медресе «Мухаммадия» и имени Тысячелетия принятия Ислама (Казань), Институт им. Марьям Султановой (Уфа).

Новым этапом в становлении системы мусульманского образования можно назвать появление в России исламских университетов в конце 1990-х годов. Первым таким университетом стал РИУ, возникший в 1998 году. Это было не только появление новых типов мусульманских учебных заведений, но и новый этап в формировании государственно-исламских отношений. Именно в этот период в обществе, в том числе и во властных структурах, появилось понимание того, что необходимо создавать условия для возвращения в духовную и общественно-политическую жизнь российского общества, не оторванных от реальной жизни религиозных ценностей, а тех традиций, которые российскими мусульманами уже выработаны в течение многих веков. Это гибкая и интеллектуально осмысленная модель ислама, которая совмещает толерантность и богобоязненность. Сегодня, действительно, необходимо подготовить мусульманских религиозных деятелей и богословов, которые могли бы понять потребности и особенности поликонфессионального общества и правильно ориентироваться в российском обществе.

Мусульманские учебные заведения, особенно университеты, безусловно, призваны решать свою главную задачу – подготовку высокообразованных религиозных деятелей. Но ясно, что в современных условиях такое учебное заведение, как университет, не может ограничиваться только подготовкой религиозных деятелей. Поэтому одна из главных задач университетов – подготовка мусульманской интеллигенции и богословов. Потому что в обществе должна появиться прослойка интеллигенции, которая должна нести объективную информацию об Исламе и тем самым, если и не ликвидировать полностью, то, по крайней мере, сузить почву для распространения исламофобских настроений и поддерживать традиции толерантных отношений.

Проблем у мусульманских учебных заведений, конечно, много. Начну с кадровой проблемы. Безусловно, за последние годы в этой области произошли

кардинальные изменения, среди которых можно назвать то, что учебные заведения, в основном, формировали преподавательский корпус из своих кадров, которые получили богословское образование в крупнейших международных мусульманских вузах Египта, Малайзии, Иордании, Сирии и других стран. Отрадно и то, что среди преподавателей есть и выпускники своих вузов, которые совершенствовали свои знания в других учебных заведениях. Правда, среди преподавателей еще мало специалистов с научными степенями. Дело, конечно, не только в научной степени, а в том, что эти преподаватели, хотя и с высокой профессиональной подготовкой, но представляют совершенно разные богословские и педагогические школы. Это создает массу проблем в выстраивании единой системы образования. Это еще раз свидетельствует о том, что необходимо ускорить процесс возрождения традиций российского мусульманского богословия.

Следует обратить внимание, что 2007 год в плане финансовой поддержки мусульманских учебных заведений со стороны России стал поворотным. В этом году правительством России принято распоряжение «О содействии в подготовке специалистов по истории и культуре ислама», на основе которого пять мусульманских вузов России приступили к реализации этой программы. Эта программа, рассчитанная до 2010 года, безусловно, открывает новые возможности по решению многих проблем, в первую очередь, по учебно-методическому обеспечению, совершенствованию организации учебного процесса и повышения квалификации преподавателей. Но, к сожалению, механизм реализации этой программы пока очень несовершенен. Она мусульманские вузы жестко привязывает к конкретному светскому вузу и соответственно поддержку самих мусульманских вузов делает не прямой, а опосредованной. Наиболее удобной была бы форма грантовой поддержки ведущих мусульманских вузов.

Начиная с 2007 г. развернул активную деятельность Фонд по поддержке исламской науки, образования культуры, который выделяет гранты и на поддержку учебного процесса, научно-издательской деятельности мусульманских учебных заведений.

Правовой статус религиозных учебных заведений в светском государстве всегда вызывал массу проблем. Для решения этой проблемы была внесена поправка в федеральный закон «Об образовании», который для мусульманских учебных заведений открыл новые возможности. По крайней мере, они могут в своем правовом статусе подняться до уровня государственных учебных заведений и выдавать диплом государственного образца своим выпускникам.

Но основные проблемы, которые должны решать мусульманские учебные заведения, до сих пор остаются открытыми. Это касается, в первую очередь, подготовки мусульманского духовенства новой формации.

Духовенство, которое, несмотря на свою немногочисленность, не представляет единой социальной прослойки. Оно состоит из представителей старшего поколения, которые сегодня представляют традиционный для мусульман России ислам. Но они формировались за годы советской власти и поэтому не имеют серьезных богословских знаний. Тем не менее, именно они пытаются возрождать исконно татарские традиции. Другое крыло духовенства состоит из молодых имамов, получивших образование в местных медресе или за рубежом. Эта наиболее активная часть духовенства практически оторвана от местных традиционных религиозных корней. Даже более того, они воспитаны убежденными в том, что истинными являются только те традиции, которые распространены среди арабов, особенно на родине Пророка Мухаммада, т.е. в Саудовской Аравии. Они не знают историю ислама среди мусульман региона и богословскую мысль. Для них национальное самосознание является чуждым элементом в восприятии ислама, поэтому для проповедей они предпочитают русский язык.

Это, ориентированное на чужие традиции духовенство, считает, что многие религиозные традиции, в течение веков существовавшие среди мусульман России и являющиеся составной частью их веры, противоречат канонам ислама, и поэтому необходимо с ними бороться.

Формирование полноценной издательской системы также связано с подготовкой соответствующих кадров. В этой сфере особую озабоченность вызывает учебно-методическая литература, которая издается и используется в качестве учебников в мусульманских учебных заведениях. За 15 лет существования мусульманских учебных заведений в России не подготовлен ни один учебник, написанный с учетом местных традиций мусульман. Вся литература, используемая в мусульманских учебных заведениях, привозная, и она, вполне естественно, совершенно не учитывает особенности ислама в стране. У шакирдов, обучающихся по этим учебникам, формируют убеждение в том, что у российских мусульман не было соответствующих учебников и, соответственно, своей богословской мысли. Хотя известно, что богословы мусульманских народов России по всем основным разделам исламской догматики писали блестящие учебники, которые до сих пор используются в республиках Центральной Азии.

Мусульмане региона в течение многих веков жили в многонациональной и поликонфессиональной среде, и поэтому для них ислам – это гибкая и толерантная система, которая дает возможность выжить в любых условиях. А какую молодежь воспитывают сегодня молодые имамы региона? Конечно, нельзя утверждать, что они готовят радикальных исламистов. Они просто их обучают тому, чему их учили в местных медресе или за рубежом. То, что они сегодня проповедуют, — это религиозная система, которая формировалась в условиях моноконфессионального общества. Это тот же догматизм, от которого мусуль-

мане России отходили в течение многих веков. Богословская мысль мусульман России выработала гибкую и интеллектуально осмысленную модель ислама, которая давала возможность совмещать толерантность и богобоязненность. А религиозное учение, которое предлагают молодые имамы, неприемлемо не столько потому, что не входит в рамки религиозных традиций мусульман России, сколько из-за его ценностных ориентиров, которые признают только замкнутое конфессиональное пространство. Ему неведомо поведение мусульманина в реальной поликонфессиональной среде. Для него неприемлемо постоянные интеллектуальные поиски по определению своего места в этом меняющемся мире. В результате общество получает интеллектуально ущербную и национально обезличенную группу молодых людей, убеждающих в правильности того ислама, традиции которого формировались далеко за пределами мусульманского сообщества в регионе.

Сложность и неоднозначность ситуации в мусульманской умме России заключается в том, что процесс возвращения исламских ценностей в общество сопровождается попыткой смены традиционной обрядовой системы. Неподготовленному человеку и не посвященному в специфику ислама в различных регионах страны эти изменения преподносятся как возвращение в лоно истинного ислама. И поэтому только развитая система мусульманского образования способна внести позитивные коррективы в этот сложный процесс возвращения ислама в общественно-политическую жизнь российского общества.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕЛИГИИ И ТЕОЛОГИИ

Е.Л. Юрьев

*сопредседатель общественной организации «Деловая Россия»,
член Общественной палаты Российской Федерации*

Предлагаю взглянуть на обсуждаемую проблематику с позиции интересов государства и общества, не вдаваясь в терминологическую дискуссию о том, является ли наукой теология или не является. Хотя, на мой взгляд, вопрос отпадет сам собой, если посмотреть на то, сколько часов читается теология в ключевых мировых университетах, таких как Гарвардский, Оксфордский или Сорбонский.

Исследование ВЦИОМ 2007 года показывает, как разделяются религиозно, конфессионально люди в нашем обществе: 63% — это православные, 6% — мусульмане и прочие по 1%. Количество атеистов в 2007 году в нашем обществе уже около 16% (в 1991 г. 61%, в 2000 г. 35%).

Эти данные не значат, конечно, что в образовательном или научном пространстве должна существовать монополия какого-то одного мировоззрения. Тем более, если образовательная и научная система отвечает интересам всего общества. Напомню, что, например, образовательная система содержится, в основном, на налоги всех россиян.

В последнее время в России наблюдается весьма интересная ситуация. Мы видим, каким образом тяжёлые социальные, кризисные явления связаны с явлениями ценностными или нравственными. Мне хотелось бы ещё раз обратиться к тезису о том, что распространение религиозных ценностей весьма благотворно влияет на ценностную и социальную ситуацию в России. И развитие теологии как науки, как некоей образовательной специальности, безусловно, способствует развитию в нашей стране живой религиозной традиции и распространению религиозных ценностей.

Обратимся еще раз к статистике. Наши текущие беды: по уровню самоубийств Россия в последние годы занимает стабильно второе место среди 200 стран мира, по числу подростковых самоубийств мы держим первое место в мире. Данные свидетельствуют также, что, чем выше религиозные ценности в том или ином государстве, тем ниже уровень самоубийств.

Посмотрите, вот Ирландия. В 1980-х годах в церковь в Ирландии ходили по воскресеньям до 90% людей, ирландцев. В 2007 году таких людей стало меньше, до 50%. И уровень самоубийств в Ирландии возрастает пропорционально.

Уровень насилия, уровень убийств в России на сегодня самый высокий в Европе. Понятно, что с уровнем насилия и преступности связано и количество

заклѳченных. Россия занимает второе место в мире по проценту людей, содержащихся в заключении (после США). Большая часть тяжких насильственных преступлений в России происходит под влиянием алкоголя. 63% убийств, 65% изнасилований, 60% умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 40% самоубийств совершаются также в состоянии алкогольного опьянения. Примерно каждая четвертая смерть в России связана с алкоголем.

Согласно экспертным расчетам, прямые и косвенные человеческие потери от алкоголя составляют около 450 тыс. смертей в год (Немцов 2006, 2007); Россия теряет минимум 5% ВВП от смертей и потери трудоспособности в результате злоупотребления алкоголем (расчеты экономиста Всемирной организации здравоохранения Марка Сухрка на 2002 г. без учета динамического приращения экономического урона в октябре 2007 г.). Исследования показывают, что существуют очевидные корреляции между религиозностью и употреблением алкоголя. Они вполне объяснимы. Вот смотрите.

Иудаизм, Тора: «Прийти и упийтесе, и изблюйте, и падите, и не возстаните от лица меча его же Аз послю среди вас» (Иеремии XXV.27), «Проклято пьянство (Прит. XX.1). Это Ееримия.

Христианство, Новый Завет: «Не упивайтесе вином, в нем же есть блуд» (Ефес. V.18). «Пьяницы Царствия Божия не наследуют» (1 Кор. VI.10). «Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесе: ни блудники, ни идолслужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6,9.10).

Ислам, Коран: «О те, которые уверовали! Не приближайтесе к молитве в состоянии опьянения, пока не можете понять, что говорите» (Коран, 4:43). «О те, которые уверовали! Воистину, все, что пьянит (и травит) ум, все это – мерзость, что измыслил сатана, так воздержитесе же от этих искушений, и, может быть, тогда вы обретете истинное счастье» (Коран, 5:90). И так далее.

Смертность от алкогольных отравлений в России — самая высокая в мире (Stickley *et al.* 2004). Россия на одном из первых мест в мире по потреблению инъекционных наркотиков (World Drug Report 2007). Россия и ее соседи делят лидерство по потреблению опиатов с Афганистаном и Ираном, однако в центральноазиатском регионе распространено курение, а не инъекционное потребление. Дети и подростки из религиозных семей демонстрируют худшее отношение к наркотикам, чем их менее религиозные сверстники. Это особая российская ситуация, когда даже в школах подросткам стал доступен алкоголь, наркотики, — уже 40% школьников, по опросам, знают, где можно достать наркотики.

По данным ЮНИСЕФ, в России самый высокий в мире процент брошенных детей: каждый 38-й ребенок живет в государственных учреждениях либо в патронатных семьях или у опекунов. И зафиксирована четкая корреляция между религиозностью и долей согласных с утверждением о том, что родите-

ли должны делать для детей всё, даже ценой собственного благополучия. Чем выше религиозность в обществе, тем лучше отношение к детям.

По абортам в России до сих пор — первое место, несмотря на то, что количество их снижается. Ожидаемое число детей у религиозных христиан, по опросам, существенно выше. По количеству разводов — номер один в мире пока также Россия.

У нас сейчас особая ситуация с молодёжью, которая имеет очень неприятную динамику: резкое падение моральных ценностей, моральности и нравственности молодёжи. 55% молодых людей отвечают на вопрос, что они готовы переступить через моральные принципы и нормы для достижения успеха в жизни. Среди старшего поколения эта ситуация, пока что, лучше.

Очевидно, существует взаимозависимость между религиозностью россиян и готовностью помогать другим. Впрочем, видно, что пожилым людям и инвалидам готовы помогать и религиозные, и нерелигиозные люди, в равной степени. Но, например, иммигрантам и соседям религиозные люди готовы помогать существенно чаще. В случае с эмигрантами — тезис напрямую относится к деятельности комиссии, которая организовала этот круглый стол. Есть сравнительные данные по всем странам мира: чем выше религиозность, тем лучше отношение к родителям, крепче утверждение, что родителей нужно любить и уважать независимо от их достоинств и недостатков. Ценности труда среди религиозных и нерелигиозных людей развиты, тем не менее, очень религиозные люди в большей степени считают, что, кто не работает, становится ленивым и что работа — долг перед обществом.

Завершение я хотел бы процитировать резолюцию Конгресса Соединённых Штатов Америки от июня 2007 года. Называется этот документ «Признание важности Рождества Христова и христианской веры».

«Принимая во внимание, что Рождество Христово — праздник величайшего значения для американцев и многих других культур и наций, празднуется ежегодно христианами повсюду в Соединённых Штатах и в мире;

принимая во внимание, что приблизительно 225 000 000 христиан проживает в Соединённых Штатах, что делает христианство религией трех четвертей американского населения;

принимая во внимание, что приблизительно 2 000 000 000 христиан живет во всем мире, что делает христианство наибольшей религией в мире и религией приблизительно одной трети мирового населения;

принимая во внимание, что христиане идентифицируют себя теми, кто верит в спасение от греха, предлагаемое им через жертву их Спасителя, Иисуса Христа, Сына Божия, и кто, из благодарности за дар спасения, посвящает себя проживанию своих жизней в соответствии с учением Святой Библии;

принимая во внимание, что христиане и христианство внесли величайший вклад в развитие Западной цивилизации;

принимая во внимание, что Соединенные Штаты, будучи основанными как конституционная республика в традициях Западной цивилизации, находят в своей истории множество акцентов, указывающих на христианские корни страны;

принимая во внимание, что 25 декабря каждого календарного года американские христиане отмечают Рождество Христово, праздник, знаменующий рождение их Спасителя, Иисуса Христа;

принимая во внимание, что для христиан Рождество Христово празднуется как признание Божественного искупления, Божией милости и благодати;

и принимая во внимание, что множество христиан и нехристиан повсюду в Соединенных Штатах и в остальной части мира празднует Рождество Христово как время служения другим, поэтому ныне постановляется, что Палата представителей:

- 1) признает христианскую веру как одну из великих религий мира;
- 2) выражает непрерывную поддержку христианам в Соединенных Штатах и во всем мире;
- 3) признает международную религиозную и историческую важность Рождества Христова и христианской веры;
- 4) признает и поддерживает роль, которую сыграли христиане и Христианство в основании Соединенных Штатов и в формировании Западной цивилизации;
- 5) не приемлет фанатизм и религиозные преследования, направленные против христиан, в Соединенных Штатах и во всем мире;
- 6) выражает самое глубокое уважение американским христианам и христианам во всем мире»¹.

И ещё одна цитата, это доклад Президента Франции от 2003 года, на официальной французской комиссии по светскости, руководитель которой — Бернар Стази. «Светскость государства не враждебна, не оппозиционна традиционным духовно-нравственным культурным ценностям». Там же: «Не следует ставить под сомнение историческое значение в обществе, которое имеет христианские ценности». И последнее. Конституция Баварии, ФРГ: высшими целями образования являются почитание Бога, уважение религиозных убеждений и человеческого достоинства, воспитание сдержанности, чувства ответственности.

Видно, что секулярный мир, чем более секулярен, тем более цепляется за религиозные ценности в надежде улучшить свою общественную и социальную ситуацию. Чем объясняется, например, тот факт, что в Германии, которая входит сейчас в шестёрку самых нерелигиозных стран мира, на 70% государство финансирует теологические кафедры, а во Франции на 40%.

1 Признание важности Рождества Христова и христианской веры. Резолюция Палаты представителей Конгресса Соединенных Штатов Америки от 06.12.2007 (HRES 847 IH1S; первая сессия 110-го Конгресса). Пер. с англ. д.ю.н. И.В.Понкина. <http://www.ruskru.ru/st.php?idar=105101>

ЗНАНИЮ О ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИИ НЕОБХОДИМ ПОЛНОЦЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ФОРМАТ

Д.В. Сладков

*член правления Благотворительного фонда преп. Серафима Саровского,
член Общественной палаты Российской Федерации*

Сегодня много было сказано о том, что такое теология. Не будучи богословом, сформулирую очень коротко. Для меня представление о теологии связано с опытным знанием о духовной жизни. Теология, с моей точки зрения, есть совокупность дисциплин по систематизации и осмыслению этого опытного знания. Осмыслению как теоретическому, так и практико-методическому. По этому критерию теология, — бесспорно, наука.

Теперь о том, с чем я гораздо больше имею дело в своей повседневной работе. Наш сегодняшний предмет обсуждения имеет прямое отношение, здесь я продолжу господина Юрьева, к такому вопросу, как конкурентоспособность России в современном мире. Конкурентоспособность культурная, экономическая, наконец, военная. Конкурентоспособность, а значит и привлекательность.

Об этом уже говорили, повторю ещё раз. Конечно же, наша эпоха не является «материалистической». Посмотрите вокруг внимательно. Все наиболее динамичные участники мирового развития, все глобальные лидеры отстраивают своё политическое, экономическое, научно-техническое движение вокруг прочного духовного и культурного сердечника. Хорошо осознанного, внятно и с гордостью предъявляемого, заботливо оберегаемого, неуклонно насаждаемого и пропагандируемого. Исключения здесь подтверждают правила. Стоило зашататься христианской идентичности Западной Европы, как тут же стали расплываться ее перспективы.

Давайте трезво посмотрим на все потрясения, которые нас ожидают в XXI веке, на все грядущие переформатирования мирового пространства, о которых сегодня пишут, в том числе и присутствующие здесь коллеги. Представим себе жёсткую, прочную хорошо закаленную и остро заточенную идентичность — и сравним её с ничем. И сразу понятно, кто победит в этом сравнении. В этом соревновании. В этом столкновении. Хорошо заточенная идентичность большинства наших геополитических соседей пройдет через нашу постсоветскую невнятность, как горячий нож через сливочное масло. Это не вызывает у меня сомнений, как, впрочем, и оптимизма.

Наша идентичность — что это такое? Для меня это четыре простые вещи. Русский язык — это раз. Сейчас много говорят о необходимости пропаганды и

продвижения русского языка в мире. Это обязательно надо делать, но чтобы сохранить страну, во много раз важнее продвигать русский язык здесь, в России. Русская словесность — это два. Это источник образов, которые нас объединяют, дают возможность понимать и чувствовать друг друга. Сегодня все больше людей, которые при словах «письмо Татьяны к Онегину» или «нет, жизнь не кончена в тридцать один год» не видят и не понимают ничего. История России — это три. Без комментариев. И знание родной духовной традиции, память о том, как именно здесь, на этой земле осмыслился опыт встречи человека с Богом — это четыре. Понятно, что последнее прямо и непосредственно связано с корпусом теологического знания.

С моей точки зрения, всё это имеет весьма внятную проектную составляющую. Президент В.В. Путин и избранный Президент Д.А. Медведев в последнее время выступали с очень серьёзными и жёсткими программными тезисами. Целый ряд экспертов, начиная с господина Павловского и отсутствующего здесь, к большому сожалению, Вячеслава Леонидовича Глазычева, уверенно констатировали, что, простите меня, программу Президента некому выполнять. Речь в этих экспертных суждениях шла, прежде всего, о госаппарате, но далеко не только о нём.

С моей точки зрения, это ощущение, что некому будет выполнять поставленные верховной властью масштабные задачи, связано, в том числе, с огромной дырой на месте нашей национально-государственной идентичности. Убежден, что именно процесс формирования идентичности должен стать одним из стержневых процессов: развития элитного образования — раз, подготовки и переподготовки управленческих кадров — два и, уж простите меня, формирования политического класса — три.

Но элитное образование не существует без научных исследований и живых научных школ. Из этого следует, что по всем позициям, которые я перечислял, включая предмет нашего сегодняшнего обсуждения — знание о духовной традиции, необходим полноценный университетский формат. В том числе, возможность защитить диссертацию.

Всем известно, что была в истории и есть до сих пор такая достаточно распространённая точка зрения: «Есть там Бог или нет Его, это на самом деле неважно, главное, что для народа это полезно». Очень серьёзно говорю, что я являюсь жестким, последовательным и принципиальным противником этой точки зрения. Знание о Боге, с моей точки зрения, имеет предельную самоценность. Просто для самого нашего человеческого статуса, для нашего существования как людей. Но эта предельная самоценность не исключает, а напротив, предполагает самое многообразное прикладное значение этого знания о Боге в достойном устройении жизни людей.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

протоиерей Борис Михайлов

*преподаватель Московского государственного
лингвистического университета,
кандидат искусствоведения*

В декабре 2007 года на Епархиальном собрании духовенства Москвы Святейший Патриарх Алексий II сообщил, что с сентября 2009 года в школах вводится новый предмет «Основы православной культуры». Готовы ли мы к его преподаванию? Что конкретно могут предложить члены Русской православной церкви? Какими знаниями и опытом мы располагаем?

Поскольку речь идет о православной культуре, то интерес представляют, прежде всего, два аспекта научной деятельности: религиоведческий и культурологический. В обоих случаях мы располагаем фундаментальными научными трудами таких известных ученых, как Д.С.Лихачев, А.Н.Панченко, В.Н.Лазарев, В.В.Иванов, В.Н.Топоров, С.С.Аверинцев и многих других, а также современными исследованиями, энциклопедическими изданиями и академическими курсами. Запас прочности здесь по-настоящему велик. Все дело в том, чтобы методологически правильно и методически грамотно распорядиться этим богатством.

Начинать надо с растолкования основных понятий курса православной культуры, при этом необходимо исходить из двух принципов изложения материала: преподавание курса религиозной культуры является не вероучительным, а общеобразовательным предметом, результатом его предполагается не вера, а знание как составная часть общекультурного опыта учащихся. Это, во-первых, и, во-вторых: о религии и культуре надо говорить не описательно, а по существу. Иначе говоря, надо постараться ответить на вопрос: что собою представляет феномен религиозности, как проявление уникальной, духовной способности человека и как в связи с верой и деятельностью человека начинает формироваться и действовать механизм культуры? Образцом такого подхода и изложения является курс лекций по Истории религий профессора МГИМО, доктора исторических наук, заведующего кафедрой истории религий Российского православного института им. Святого Апостола Иоанна Богослова А.Б. Зубова.

Как известно, XIX век был периодом торжества идей Просвещения и материализма. Он прошел в поисках двух антирелигиозных явлений: народов настолько примитивных, чтобы они не имели веры, и человека без веры. В 1890-е годы в результате серьезных и всесторонних исследований было доказано, что

безрелигиозных народов не существует. Самые примитивные, неписьменные народы, например, австралийские аборигены, как оказалось, имеют сложнейшие представления об инобытии, о вечной жизни. Образованным европейцам предстал очень богатый религиозный мир этих людей и очень скромный мир их практических занятий и знаний в противоположность богатейшей практике европейских народов той поры и убывающему миру их духовной жизни.

Первым открытием в истории религии оказалась всеобщность веры. Выяснилось, что в том или ином обществе может не быть царя, армии и т.д., но не может не быть обрядов, веры, учения, молитв и поклонения. Латинским эквивалентом веры является слово «религия» — *religio* — связываю развязанное, воссоединяю расторгнутое. И эта связь также исполнена жара, огня, потому что она связана с всецелым, волевым и свободным, преданием человеком себя Богу. Вера, по сути, есть нечто такое, что совершенно преобразует природу человека. На вопрос: «Как, когда и почему человек становится человеком» профессор А.Б. Зубов, отвечает цитатой: «Человек — это животное, которое становится человеком, благодаря жертвоприношению» (Брахман, прозаический комментарий к древнейшей книге Вед — Ригведе, IV-III тыс. до Р.Х.). Жертвоприношение есть свидетельство веры, внешний признак того, что мое существо находится в состоянии соединенности с Богом. Приведем еще одно авторитетное высказывание на эту тему известного богослова протоиерея Александра Шмемана: «Человек стал человеком не потому, что он изобрел колесо, как бы это колесо ни было важно. Не потому, что он *Homo sapiens*, и не потому, что он открыл Аристотелю логику. Он стал человеком, когда он стал *Homo adorans*, человеком, приносящим благодарение. Человек благодарящий — это тот, кто вдруг восклицает: «Исполнь небо и земля славы Твоя!»».

Движущим началом веры и религии является, прежде всего, стремление к преодолению смерти. Любой человек стоит перед лицом неизбежности своей смерти, и любой человек ощущает свое бессмертие. Этот конфликт смертности и бессмертности с глубочайшей древности есть главный и первый нерв любой религии. И второй нерв любой религии проистекает из нашей разделенности, раздробленности нашего бытия. Все мы живем в стремлении к единству: единству с родителями, предками, братьями и сестрами, с возлюбленными, с другими людьми. И каждый знает, как трагически порой противостоит этому внутренняя отчужденность, одиночество.

При этом речь идет не только о сознании современного человека. В течение XX века сравнительное религиоведение сделало открытия, сравнимые с достижениями современной физики. Были прочитаны тексты основных древних цивилизаций: египетской, месопотамской; были открыты совершенно прежде неизвестные цивилизации Крита и Микен, доарийской Индии и Америки. Колоссальный рывок совершили археология и палеоантропология, введшие в

научный оборот реалии религиозного мира древнего человека, с рядом которых стоит познакомиться.

Как известно, XIX век был периодом торжества идей Просвещения и материализма, временем яростной полемики с церковью. Была выдвинута, в частности, гипотеза о происхождении человека от обезьяны. Для ее полного обоснования не хватало только знаменитого «потерянного звена». Ученые бросились отыскивать его. В 1856 году в долине реки Неандр в северной Германии ученики сельской школы нашли некое окаменевшее захоронение. Учитель биологии исследовал его и предположил, что это кости казака русской армии, преследовавшей здесь отступавших французов в 1813 году. Когда с находкой познакомились более просвещенные коллеги сельского учителя, выяснилось, что этому казаку много тысяч лет. Так было открыто первое захоронение древнего человека — неандертальца. Последующие находки показали, что неандерталец не обезьяно-человек, а человек. Время его обитания на Земле приходится на период среднего палеолита.

Обратимся за примерами к эпохе среднего палеолита, эпохе неандертальца. В 1906 году во Франции (Ле Мустье) было найдено могильное захоронение юноши-неандертальца. В прямоугольной могиле 16-летний юноша лежал на правом боку, его ноги были подогнуты, правая рука под головой, левая вытянута. Это не какая-то случайность, не проявление чьего-то произвола. Перед нами религиозный эпифанический символ, который вводит нас в неизобразимую реальность. В представленной одновременно позе сна и позе эмбриона символически изображена вера в загробную жизнь. «Яко земля еси и в землю отыдеши» — могила есть реальность смерти, но одновременно и рождающая утроба земли. Интересно отметить созвучие этих реалий в английском языке: *tomb* <tu:m> (могила, с определенным артиклем — смерть; глагольная форма — хоронить, класть в могилу) и *womb* (материнская утроба). Захоронение ориентировано с запада на восток в значении от смерти — к жизни. Эта ось, как известно, имела в дальнейшем аналогичную значимость для большинства культовых построек. Следовательно, прямоугольная по форме могила неандертальца есть первое известное нам в культуре сакральное сооружение — ложе, на котором человек упокоивается для жизни вечной. Встречаются в эпоху неандертальца захоронения, где вокруг головы выложены вертикально расположенные куски кремния. Голова — это лицо и ум, очень важный символ человека. Кремень — источник огня, символ земли, в которой таится огонь. Огонь вздымается от земли, он одновременно часть неба, иного божественного мира, запредельного — вечная сущность. И вот этот кремневый ореол вокруг головы человека является символом того, что человек есть, с одной стороны, земля, но, в то же время, и огонь. Что в человеке есть нечто божественное, что он, поэтому, способен соединиться с Богом, перейти на Небо.

Об этом замечательно сказал русский поэт XIX века Афанасий Фет:

Не тем, Господь, могуч, непостижим
 Ты пред моим мятущимся сознанием,
 Что в звездный день Твой светлый серафим
 Громадный шар зажег над мирозданием.
 И мертвецу с пылающим лицом
 Он повелел блюсти Твои законы,
 Все пробуждать живительным лучом,
 Храня свой пыл столетий миллионы.
 Нет, Ты могуч и мне непостижим
 Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
 Ношу в груди, как оный серафим,
 Огонь сильней и ярче всей вселенной.
 Меж тем как я — добыча суеты,
 Игралище ее непостоянства, —
 Во мне он вечен, вездесущ, как Ты,
 Ни времени не знает, ни пространства.

В 1957 году в Горном Иране было найдено захоронение, где на костях скелета из-за очень сухого климата сохранилась пыльца цветов, которые и теперь растут там и цветут поздней весной. Пыльца — символ возрождения, неандертальцы понимали возложенные на тело цветы как знак того, что в этой отшедшей жизни есть зародыш жизни новой. Итак, неандерталец восхитил идею захоронения в земле, приобщения Небу и проявил себя как духовное существо.

Что же такое духовность? Это слово в наше время потеряло содержательную определенность, что и неудивительно, ибо Бог есть Дух, но Бог потерял всякую актуальность в современной культуре, для современного человека. По существу же духовность — это богоподобие, это устремленность людей к Абсолюту, ориентация на Бога, на соединение с Ним. «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф.6:33). Своими средствами к этому устремлялся еще доисторический человек.

А что же такое нравственность? Нравственность — это сумма самоограничений ради Бога, направленная на ближнего: «Если вы не напоили, не накормили, не обогрели, не посетили...» (Мф.25:42-43).

Первые уроки нравственности дают нам те же люди. Среди захоронений на горе Кармил в Палестине был обнаружен скелет неандертальца с отверстием в тазовой кости. Человек был бездвижен в течение года, у него выросла костная ткань, и после этого он еще прожил около 10 лет. Значит, его не бросили, не уничтожили, но ухаживали за ним.

Другой пример. В одной пещере в Иране были найдены останки старика, который прожил более 60 лет и при этом был слеп от рождения. Глазницы его затянулись известковой пленкой, к тому же в юности он потерял правую руку, ее ампутировали. Так вот, у него были совершенно истерты зубы, он ими что-то держал, трудясь, манипулируя левой рукой. Никто не лишил его жизни.

И третий пример. Недоношенного младенца, родившегося в 7 месяцев, неандертальцы похоронили по полному чину: в позе сна с орудиями труда взрослого человека. Очевидно, они видели в нем образ Божий, а образ этот, как известно, не имеет возраста. Поразительное открытие, лежащее в основании всякого религиозного опыта.

Что касается культуры, то существует свыше пятисот ее определений. Мы предлагаем определение культуры, принятое в курсе лекций профессора Московской духовной академии М.М.Дунаева. Оно основано на Евангельском понимании ценностей жизни. В Нагорной проповеди Христос говорит: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф.6:19-20). «В этой великой заповеди, — говорит профессор М.Дунаев, — определена сокровенная суть двух пониманий смысла человеческой жизни, как и двух мировоззрений, двух различных типов мышления, двух типов культур. Отсюда следует, что культура — это система жизненных ценностей человека и общества, выявляемая в их творческой деятельности. В нашу эру таких систем было две: христианская, сотериологическая, где главной ценностью было спасение, праведная жизнь во Христе (от греч. «сотерио» — спасение), и гуманистическая, эвдемоническая, ключевым понятием которой является счастье человека и, применительно к обществу, благо государства. Христианская культура сформировалась и просуществовала от времен Христа до переходного периода XIV-XV веков, когда вера ослабевает, и интересы большинства постепенно переключаются с небесного на земное. Гуманистическая культура просуществовала от эпохи Ренессанса (XV-XVI вв.) до XIX - начала XX веков, когда вера стала уходить из жизни людей, и разразился кризис традиционных начал культуры. Эвдемония сменилась демоническим одержанием. Вместо счастья основную ценность жизни стали видеть в ничем не обузданной свободе, в том, чтобы «быть как боги». Нельзя сказать при этом, что демоническая культура XX века господствует безраздельно. Одним из факторов противостояния ей является возрождение духовности в нашей стране и всеобщий интерес к основам православной культуры.

На пути постижения этой культуры и ее преподавания в светской школе стоит, однако, немало препятствий. Одно из них заключается в том, что широко используемое в современном языке слово «искусство» довольно широко распространяется и на культуру христианского мира. Говорят, например,

об архитектурном совершенстве храма святой Софии в Константинополе, о живописных достоинствах древнерусской иконописи, усваивая им свойства произведений искусства, характерных для эпохи Возрождения. Это тогда, во времена Леонардо да Винчи, Рафаэля и Микеланджело, зодчие, скульпторы и живописцы воспринимали здание, статую и картину как совершенный художественный организм, как эстетически преображенную и возвышенную реальность. Искусство с тех пор утвердилось как самодостаточная, самопревознесенная ценность, не нуждающаяся ни в каком сакральном обосновании. Называя древнерусский храм архитектурным произведением, мы искажаем его подлинную значимость как религиозного символа.

Известный русский богослов протопресвитер Александр Шмеман внес существенный вклад в учение о религиозном символе, разрабатывавшемся особенно активно русскими богословами и иконописцами в двадцатом столетии. Он писал: «История религии показывает, что, чем древнее, глубже, «органичнее» символ, тем меньше в нем только внешней изобразительности. И это так потому, что исконная «функция» символа не в том, чтобы изображать, а в том, чтобы являть и приобщать явленному. Про символ можно сказать, что он не столько «похож» на символизируемую реальность, сколько причастен ей и потому может ей реально приобщать. Таким образом, разница — радикальная — между теперешним и первичным пониманием символа состоит в том, что теперь символ есть изображение или знак чего-то другого, чего при этом в самом знаке реально нет, тогда как в первичном понимании символа он сам есть явление и присутствие другого, но именно как другого, то есть реальности, которая в данных условия и не может быть явленной иначе как в символе».

Учение об эпифаническом символе возникло в контексте осмысления литургического кризиса, несоответствия между совершаемым в церкви за богослужением и восприятием этого совершаемого. В XX веке этот кризис, считает о. Александр, превратился в некое хроническое состояние, которое выразилось в формализации церковной жизни и дроблении ее восприятия. Так, учебники литургики много и подробно говорят о храме, об его устройстве, о «символическом» значении тех или иных его частей при полном упущении его связи с соборным характером Литургии. В первохристианскую эпоху, в лучшие византийские и русские времена храм, напротив, переживался как собор, как собрание воедино — во Христе — неба и земли и всей твари, в чем выявляет себя сущность и назначение церкви. Об этом свидетельствуют и форма храма, и иконопись. Форма храма в виде корабля как места собрания выражает направленность этого собрания народа Божия во Христе к престолу, как своей цели и завершению. Разделяющая их алтарная преграда в виде иконостаса на самом деле соединяет их. Ведь икона есть эпифанический символ, свидетельство совершившегося соединения Божьего и человеческого, небесного и земного. Поэтому иконостас и возник из переживания храма как «Неба на земле», как

свидетельство о том, что «приблизилось к нам Царствие Божие». И подлинное значение иконописи в храме заключается в том, что она как бы участвует в собрании церкви, вместе со всеми ее чинами — пророков, апостолов, мучеников и святителей, вся церковь, все собрание восходит на небо.

Подателем Царства является Бог, а исполнителем его воли на земле — человек. Все связано с верой человека и его жизнью по вере. Христианская культура, таким образом, укореняется не в эстетической, а в аскетической деятельности и реальности. Об этом замечательно пишет с позиций святоотеческого понимания иконы и богослужебного пения современный композитор и теоретик музыки В.И.Мартынов. Слово «аскет» на языке древних философов означало упражнение в добродетели, в посте и молитве и особенно в подчинении своей воли. За своеволие человек был изгнан из рая, следовательно, возвращение утраченного состояния должно состоять в примирении с Богом. Примирение же с Богом невозможно без взыскания Бога и призывания Его имени. Но Бог призывается не звуками бубна, не магическими заклинаниями и не мистическими комбинациями чисел, а жизнью, которая в каждом мельчайшем своем проявлении должна сделаться угодной Богу. Если музыка как искусство начинается с любования музыкальным звуком, то богослужебное пение как аскетическая дисциплина начинается с приведения своей жизни в порядок, создающий условия для возникновения звука, угодного Богу. Преображая свое падшее естество, человек становится иконой высшего мира и приобщает, насколько это возможно, своему обожженному естеству мир, входящий с ним в соприкосновение. В результате мир становится иконоподобным.

Под «иконой» в данном случае понимается как икона, написанная красками на доске, так и икона, состоящая из построек и окультуренных территорий, подчиненных икоографическому градостроительному плану (город и монастырь как икона Небесного Иерусалима). Символично-эпифаническое значение приобретает богослужение, его чин, напрестольные Крест и Евангелие, облачения и предметы, богослужебное пение и колокольный звон, соотношенные своей формой и характером использования с символическим значением церковного художества. Возникающий таким образом иконный мир или иконосфера является эпифаническим символом Царства Небесного, есть его реальность в доступных для восприятия формах.

Предлагаемое понимание реалий православной культуры поможет преподавателю избежать поверхностного восприятия предметов культа, словно не имеющих между собою прочной содержательной связи.

Есть еще ряд опасностей, стоящих на пути человека, устремленного к постижению православного мира. О них красноречиво говорит выдающийся современный миссионер игумен Петр (Мещеринов) — насельник Данилова монастыря, преподаватель Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи, автор многих статей по насущным вопросам современной церков-

ной жизни. «Церковь, — пишет о. Петр, — имеет определенную иерархию ценностей, и нужно всегда отличать религиозный ее смысл от внешних соприкосновений. Патриотизм и здоровое национальное самосознание — вещи важные, нужные, востребованные, но они не могут занимать первые места именно в церкви. ... Если мы будем рассматривать исторический контекст православия, мы увидим, что поместные церкви строились по национальному признаку; однако церковь, не отрицая важности национальной составляющей жизни, всегда осознает и исповедует себя прежде всего апостольской, единой и соборной, т.е. вселенской. ... Когда этот принцип церковной жизни умалется, забывается, когда национальные идеологемы выходят на первый план и претендуют на какую-то особую церковную санкцию», тогда происходит подмена православия национализмом, и преподавание Основ православной культуры может легко соскользнуть в псевдо-патриотическую апологетику, примеры чему, к сожалению, содержатся в ряде учебников по интересующему нас предмету.

Вторая, столь же широко распространенная подмена связана с превращением нашего представления о церкви в лубок». «Подлинное христианство, — продолжает о. Петр, — трезвенно, ровно, сосредоточенно, чуждо развлечений, и в некотором смысле — сухо; оно все — внутри, а вне оно скромно, малоэффективно, неброско, незаметно. При этом евангельская жизнь трудна, для нее нужно постоянное внутреннее усилие души (см.: Мф. 11:12). Многим людям все это скучно и неинтересно. Им нужно, как писал еще святитель Игнатий, эффект и развлечение; поэтому христианство «расцветивается» самыми разнообразными вещами, такими, как видения, знамения, откровения; поездки в поисках прозорливых старцев и стариц; почитание разнообразных источников и прочих «святыnek»; высчитывание признаков скорого конца света; создание огромного количества преданий о тех или иных почитаемых святых и т.д. Нередко сюда примешивается и язычество, облекшееся в церковные одежды, например, почитание медовых, яблочных и прочих «Спасов», масленица, разного рода полусуеверные обычаи, связанные с праздниками Рождества и Крещения, и проч. Опасность здесь та, что в качестве учения церкви выступают не Священное Писание, не догматическое и нравственное святоотеческое Предание, но исторически небезупречные сведения и негодные и бабы басни (см.: 1 Тим. 4:7)». В результате может произойти подмена: на месте предмета изучения православной культуры окажутся «лубок» и «басня».

РОЛЬ ТЕОЛОГИИ В КУЛЬТУРЕ И В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В.Н. Катасонов

*заведующий кафедрой Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета, доктор философских наук*

Мне кажется, что вопрос о том, что такое теология, наука или не наука, как справедливо тут уже говорилось, очень трудно объяснять широкой аудитории. Так же как широкой аудитории, может быть, трудно объяснять, является ли наукой, например, ну, я не знаю, скажем, пэ-адическая геометрия. Лучший способ определить это, вообще говоря, — заняться самим предметом.

Действительно, этот вопрос стоит в одном ряду с такими вопросами, как является ли философия наукой, и большинство философов, конечно, скажет вам, что философия не является наукой, несмотря на то что в ней и есть элементы науки. Но, тем не менее, как значима философия! Так же значимо и богословие. Между прочим, если говорить даже о философии, то Кант, который, наверное, что-то понимал в этой дисциплине, сказал, что главными предметами философии являются Бог, душа и бессмертие. Уже в философии мы задаем вопрос о Боге. И поэтому я думаю, что обсуждение в той аудитории, которая собралась здесь сегодня, должно касаться не столько вопроса, наука ли богословие, сколько вопроса о важности преподавания этой дисциплины для нашей культуры, для общественного сознания всей страны. А то, что богословие — наука со своим предметом, со своими методами, со своими школами, традициями, это в общем-то, аксиома.

Если спрашивают определение, что такое теология, ну, можно дать некоторое определение, что теология — это есть система мыслей о Боге в той или иной религиозной традиции. На самом деле, теология — это система наук, и она действительно связана с некоторой религиозной традицией, это не есть свободное богословствование. Поэтому, я думаю, прозвучавшие здесь некоторые алармистские высказывания, что, мол, де, открой специализированный Совет по теологии, так нанесут таких диссертаций по оккультизму, что и работа Совета будет парализована, я думаю, в этих предупреждениях больше претензии, чем дела... Ничего, разберемся. И более того, заранее можно сказать, что проблем будет еще больше, чем было озвучено. Но они отнюдь не неразрешимы. В конце концов, не мы первые в Европе создаем подобные Советы.

Самое важное для нас сейчас, я думаю, это понять то, зачем нужна теология. Вот, например, в документе, который нам здесь каждому предложен «Религия и порядок в России», мы читаем статью 28 Конституции Российской Федерации, где написано, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания и так далее. Но встает вопрос: на основании чего гражданину, человеку, вообще,

гарантируется свобода? Кем гарантируется эта свобода? Откуда все это идет? Этот вопрос отнюдь не праздный, он очень серьезный. Это вопрос не просто философский, этот вопрос затрагивает последние основания существования человека и, в частности, существования государства. Или действительно есть какое-то онтологическое начало, какой-то объективный смысл человеческого существования, Святыня, которая гарантирует человеку свободу, или все-таки, прав постмодернизм. И тогда за каждым человеческим устремлением, индивидуальным или групповым, стоит только его личная воля и, следовательно, его своеволие, захватить себе, так сказать, побольше... Как говорится, большая рыбка съела маленькую рыбку. Вот и все, и весь смысл жизни и свободы... Есть ли какие-то объективные основания в мире для добра, для блага, для порядка? Вот на эти вопросы, в частности, и дает ответы теология.

Кроме того, теология — это как раз то, чего нам сегодня очень не хватает для преодоления тех провалов советской культуры, которая базировалась на атеистическом мировоззрении. Несмотря на огромные успехи советской науки в области естествознания, гуманитарная наука была у нас, вообще говоря, в бедственном состоянии. И сегодняшний вопрос о теологии касается и этой темы. Мы знаем, все западные университеты имеют теологические факультеты. Только благодаря этому, в частности, можно было так продвинуть на Западе историю науки, я имею в виду историю естествознания. Ведь вот даже если взять письмо уважаемых академиков против основ православной культуры, ученых, научный статус которых в естествознании несомненен, их знание истории науки, собственной науки, оставляет желать лучшего... Потому что, историки науки за последнее столетие убедительно показали, что, например, фундаментальные принципы физики, возникающие в XVII веке, были связаны как раз с теологическими доктринами.

Закон инерции — первый закон классической механики, без него не было бы нашей науки. Так вот, Декарт, один из создателей математического естествознания, дает обоснование этого закона, используя чисто богословскую аргументацию. Чтобы это заметить, чтобы это знать, нужно иметь некоторое уважение к теологии... Или, например, проблема бесконечности. Откуда взялась идея бесконечности вообще? Весь человеческий опыт конечен. Античность, пытаясь спекулировать о бесконечности, приходит к тому, что это понятие противоречиво, оно нарушает фундаментальные научные принципы и ему не место в науке. А вот с XVII века у нас бесконечность становится инструментом математического естествознания (дифференциальное и интегральное исчисления).

Откуда это берется? Оказывается, это берется из христианского богословия, из спекулятивных построений о Боге в поздней схоластике. Для того чтобы знать это, опять нужно как минимум иметь уважение к теологии. Вы понимаете, ведь, именно потому, что на Западе почти каждый университет имеет теологический факультет, возможны такие крупные философы, как, например, Мартин Хайдеггер. Ведь Мартин Хайдеггер начинал именно как теолог. Только продумав

теологическую проблематику, можно было прийти к тем философским построениям, которые удивляют и по сегодняшний день весь мир. Поэтому, если мы хотим, чтобы у нас были свои Мартины Хайдеггеры, нам необходимо вводить факультеты теологии в России, легализовать эту специальность как ВАКовскую и перестать держаться за дурные академические привычки, продиктованные отжившей маргинальной идеологией.

ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Т.И. Петракова

*профессор Московского педагогического государственного
университета, доктор педагогических наук*

Мне хотелось сказать несколько слов о связи теологии и православной культуры. Полностью разделяю мнение В.К. Шохина, который сегодня в своём выступлении сказал, что если в школах преподаются «Основы православной культуры» (а такая практика в России существует более 15 лет, накоплен большой положительный опыт в этой области), то естественно должны быть специалисты с теологическим образованием. Или, если сказать точнее, с теологической составляющей педагогического образования.

Связь положения теологии в российском высшем, профессиональном образовании и вопросов, связанных с изучением в средней школе православной культуры, безусловно, самая непосредственная, прямая. Она пролегает, прежде всего, по линии «общее образование» — «профессиональное образование» (как среднее специальное, так и высшее). В школе изучаются основы наук, в системе профессионального образования сами науки. Это мы все понимаем, это одна из аксиом построения системы образования в целом.

Очень важный вопрос, каким образом теология должна войти в систему высшего педагогического образования. А это процесс неизбежный, так как уже миллион учащихся в российских школах изучают основы традиционных религий. Подход здесь может быть такой. Педагог, в частности, по православной культуре, должен, во-первых, знать содержание общего образования по православной культуре (своего рода «стандарт общего образования по православной культуре», одобренный Министерством образования в 2002 году и рекомендованный для использования в школах), плюс те учебно-методические комплекты по этому курсу, которые на сегодняшний день используются в учебных заведениях. В решении первой задачи теологическая подготовка самих учителей или подготовка учителей с использованием специалистов-теологов будет неизбежно востребована.

И последнее, о чем хотелось бы сказать. Нужна единая государственная программа подготовки учителей по православной культуре.

Завершая, следует ещё раз подчеркнуть, что существует непосредственная связь теологии — того вопроса, который здесь сегодня обсуждался — и преподавания в средней школе православной культуры, религиозной культуры традиционных российских религий вообще. Одно без другого развивать нельзя, одно без другого развиваться не может.

ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПГЛУ)

В.Д. Лаза

*доцент кафедры управления, политологии и социологии
Пятигорского государственного лингвистического университета,
кандидат философских наук*

В настоящее время Ставропольская и Владикавказская Епархия – одна из сложнейших, в национальном и конфессиональном отношении, епархий Русской православной церкви. В ее состав входят 6 субъектов Российской Федерации: Ставропольский край, Кабардино-Балкарская республика, Карачаево-Черкесская республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, 4 из них с преобладающей или значительной долей мусульманского населения.

О своеобразии и сложности Кавказской Епархии еще полтора века назад писал прибывший на Кавказскую и Черноморскую кафедру епископ Игнатий (Брянчанинов). В письмах своим близким он свидетельствовал, что условия в этой недавно учрежденной епархии очень отличаются от всего того, с чем ему приходилось иметь дело до назначения на Кавказ. Многонациональный и «разноверный» состав местного населения был причиной возникновения множества таких вопросов церковно-административного характера, подобные которым даже в мыслях не представлялись архиереям, управлявшим благоустроенными епархиями в центре государства.

Конфессиональное пространство современной России вообще чрезвычайно насыщено, многообразно и разнородно. Поэтому религиозные организации становятся одним из наиболее важных институтов гражданского общества. Эти обстоятельства приводят нас к пониманию их особой миссии и ответственности в деле сохранения гражданского мира и согласия в российском обществе. В 2006 году было подписано соглашение о сотрудничестве между Ставропольской и Владикавказской Епархией и Пятигорским государственным лингвистическим университетом. Результатом этого соглашения стало открытие теологического отделения на факультете государственной службы и управления ПГЛУ. Более того, принимая в расчет сложившуюся социокультурную ситуацию, требующую постоянного учета религиозного фактора в деятельности государственных и муниципальных органов власти в рамках реализуемой специальности, была лицензирована специализация — «Государственно-конфессиональные отношения».

В 2007 году ПГЛУ стал участником «Комплексной программы содействия развитию сферы религиозного образования, прежде всего мусульманского (2005-2015)» Министерства образования и науки РФ, которая курируется Администрацией президента РФ, а также «Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007-2010 гг.». В рамках этой программы был открыт «Научный центр исследований межнациональных и межконфессиональных отношений» на базе кафедры истории и кафедры управления, политологии и социологии ПГЛУ. Планируется проведение научных конференций и научно-методических семинаров с участием представителей как научного сообщества, так и культурообразующих конфессий. С 2008 г. в ПГЛУ планируется набор студентов по лицензированной специальности 031901 Теология с исламским блоком конфессиональных дисциплин. При этом специалисты в области исламской теологии будут также овладевать специализацией «Государственно-конфессиональные отношения».

Это связано с тем, что сегодня в органах исполнительной и законодательной власти ощущается недостаток специалистов, имеющих базовое классическое образование в сфере государственно-конфессиональных отношений. Поэтому необходимо создать целое сообщество компетентных специалистов, которые будут заниматься религиозными вопросами не только с позиций политической целесообразности, но и опираясь на знание всех тонкостей традиционных религиозных вероучений.

Развитие поликонфессионального теологического образования под патронатом государства будет способствовать, прежде всего, преемственности в области образовательных и научных традиций, выработанных традиционными конфессиями в условиях их мирного сосуществования в России. Подготовка специалистов теологов является эффективным средством, препятствующим распространению псевдо-христианских сект, исламского фундаментализма и других антигосударственных и антиобщественных объединений, и направлена на обеспечение духовной безопасности, на усиление созидательных процессов в обществе.

ПГЛУ в течение многих лет ведет систематическую и планомерную работу по налаживанию межконфессионального диалога в образовательном пространстве нашего университета. Еще в начале 1990-х гг. была разработана и активно реализуется гуманитарная миротворческая научно-исследовательская программа «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». С 1995 года важнейшим составляющим звеном программы являются международные конгрессы. В октябре 2007 г. в ПГЛУ состоялся V международный конгресс «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Организаторами выступили: Комитет Государственной Думы ФС РФ по делам национальностей, Федеральное агентство по образованию Министерства

образования и науки РФ, Российская академия образования, Академия педагогических и социальных наук, Правительство Ставропольского края, Администрация города Пятигорска, ПГЛУ.

В рамках конгресса работало 19 научных симпозиумов, в том числе симпозиум «Конфессии Северного Кавказа. Конфессиональный диалог — путь к духовному обогащению народов». Замечательным было то, что в рамках конгресса состоялись открытые слушания Комиссии Общественной палаты по вопросам толерантности и свободы совести совместно с Комиссией по вопросам глобализма и национальной стратегии развития на тему «Северный Кавказ в национальной стратегии России». В работе симпозиума и слушаний принимали участие представители всех конфессий Северного Кавказа. В том числе член Общественной палаты РФ архиепископ Ставропольский и Владикавказский Феофан, Председатель Духовного управления мусульман Ставропольского края и КЧР И.Х. Бердиев и главный раввин на КМВ Ш.Б. Шалумов. Главным итогом стало то, что межконфессиональный диалог не только нужен, но и возможен в образовательном пространстве и пространстве культуры, которая выступает в данном случае как мир-посредник. Итог этот не случаен, так как между работой конгрессов были проведены многие научные конференции, симпозиумы, круглые столы, которые стали эффективной формой научных, политических и социальных контактов между представителями всех конфессий, всех регионов Северного Кавказа. В том числе, традицией стало проведение круглого стола «Межконфессиональный диалог в образовательном пространстве».

Совершенно ясно, что серьезная причина этнических и межконфессиональных проблем в слабом взаимодействии религиозных организаций и государства в сфере образования, которое стало катализатором разрушений и нарушений незыблемых пределов и границ духовного пространства России. Очень важно понять, что религиозный экстремизм процветает на почве духовного невежества. Истинное понимание религии и религиозной культуры приводит к просветлению, святости, а не к бандитизму, продажности и жестокости. Во всех этих чудовищных проявлениях виновата не религия, не вера, но ее незнание и непонимание. Потому, прежде всего, необходимо ликвидировать религиозную безграмотность и некомпетентность не только в сфере образования и государственного управления, что возможно лишь при наличии достаточного количества хорошо подготовленных специалистов: преподавателей, консультантов, экспертов в области религиозного знания, прекрасно владеющих тонкостями вероучения, обычаев и традиций, основных культуuroобразующих конфессий.

О «КОНФЛИКТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ» В РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Т.Г. Человенко

*заведующая кафедрой религиоведения и теологии
Орловского государственного университета,
кандидат педагогических наук*

Проблема расширения «предельной реальности» и «предельного опыта» в смысле их доступности познавательным амбициям современного человека и науки беспокоит сегодня и естественно научную и философскую мысль. Сосредоточившись на дискуссиях о научности и ненаучности теологического знания, мы упускаем другую, на наш взгляд, действительно серьёзную в своих последствиях проблему — проблему «эзотеризации» самого научного знания. Серьёзным когнитивным поводом для решения указанной проблемы является обращение современной теории познания к опыту. Рефлексия исторического многообразия опытного знания активно используется в процессе поиска культурно-антропологических оснований универсальной онтологии, а всплывающие проблемы холистического мировоззрения, как правило, в натурфилософском исполнении, всё чаще становятся предметом обсуждения в контексте взаимоотношений науки и религии.

Исследования религии и религиозного опыта требуют особого профессионализма. С одной стороны, нельзя впасть в крайности излишней схематизации и теоретизации религиозных явлений, дабы не превратить знания о религии в «музей понятий» (термин П. Рикёра). Но, в то же время, нельзя сводить научные исследования к построению наукообразных иррационалистических теорий магико-герметического толка. Дабы не повторить ошибки эпохи Возрождения, когда увлечение антропоцентризмом обострило внимание к магико-герметическому эксперименту и опыту (здесь можно обратить внимание современной науки на концепции и учения типа Нью-Эйдж), необходима активизация сотрудничества философской и теологической мыслительных традиций.

Богословие и наука ещё в эпоху Ренессанса совместными усилиями расставили акценты относительно гносеологической значимости натурфилософии и Божественной трансценденции¹. Это позволило двум познавательным парадигмам — религиозной и научной — не только развести свои дискурсы, но и плодотворно взаимодействовать в рамках западноевропейской культуры в поисках «нового синтеза» философии и религии.

1 Визгин В.П. Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки нового времени // Философско-религиозные истоки науки. Москва. 1997. С. 88-141.

Опыт (в том числе и религиозный) как важный фактор развития современной теории познания актуализирует проблемы диалектического взаимодействия понимания и объяснения. У П. Рикёра, например, понимание — важнейший атрибут социального диалога науки и религии, в котором должное внимание уделяется уникальности религий, умению исследователя «соотнести религиозный феномен с его объектом, как он обозначен и как дан в культуре и в вере, в ритуале и мифе»¹. Такой подход позволил выделить вклад П. Рикёра в преодоление «междоусобной борьбы разума и веры».

Следует отметить, что классическая феноменология религии если и рассматривала возможности межрелигиозного диалога, то видела их в универсализации религиозных феноменов, выстраивая их типологию на основе понимания мировых религий как одного целого (Ф. Хайлер). Герменевтическая же феноменология религии (Й. Вах, В. дер Леув и др.) с её идеей актуализации христианско-теологического контекста вызывала нарекания в отсутствии научной объективности, как нам кажется, именно из-за своего «межпарадигмального положения», поставившего под сомнение результативность использования классического идеала рациональности при изучении религиозных феноменов. На наш взгляд, отсутствие сегодня должного внимания к исследованию уникальности религии на современном научном уровне — это путь к экуменической эклектике, к попыткам доктринального смешения, что не ведёт к диалогу и сотрудничеству, поскольку размывает мировоззренческие и семантические традиции религии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому на пути универсализации знаний о религии как сверхсложного явления не должны стираться догматические различия, но должен быть отрефлексирован социально-антропологический уровень единства нравственного, ценностно-смыслового и культурологического потенциала религиозных комплексов различного типа. Для этого важно найти такие теоретико-концептуальные идеи, которые бы позволили в новых условиях развития современного научного знания рассматривать понимание и объяснение не как исключаящие друг друга познавательные стратегии, но как «составляющие» сложного процесса интерпретации религии. При этом вопрос о субъективности интерпретаций — отдельная проблема, решение которой входит в пространство современного поиска конструктивных возможностей релятивных знаний.

Развитие научного знания о религии и выбор в его контексте исследовательской парадигмы определяются во многом тем, что мы подразумеваем под религией. Религия традиционно трактуется как система доктринальных истин, как совокупность представлений, практик и ценностей, как исторический, социокультурный и духовный феномен. Мы понимаем под религией явление, связанное с отысканием и полаганием «предельных» условий возможности обретения субъектом объективного опыта трансцендентального характера. Разрешение данной познавательной кол-

1 Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Москва. 2002. С. 394.

лизии может происходить в разных вариантах. Наиболее известный из них, сформулированный в классическом философском дискурсе, представлен в философии И. Канта. Кант показал, что, как только разум пытается представить мир как единое целое, он с неизбежностью впадает в неустранимые антиномии. Немецкий философ предложил «снять» указанные антиномии и иметь дело лишь с «феноменами» как предметами конечного созерцания, не касаясь «ноуменов» («вещей в себе»). С другой стороны, долгое время религия рассматривалась как особое мировоззрение, как форма общественного сознания, где отражение действительности происходит в иллюзорно-фантастических образах, представлениях, понятиях². В современном отечественном религиоведении³ религия понимается как одна из сфер духовной и практической жизни людей, включающая в себя религиозное сознание, религиозный культ, религиозные организации⁴. Специалистами справедливо подчёркивается, что по отношению к религии формально-логический подход через установление родового и видового отличия не даёт желаемых научных результатов.

Отличие религии от других «форм духа» видится сегодня «в типической комбинации и корреляции определённых черт, в большей по сравнению с другими областями духовной жизни их представленности и интенсивности, в особой их субординации»⁵. При этом подчёркивается, что «в содержании понятия религии имеются компоненты, фиксирующие её наиболее глубинные, фундаментальные качества, высвечивающиеся в сущем, в существовании, в бытовании, которые можно раскрыть на философском уровне»⁶.

Еще одним направлением рефлексии религиозного феномена является традиция русской религиозной философии. В рамках указанного направления религиозный феномен рассматривается как то, что «даёт возможность» познания «сущего в себе», когда, познавая религиозное явление в его внешних характеристиках, мы имеем некоторое приближение к постижению, «схватыванию» самого сущего. Данный подход был востребован феноменологией и русской религиозной философией на пути преодоления кризиса научного мышления в конце XIX — начале XX в. В русской философии при постижении религиозного феномена на первый план были выдвинуты относительно новые для того времени экзистенциально-онтологические моменты: религиозный феномен приобретал «некантовское основание», укореняясь в «абсолютной основе» всех религиозных явлений. Это позволило русским религиозным мыслителям (таким, как Булгаков, Кудрявцев-Платонов, Соловьёв,

2 Сравни с марксовым пониманием религии как «превратного мировоззрения»; см.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. С. 414.

3 В данном случае религиоведение мы понимаем широко, как межпредметное знание о религии, учитывающее современные тенденции развития гуманитарных представлений и результаты становления современных инновационных образовательных практик.

4 Забияко А.П., Красников А.Н., Элбакян Е.С. Религия // Религиоведение. Энциклопедический словарь. Москва. 2006. С. 872.

5 Яблоков И.Н. Религиоведение. Москва. 2005. С. 226.

6 Там же.

Флоренский и др.) по-новому интерпретировать соотношение явления и сущности в «религиозных комплексах».

Западноевропейская философская мысль в её постклассическом варианте расширяет трактовку религиозного феномена в духе корреляции явления и сознания (Гуссерль), что придаёт данной проблеме онтологическую окраску. В постнеклассический период благодаря развиваемому подходу основной акцент делается на экзистенциальную корреляцию, казалось бы, взаимоисключающих друг друга религиозных феноменов и опыта, что наблюдается, например, у М. Хайдеггера¹. Акцентировка экзистенциальной составляющей религиозного бытия — это выход в другое личностное измерение, это перспектива создания посттрансцендентальной онтологии феномена² и экзистенциальной гносеологии (Мамардашвили), попытка создания нового, сообразного предмету исследования дискурса. Данные попытки отмечались уже в концепции «наблюдающего участника» Тиллиха, в принципе «участного мышления» Хайдеггера, в позиции «находимости — внеходимости» Бахтина, в «принципе сочувствия» Мейена, «принципе участности» Хоружего, в контекстуальном подходе епископа Илариона (Алфеева) и, в конечном итоге, в теории доверия субъекту как основополагающей позиции постнеклассической науки.

«Посттрансцендентальная онтология феномена» актуализирует проблему личностного характера феноменологического познания. Здесь феномен рассматривается как «пограничное» явление: одной стороной он соприкасается с выявляющим его переживанием как условием его заданности, а другой — «уходит в тьму незнакомого». В данном случае феноменология познания производится не неким «чистым разумом», а лицом, попадающим в определенные познавательные ситуации, в которых возникают «задачи», косвенно указывающие на порождающие их феномены. Феноменология познания в этом случае обретает личностный характер. Она связана с конкретным человеком, хотя указать или показать, кто именно является «конкретным человеком», невозможно. Трансцендентальная феноменология говорит о феномене, который конституируется феноменологом для ясного, неискажённого переживания предмета в его сущности, первозданности. Постнеклассическая феноменология, придавая большое значение опыту самопонимания и самополагания познающего субъекта, пытается помыслить опыт как «децентрированное целое», образованное множеством взаимодополнительных познавательных соотношений. К их числу относятся в первую очередь соотношение феномена и предмета, феномена и экзистенции, пересекающихся со многими другими соотношениями³.

Понятно, что восстановление всей полноты этих соотношений было бы равнозначно постижению бытийного целого, что само по себе утопично. Но, несмотря на

1 Под феноменом Хайдеггер понимает структуры индивидуированной экзистенции, обеспечивающие рецепцию бытия через раскрытие его смыслов и через это опирающиеся на метафизику сущности. Таким образом, хайдеггеровское «само-по-себе-себя-кажущее» — это «бытие сущего» и под феноменом следует понимать само бытие; см.: Richardson W. Heidegger: through phenomenology to thought. The Hague, 1963.

2 См.: Сафронов П.А. Онтология феномена. Москва. 2007.

3 Там же. С. 58.

это «дурной бесконечности», положительным в данном случае является корректное расширение границ познавательной деятельности: опыт отдельного человека (религиозный в том числе), рационально отрефлексированный философско-богословской мыслью, оказывается включённым в «официальный» познавательный дискурс.

Необходимо помнить, что классические научные подходы исключают всякое взаимодействие философии и религиоведения с теологией, которую в большой степени характеризует личностное измерение. Исключают они и всякое «экзистенциальное измерение» религиозного феномена. В результате сам религиозный феномен подвергается «натурализации», сводится к социальному функционированию человека, к его социобиологическому, социопсихологическому началу. При этом проблема личностной основы веры и свобода ее выбора либо игнорируется, либо принижается и сводится до достаточно примитивного истолкования. Между тем, привлечение теологической аргументации при интерпретации парадокса человеческой субъективности в рамках религиозной экзистенции было бы полезным, если речь идет о различении природы человека и его «ипостасности» (личностности).

Очевидно, что современная отечественная религиозная философия с её богословской составляющей ещё не сказала своего слова в рамках постнеклассической философии с её новым идеалом рациональности и пониманием религии как социокультурного, личностного и духовного феномена. Хочется надеяться, что современные дискуссии относительно места и значения теологии в системе научного знания есть не более чем следствие даже не конфликта, а некоторого уточнения исследовательских позиций и взаимоотношений познавательных дискурсов. Следует помнить, что неклассические методологии принципиально не замечали единичных событий и ситуаций, которые не имели «типического» характера. В постнеклассических методологиях с их обострённым вниманием к субъекту познания ситуация иная: изучение религиозных феноменов во многом обусловлено кардинальными общественными переменами, в основе которых лежат уникальные события, требующие глубокого и всестороннего осмысления.

Философия, религия, как и культура в целом, приобретают сегодня такую динамику, что характеризовать их теперешнее состояние как стабильный период не представляется возможным: способом существования всей современной гуманитарной сферы знания становится изменчивость, а механизмом развития — самоотрицание как особая форма преемственности. Отсюда обострённое внимание к феноменологическому дискурсу как к живому культурному универсуму, специфической системе восприятия и познания социокультурных контекстов. В этой связи по-другому воспринимается и богословский дискурс, «человекообразный» и личностно-ориентированный аспект которого делает возможным и необходимым взаимодействие философии и теологии на основе принципа дополнительности в общем рефлексивном пространстве современной гуманитарной мысли.

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В 2008 ГОДУ

А.В. Ситников

Ответственный секретарь комиссии Общественной палаты Российской Федерации по межнациональным отношениям и свободе совести, кандидат философских наук

Религиозное образование в высшей школе в России становится привычным и уже не вызывает особых дискуссий. Его развитие идет хотя и медленно, но стабильно и неуклонно. Очередным этапом на этом пути стало принятие в конце февраля 2008 года Закона, предусматривающего аттестацию и государственную аккредитацию духовных образовательных учреждений, реализующих образовательную программу на базе государственного образовательного стандарта по направлению «Теология». Вопросы лицензирования и государственной аккредитации духовных школ РПЦ вышли на стадию практических действий.

Теологические факультеты либо кафедры теологии открыты в 45 вузах России, более половины из которых составляют государственные университеты. Весьма показательный пример: очередная кафедра православной теологии в 2008 году начала работать в Пермском государственном университете. Её заведующий - священник Алексей Марченко, настоятель Всехсвятского храма Перми. Готовить специалистов в области теологии планируют в течение двух лет, по окончании выпускник получит диплом о дополнительном образовании. Абитуриент кафедры уже должен иметь высшее гуманитарное образование по определенным направлениям, а именно, по специальностям: философия, культурология, история, филология, искусствоведение и прочим дисциплинам гуманитарного профиля. Задача кафедры – не подготовка священнослужителей, а обучение экспертов в области теологии, деятельность которых направлена на осуществление сотрудничества государства и конфессий, ведение межрелигиозного диалога и прочее.

Все более усиливается тенденция подготовки в православных вузах не теологов, а специалистов самых разных светских направлений. Например, в Российском православном институте св. Иоанна Богослова давно выпускают экологов, юристов, экономистов, психологов и т.п. (отметим, что качество их образования, мягко говоря, оставляет желать лучшего). В Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, помимо теологии, выпускники могут получить разные специальности вплоть до специальности «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем» на факультете информатики и прикладной математики. Очередной православный вуз, открывшийся в ноябре 2008 года в Екатеринбурге, – Православный университет правовых знаний. Это учеб-

ное заведение организовано совместно Екатеринбургской епархией и Уральской государственной юридической академией. Учредители планируют учить студентов юридическим наукам, кроме того, учащиеся будут осваивать основы православного вероучения. Занятия будут проходить каждый первый и третий вторник месяца в трапезной екатеринбургского Храма-на-Крови.

Помимо высшей школы, религиозное образование медленно, но верно проникает в школу общеобразовательную. Хотя данный процесс идет намного сложнее и болезненнее. Церковь и Минобрнауки РФ уже почти 15 лет ведут диалог о формах и методах изучения знаний о религии, но успехи на уровне федеральной власти весьма скромные. Гораздо дальше в этом продвинулись некоторые регионы. За последние несколько лет в большинстве регионов Центрального федерального округа в рамках регионального компонента образования появился предмет «Основы православной культуры»: были написаны и апробированы десятки учебников, отработаны программы и методики, подготовлены сотни учителей и т.д. Эта практика расширяется. В сентябре 2008 года Волгоградская епархия РПЦ и комитет по образованию администрации Волгоградской области подписали соглашение, в соответствии с которым при соблюдении принципов добровольности и светскости образования вводится преподавание в школах культурологической дисциплины «Основы православной культуры». Епархия будет привлекать преподавателей участвовать в экспертизе учебно-методических пособий и помогать комплектовать школьные библиотеки. В Тверской области для учащихся 2-х и 5-х классов в школах также введен предмет «Основы православной культуры» в качестве регионального компонента. В Ростовской области между местным министерством образования и епархией в конце мая была достигнута договоренность о введении во всех школах региона курса «Основ православной культуры». В середине ноября в 191 образовательном учреждении Ростовской области данный учебный курс был введен. В остальных школах области предмет будет вводиться постепенно, в течение четырех-пяти лет, что обусловлено наличием проблем с методикой преподавания, с учебниками и с кадрами. В расписании 33 городских и сельских школ Ростовской области, получивших статус пилотных площадок, этот курс факультативно был введен еще в 2004 году. В Липецке в государственном педуниверситете в ноябре начался набор слушателей на курсы по подготовке специалистов по дисциплинам духовно-нравственного характера. Занятия на трехлетних курсах будут проходить дважды в неделю. К учебе приступят около 150 слушателей. Учеба организована в рамках соглашения между епархией и педагогическим университетом. После успешного окончания курсов их слушатели получают сертификат установленного образца и право вести предмет «Основы православной культуры» в любом общеобразовательном учреждении региона.

Вне государственной системы образования в религиозных организациях существуют различные виды образовательной деятельности, в частности, образование в рамках воскресных школ. По данным на 29 августа 2008 года в россий-

ских регионах действует всего около трех тысяч воскресных школ. Православные воскресные школы в России абсолютно преобладают над школами иных религий (2876 школы, или 93% от общего числа). При этом по числу православных школ лидируют Московская область (625), Санкт-Петербург (376), Кемеровская область (210), Ставропольский край (190), Воронежская область (120), Башкирия (95), Ярославская область (75), Самарская область (70), Белгородская область (64), Владимирская область (61), Новосибирская область (60), Смоленская область (55), Омская область (50). Исламских школ в регионах насчитывается 108, при этом они сосредоточены прежде всего в Самарской области (50), Кабардино-Балкарской республике (20), Татарстане (17), Ростовской (15) и Челябинской областях (5). На третьем месте по количеству стоят протестантские воскресные школы (78), они наиболее многочисленны на Дальнем Востоке и на Севере России. Больше всего (39) протестантских школ действует в Мурманской области, причем здесь они составляют 73,6% от числа всех воскресных школ. В Сахалинской области открыто 10 протестантских школ, в Ленинградской области и Чукотском автономном округе - по 5. Иудейских воскресных школ в регионах действует 11, католических - 14, есть также одна буддийская и одна армянская. Судя по отдельным приводимым данным, воскресные школы привлекают, как правило, по несколько десятков детей (иногда и взрослых) каждая.

Помимо школ, российские конфессии организуют иные формы просвещения и воспитания молодежи. Так, 20-21 мая около 180 воспитанников православных военно-патриотических организаций приняли участие в открытом первенстве России по рукопашному бою при Троице-Сергиевой лавре. Перед началом первенства наместник лавры, епископ Сергиево-Посадский Феогност, отслужил молебен святому иноку-воину Александру Пересвету и благословил его участников, после чего начались отборочные бои.

Министерство образования Нижегородской области, и региональное пограничное управление ФСБ, и Нижегородская епархия летом 2008 года организовали православный военно-патриотический палаточный лагерь «Главный рубеж» для детей и подростков от 8 до 16 лет. Лагерь был расположен поблизости от Абабковского женского монастыря, детей обучали навыкам экстремального туризма, приемам рукопашного боя, кроме того, с участниками лагеря проводили катехизаторские беседы, чтение Евангелия и житийной литературы.

Стало традицией ежегодно проводить в каждой епархии масштабные мероприятия, посвященные образованию. Обычно такие форумы проводятся совместно с органами власти и включают в себя десятки различных секций, конференций, круглых столов и т.п. На федеральном уровне все эти епархиальные форумы венчают Рождественские образовательные чтения, которые проводятся уже почти два десятка лет в последнюю неделю января в Москве в Кремлевском государственном дворце. Организаторами выступают совместно Московская патриархия и Министерство образования и науки РФ.

11 марта 2008 года Аналитический центр Юрия Левады опубликовал данные исследования на тему «Церковь и государство». В рамках исследования было уделено внимание вопросу о присутствии религиозных знаний в программе светских общеобразовательных школ. Исследование показало, что большинство россиян считают возможным преподавание истории религии в школе по желанию учеников.

В сфере развития исламского образования Правительством РФ и Министерством образования и науки РФ предпринимаются масштабные шаги по оказанию помощи, прежде всего финансовой. О государственной поддержке мусульман, ее целях и приоритетах рассказал 1 апреля 2008 года начальник отдела по взаимодействию с общественными и религиозными объединениями Правительства РФ А.Е.Себенцов. По его словам, в рамках поддержки исламских организаций направляются деньги на поддержку становления и развития исламского образования и культуры. По словам А.Себенцова, государство непосредственно заинтересованно в развитии исламского образования, поскольку в 90-е гг. тысяча молодых россиян поехали учиться в арабские страны и вместе с исламской образованностью стали завозить в Россию чуждые тенденции и понимание. Состояние подготовки религиозных профессионалов в исламе – это проблема, связанная с экстремизмом. Значительное количество зарегистрированных исламских учебных заведений (сегодня их 79) не дает пока того качества образования, который необходим для развития богословия и подготовки кадров современных имамов. Именно поэтому государство пришло к необходимости оказать содействие развитию исламского образования в России. По инициативе государства образован фонд, аккумулирующий средства на эти цели. Кроме того, государство на протяжении четырех лет расширяет практику подготовки на базе светских вузов специалистов по истории и культуре ислама. Государство выбрало ряд престижных вузов в регионах, которые будут ежегодно принимать по 10 человек по рекомендациям Духовных управлений мусульман на обучение по гуманитарным специальностям (история, культурология, социология, регионо- и религиоведение). В программу поддержки мусульманского образования вовлечено восемь государственных вузов. В 2008 году Башкирском государственном педагогическом университете впервые начали прием документов на специальность «Учитель права с углубленным знанием истории и культуры ислама». Подготовка специалистов, владеющих историей и культурой ислама, будет вестись также шестью другими вузами России, согласно соответствующему распоряжению Правительства РФ.

Образование – одно из преобладающих направлений деятельности Федерации еврейских общин России (ФЕОР), в которое она вкладывает большие финансовые средства и административные усилия. Под эгидой Федерации действуют 5 высших – «Университет XXI века», «Махон ХаМеш», йешивы «Томхей Тмимим» в Москве, Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде – и 29 общеобразовательных учебных заведений с еврейским этнокультурным компонентом, 94 воскресные школы и 28

детских садов. Всего в сети образовательных учреждений ФЕОР насчитывается свыше 14 000 учащихся по всей стране.

По преподаванию в школе религиозных предметов в регионах Российской Федерации абсолютным лидером выступает РПЦ в Белгородской области: в прошлом учебном году их изучало более 141 тыс. школьников региона. Второе место занимает Чечня, где более 93 тыс. школьников изучают ислам. Третье место — у Ингушетии (более 34 тыс.). В десятках и сотнях школ нескольким тысячам учащихся преподается исламская религия в Татарстане, Карачаево-Черкесии.

Надо отметить, что все участники образовательного процесса очень внимательно отслеживают любые ошибки и промахи друг друга. Особенно бдительны представители мусульманского и иудейского сообщества, а также активисты атеистического лагеря. Все они чутко отслеживают любые попытки нарушения чьих-либо прав и мгновенно поднимают всероссийский скандал. Несколько примеров этого мы видели в 2008 году. Так, Духовное управление мусульман Пензенской области направило обращение главному федеральному инспектору по Пензенской области с просьбой разобраться с фактами принуждения к изучению предмета «Основы православной культуры», которые, по их мнению, имели место в селе Засечное Пензенской области. В результате мусульмане добились отмены преподавания и наказания министра образования Пензенской области, начальника отдела образования и директора школы.

Курьезная история случилась в Тюмени. Некая преподавательница местного вуза прочла лекцию якобы по основам православной культуры. В лекции содержалось множество фактических ошибок, искажающих вероучение и позицию Русской православной церкви по отношению к иным конфессиям. Например, лектор заявила, что католики - еретики, а католическая церковь «не имеет благодати и в ней нет спасения». Протестантов она отнесла к «псевдохристианам». Ислам назвала «лжеучением», а иудеев обвинила в использовании крови христианских младенцев. Кто-то из слушателей не поленился расшифровать данную лекцию, вывесить ее в Интернете и разослать по заинтересованным организациям. Естественно, что правозащитники и представители всех упомянутых в лекции религий выразили крайнее возмущение, а содержание лекции было экстраполировано на весь проект преподавания православной культуры в школах с выводом: этот предмет будет сеять нетерпимость, экстремизм и межрелигиозную рознь и вражду. Представители еврейской общины России заявили: «Нет сомнения в том, что случаи подобного безумного преподавания станут далеко не единичными, а будут только нарастать в дальнейшей перспективе».

ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД

И.В. Понкин

*член Общественной палаты по образованию в городе Москве,
профессор Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук*

Когда заходит речь о теологическом образовании, то обычно ожидается стандартный ответ: теология — это наука, предметом изучения которой является Бог и которая отражает элементы христианского вероучения с точки зрения и посредством научных методов. Но такой ответ при всей его верности не является исчерпывающим. Современная теология поднимает вопросы жизни как общества в целом, так и отдельного человека, рассматривая их целостно и системно, делая акцент на ценностную ориентацию и религиозное сознание человека. Поэтому теологическое образование связано с изучением обширного спектра предметов, с овладением всеми основными научными методами и существенным объемом познаний в самых разных областях человеческого знания. По мнению руководителя по учебе теологического (католического) факультета Университета кантона Люцерн Швейцарии Маркуса Верли, при теологическом образовании речь идет не только о приобретении знаний и не только о занятии религией, но и о содействии становлению и развитию таких человеческих качеств, как чуткость, способность к аргументации и готовность к диалогу¹.

Сегодня отношение в обществе к теологическому образованию, особенно — в секуляризованном обществе, строится на основе множества мифов и устаревших стереотипов. Эти стереотипы вызваны отчасти идеологической зашоренностью, обусловленной воздействием агрессивной антирелигиозной пропаганды в европейских странах (особенно — в СССР и странах Восточной Европы) на протяжении многих десятилетий, а отчасти — тем, что сами преподаватели-теологи не всегда учитывают современные реалии в жизни общества и не стремятся преодолевать устаревшие стереотипы в открытой дискуссии.

Упомянутый католический теолог Маркус Верли в этом отношении ставит весьма важные вопросы интеграции современного теологического образования в общественную жизнь согласно уровню развития современного общества, вопросы, весьма значимые для будущего всей системы университетского теологического образования². Как осуществить представление теологического образования таким образом, чтобы потенциальные кандидаты на учебу, в первую очередь — молодежь,

1 Wehrli M. Theologie in Luzern. Attraktives Theologiestudium // <http://www.unilu.ch/tf>.

2 Там же.

смогли бы узнать интересные и привлекательные возможности такого образования и заманчивые перспективы для их будущего? Вообще, возможно ли это без того, чтобы инсценировать нечестное PR-шоу и замалчивать непосредственное отношение этой учебы к католической вере и к Католической церкви? Как объяснить потенциальным кандидатам на учебу, что теологическое образование дает основания для рукоположения в священники, но совершенно не принуждает к этому, и выбор остается за каждым выпускником?

Применительно к ситуации в России к этим вопросам можно также добавить и другие вопросы. Как выстроить теологическое образование, чтобы выпускники имели определенные гарантии востребованности на рынке труда? Как обеспечить прорыв из состояния определенной корпоративной замкнутости (и даже изолированности) современного теологического образования в России и обеспечить нормальные взаимоотношения теологии с другими направлениями человеческого знания и научной мысли, прежде всего — снять (без ущерба для самой теологии) напряженность в отношениях с философами, особенно старой советской «закалки»? Как обеспечить в России снижение настороженности Русской православной церкви к теологическому образованию в православных образовательных учреждениях как условию рукоположения получившего такое образование мужчины в священнослужителя?

Очевидно, что развитие теологического образования в России пойдет своим путем, будет обусловлено присущими России особенностями. Однако здесь очень важны знание и, в определенной мере, учет зарубежного, прежде всего — европейского, опыта правового регулирования теологического образования в государственных университетах, а также на автономных теологических факультетах, имеющих государственное признание и финансирование.

В законодательстве зарубежных светских государств одним из наиболее существенных и сильных аргументов против толкования светскости государства и светскости образования как полной «внерелигиозности» государства и его системы образования, их «равноудаленности» от религиозных организаций и т.п. является законодательно закрепленный статус теологических факультетов государственных университетов. Для понимания значимости правового статуса теологических факультетов государственных университетов важным является то, что в ряде стран установлена жесткая ответственность за незаконное самоприсвоение организациями себе наименования «университет». Такой порядок установлен, например, в Швейцарии и во Франции. Так, статья 78 Закона кантона Берна об Университете от 5 сентября 1996 г. устанавливает наказание в виде штрафа или лишения свободы за незаконное обозначение учреждения как университета в смысле статьи 4 этого же Закона.

В Европе действует множество теологических факультетов государственных университетов:

- факультет католической теологии в государственном Университете Страсбурга, католический Автономный образовательный центр религиозной педагогики в Меце (Франция),

- факультет протестантской теологии Университета Страсбурга Марк Блок (Франция),
- теологический факультет Университета Лозанны (кантон Ваадт, Швейцария),
- теологический факультет Университета Люцерна (кантон Люцерн, Швейцария),
- теологический факультет Университета Невшателя (кантон Невшатель, Швейцария),
- Брюссельский университетский факультет протестантской теологии (Бельгия),
- теологические факультеты (евангелической теологии и католической теологии) Университета Берна (кантон Берн, Швейцария),
- теологический факультет Университета кантона Базеля-города (кантон Базель-город, Швейцария),
- теологический факультет Софийского государственного университета (Болгария),
- Автономный факультет протестантской теологии Университета Женевы (кантон Женева, Швейцария),
- теологический факультет Университета Фрибура (кантон Фрибур, Швейцария),
- теологический факультет Университета Цюриха (кантон Цюрих, Швейцария),
- теологический факультет Тартуского университета (Эстония),
- теологические факультеты (евангелической и католической теологии) Боннского университета (Германия),
- Теологический факультет Университета Гейдельберга (федеральная земля Баден-Вюртемберг, Германия),
- теологический факультет Университета Лейпцига (Германия), теологические факультеты (евангелической и католической теологии) Университета Карла Эберхарда (Тюбинген, Германия),
- теологический факультет Венского Университета (Австрия),
- теологический факультет Университета Гумбольдта (Берлин, Германия), факультет евангелической теологии Университета Филиппа (Марбург, федеральная земля Гессен, Германия),
- факультет теологии Хельсинкского университета (Финляндия),
- теологический факультет Копенгагенского университета (Дания),
- теологический факультет Орхусского университета (Дания) и мн. др.

Признание государством дипломов теологических факультетов государственных университетов или определенных церковных образовательных учреждений, придание им силы государственных дипломов может осуществляться по нескольким сценариям, согласно нескольким установленным правовым порядкам. Прежде всего, следует отметить такую модель, как автоматическое признание государством дипломов авторитетных церковных вузов, имеющих давнюю историю и традиции общепризнанного уровня, содержания и качества образования.

К примеру, в Германии насчитывается свыше 40 вузов, находящихся в ведении Католической и Евангелическо-лютеранской церкви, дипломы которых приравне-

ны к дипломам государственных высших учебных заведений, эти вузы получают финансовую поддержку государства. Вузы Евангелическо-лютеранской церкви готовят священнослужителей и преподавателей Закона Божьего. В вузах, также находящихся в ведении евангелической церкви, преподается церковная музыка. Кроме того, ряд высших специальных учебных заведений евангелической церкви готовят наряду с преподавателями Закона Божьего (факультеты и отделения педагогики) будущих работников систем социального обеспечения и попечения. Подготовка будущих священнослужителей ведется и на теологических факультетах вузов, находящихся в ведении Католической церкви. Различные католические орденские организации (иезуиты, капуцины и т.д.) также готовят свои молодые кадры в собственных вузах. В г. Санкт-Августине (федеральная земля Северный Рейн-Вестфалия) находится единственный в Германии философско-теологический католический вуз, где преподают теологию миссионерства. В г. Роттенбурге открыт единственный церковно-музыкальный вуз Католической церкви. В ведении Католической церкви также находятся высшие специальные учебные заведения, готовящие кадры для системы социального обеспечения, попечения, а также педагогов различных направлений, в том числе и для приходской деятельности. Так как количество абитуриентов превышает количество учебных мест в церковных высших специальных учебных заведениях, набор студентов осуществляется в ходе собеседований в соответствии с критериями, установленными каждым отдельным вузом¹.

Признание государством дипломов теологических факультетов государственных университетов или определенных церковных образовательных учреждений, придание им силы государственных дипломов осуществляется на основе законодательного закрепления соответствующих норм как в федеральном законодательстве (для федераций), так и в региональном законодательстве страны. В этом смысле, прежде всего, следует отметить нормы, устанавливающие правовой статус теологических факультетов как факультетов в составе государственных университетов, как их структурных подразделений, выдающих на законных основаниях в этом качестве дипломы государственного образца (или дипломы равноценные дипломам государственного университета).

Так, часть 3 статьи 9 Конституции федеральной земли Мекленбург-Форпоммерн от 23 мая 1993 г. устанавливает: *«Согласно договорам Церквям... разрешается организация теологических факультетов в рамках университетов земли».*

В соответствии с частями 2 и 3 статьи 60 Конституции федеральной земли Гессена от 1 декабря 1946 г. (с последующими изменениями и дополнениями): *«Теологические факультеты в университетах сохраняются. Назначение их преподавателей производится на основе консультаций с церковью. Церковные теологические образовательные учреждения сохраняются».*

¹ Церковные вузы // <http://www.campus-germany.de>.

Согласно статье 150 «Богословские институты и факультеты» Конституции федеральной земли Баварии от 2 декабря 1946 г. (в редакции, действующей с 1 декабря 1998 г.): «(1) Церкви имеют право готовить лиц духовного звания в своих собственных богословских вузах и там же повышать их квалификацию. (2) **В вузах сохраняются теологические факультеты**»².

Закон федеральной земли Баварии о высшем образовании Баварии в редакции от 1 декабря 1993 г. устанавливает:

«Право церквей, их духовных лиц на собственный вуз (включая вузы ордена) остается неизменным. 2 К этим вузам не применяется данный раздел, за исключением ст. 108 абз.5, ст. 111 абз. 6 и ст. 112. **Курсы подготовки, предметом которых не является или является не только обучение и повышение квалификации духовных лиц, могут проводиться в церковных вузах только на основе государственного признания; признание ограничивается только этими курсами.** Если курсы подготовки не имеют своим предметом или имеют своим предметом не только обучение и повышение квалификации духовных лиц, при издании регламентирующих документов согласно ст. 115 абз. 1 требуется соглашение с Министерством земли; к этим курсам подготовки не применяется ст. 109 абз. 2 фр. 2.» (статья 114)³;

«В высших профессиональных учебных заведениях осуществляется подготовка по направлениям: техника, экономика, социальное обеспечение, оформление, а также **религиозное воспитание и церковное образование.** Министерство образования может по согласованию с высшим профессиональным учебным заведением расчлнить данные направления подготовки на профессиональные направления» (часть 1 статьи 79)⁴.

«Более детальная регламентация прохождения и содержания конкурса разрабатывается Министерством земли. Процедура составления списка предложений регулируется в Основных правилах; при составлении списка предложений необходимо обеспечить учет интересов всего вуза. Списки предложений при назначении **профессоров теологии, религиозной педагогики и дидактики составляются теологическим отделением подобного профиля ближайшего вуза, если в вузе отсутствует теологическое отделение данного профиля.** Имеющиеся **профессоры теологии, религиозной педагогики и дидактики** входят в состав соответствующих комитетов по вопросам назначения на должность этих отделений ближайшего вуза. 5. Статья 3 § 4 Конкордата Папского Престола остается неизменной» (часть 7 статьи 56)⁵;

«Имеющий право принимать экзамены научный персонал **в области теологии, религиозной педагогики или дидактики преподавания религии в университете, в котором отсутствует теологическое отделение, участвует в вузовском экзамене (включая защиту диссертации на степень доктора), по результатам которого при-**

2 Конституции зарубежных стран / Сост. В.Н. Дубровин. – М.: Юрлитинформ, 2001. – С. 192–194, 196.

3 Образовательное законодательство зарубежных стран. Законы Австрии, Великобритании, Испании, Китая, Мексики, Нидерландов, Франции, ФРГ. – С. 540.

4 Там же. – С. 518.

5 Там же. – С. 503.

сваивается теологическая академическая степень или целью которого является подтверждение соответствующих знаний, на теологическом отделении ближайшего университета, в котором имеется подобное отделение» (часть 7 статьи 80);¹

«Для курсов обучения церковных вузов, которые не приравнены к государственным вузам, могут быть сделаны исключения в части требований, приведенных в абз. 2 №№ 2, 6 и 7, для теологических курсов обучения церковных вузов могут быть сделаны исключения из абз. 2 № 3, если обучение приравнивается к обучению в государственном вузе» (часть 3 статьи 108)²;

«Лютеранской высшей школе в Нойендеттельзау дано право присваивать степень доктора и степень на право преподавания в вузе в области евангелической теологии. Высшая школа имеет право присваивать академическую степень доктора теологии претендентам, успешно окончившим соответствующий университетский курс» (пункты 1 и 2 части 2 статьи 115)³;

«Философско-теологическому вузу Залезианского Дона Боскоса Бенедикторна дано право принимать к защите диссертации на степень доктора в области католической теологии. Вуз имеет право присуждать степень доктора теологии претендентам, успешно закончившим соответствующий университетский курс» (пункты 1 и 2 части 3 статьи 115)⁴.

Статус теологических факультетов урегулирован и в законах других стран. Подпараграф 3 § 1.12 Закона Нидерландов о высшем образовании и научных исследованиях Нидерландов от 26 ноября 1992 г. устанавливает, что, несмотря на положения подпараграфа 2 в части, касающейся учебных программ по теологии или программ, готовящих к религиозным или идеологическим постам, предоставляемых признанными учебными заведениями, данное учебное заведение должно действовать согласно положениям подпараграфа 4 данного параграфа и согласно положениям данного закона в отношении гарантирования качества и регистрации, а обучение и научные исследования в данном учебном заведении должны регулироваться статутами, хартией или правилами юридического лица с полной юридической правомочностью, основавшего данное учебное заведение⁵.

Согласно параграфу I Регламента последипломного обучения профессиональной ориентации на факультете I римско-католической теологии Института Люцерна от 4 февраля 1999 г.: «Последипломное обучение профессиональной ориентации реализуется для принятия церковной службы в епархии Базеля, содействует человеческому и духовному развитию студентов и помогает в принятии решения о форме (священник, диакон, ассистент пастора) и сроках обязательства службы в епископстве Базеля. Успешные выпускники последипломного обучения профессиональной ориентации получают государственное свидетельство».

1 Там же. – С. 519–520

2 Там же. – С. 537.

3 Там же. – С. 541.

4 Там же. – С. 541.

5 Там же. – С. 257.

Вместе с тем, статус теологических факультетов государственных университетов, признаваемых государством в смысле признания их дипломов, может быть урегулирован и посредством заключения соответствующих договоров. Примеров тому в Европе достаточно много.

Так, согласно пунктам XI–XIII Ратификационной грамоты от 4 декабря 1979 г. Соглашения от 3 января 1979 г. между Испанией и Папским Престолом, касающегося образования и культурной деятельности, Католическая церковь, в соответствии со своим собственным правом, сохраняет автономию в учреждении университетов, отделений, высших учебных заведений и других центров духовной науки для того, чтобы обучать священников и мирян. Подтверждение занятий и признание государством гражданских последствий получения ученых степеней, присужденных указанными центрами высшего образования, должно быть предметом особого регулирования между компетентными властями церкви и государства. Пока это регулирование не действует, возможные подтверждения данных занятий и предоставление гражданской ценности присужденным ученым степеням должны осуществляться в соответствии с общими нормами, регулирующими данный вопрос. Подтверждение и признание проводимых занятий и ученых степеней, полученных священнослужителями или мирянами в отделениях, одобренных Папским Престолом, за границей, должны также регулироваться на основе общего согласия. Государственные университеты до соглашения с уполномоченными церковных властей могут учреждать Центры высшего образования для изучения католического богословия. Церковным учебным центрам, независимо от их категории и специализации, и обучающимся в этих центрах должно быть дано право на получение таких денежных ассигнований, стипендий, налоговых льгот и иных видов помощи, какие Государство оказывает частным учебным центрам и обучающимся в них, в соответствии с системой равных возможностей.

Согласно статье 11 Договора между Чешской Республикой и Папским Престолом об упорядочении взаимных отношений от 25 июля 2002 г., высшие учебные заведения, открываемые Католической церковью, получают право действовать в Чешской Республике после выполнения условий, установленных законодательством Чешской Республики, дают высшее образование, равноценное образованию, которое можно получить в государственных образовательных учреждениях. Документы об образовании, полученные в таких школах и вузах, договаривающиеся стороны считают равноценными документам, выданным вузами и школами государственной образовательной системы Чешской Республики. Чешская Республика признает документы о высшем образовании и ученые степени теологии и теологических наук, выдаваемые государственными и церковными вузами, признаваемыми Католической церковью, при соблюдении условий, установленных законодательством Чешской Республики.

В соответствии со статьей 10 Конкордата между Итальянской Республикой и Ватиканом от 18 февраля 1984 г., университеты, семинарии, академии, колледжи и другие учебные заведения, предназначенные для священников и членов орденов или

конгрегаций, созданные для получения образования в соответствии с каноническим правом, остаются в исключительном подчинении церковных властей. Академические звания в области богословия и других церковных дисциплин, определенных по согласованию Сторон, присуждаемые факультетами с одобрения Папского Престола, признаются государством. Равным образом признаются дипломы Ватиканских школ палеографии, дипломатики, архивного и библиотечного дела. Назначение преподавателей Католического университета Священного Сердца и подчиненных ему институтов подведомственно компетентным по религиозному профилю церковным властям. Пункт 1 статьи 9 Конкордата между Итальянской Республикой и Ватиканом от 18 февраля 1984 г. устанавливает, что, в соответствии с принципом свободы образования и преподавания в пределах предусмотренных Конституцией, Итальянская Республика гарантирует Католической церкви право свободно создавать всех видов и ступеней учебные заведения и педагогические учреждения. Эти учебные заведения по статусу приравниваются к государственным учебным заведениям, им обеспечивается полная свобода, а их учащимся — условия, равноценные условиям, созданным для учащихся учебных заведений Государства и территориальных единиц; одинаковые требования предъявляются и к экзаменам¹.

В отношениях теологического факультета с соответствующей церковью должны соблюдаться два общих принципа, которые зачастую трудно совместимы:

- принцип свободы религии, в том числе свободы самостоятельно определять и защищать вероучение, осуществлять подготовку пасторов;
- принцип независимости преподавателей университета.

Поэтому как раз одна из черт уникальности теологических факультетов и состоит в том, что при подчиненности в той или иной мере церкви, с которой теологический факультет связан и теологию конфессиональной направленности которой теологический факультет преподает, он обладает существенной мерой свободы в своей образовательной и научно-исследовательской деятельности, которые ограничены лишь рамками требования неискажения вероучения относительно принятого в данной церкви (католической, протестантской той или иной конфессии).

Поэтому в деятельности теологического факультета должна быть найдена и соблюдена мера равновесия, определенного компромисса между двумя требованиями – требованием академической независимости факультета, которая только и в состоянии гарантировать свободу и научный характер исследований и образовательной деятельности в рамках теологического факультета, и требованием неискажения вероучения. В частности, эта мера равновесия успешно реализована в отношениях Факультета протестантской теологии Университета Страсбурга Марк Блок с протестантскими церквями.

1 Религия и закон: Конституционно-правовые основы свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций. Сборник правовых актов с комментариями. – М.: Паллада, 1996. – С. 48.

Определенная академическая свобода теологического факультета от чрезмерного церковного давления обычно закрепляется в общих актах, регламентирующих статус и деятельность Университета в целом.

Так, статья 1 Закона кантона Женева Швейцарии от 26 мая 1973 г. об Университете Женева (вступил в силу с 1 января 1974 г.) устанавливает: «*Университет – это кантональное государственное учреждение публичного права. Университет автономен и обладает правами юридического лица в рамках Конституции и настоящего закона*».

Аналогично, согласно статье 5 Закона кантона Фрибура Швейцарии от 19 ноября 1997 г. об Университете, свобода образования и научных исследований гарантирована в пределах закона и в соответствии с целями Университета.

Вместе с тем, академическая свобода теологического факультета может прямо закрепляться в регулирующих документах.

Например, часть 2 статьи 2 Устава Факультета католической теологии Университета Фрибура от 23.01.2001 определяет: «*Самостоятельность Факультета по отношению к органам контроля церкви, равно как и государства, гарантируется*».

Вместе с тем, как уже было сказано, академическая свобода ограничена необходимостью поддержания церковного авторитета.

Теологические факультеты государственных университетов поддерживают тесные взаимоотношения со своими церквями или церквями, с которыми установлены партнерские отношения, в организации и реализации своей образовательной (особенно это касается стажировок) и научно-исследовательской деятельности.

Формами прямого участия церковных структур или их уполномоченных в различных аспектах деятельности теологического факультета государственного университета являются следующие:

- двойная подчиненность факультета теологии – Университету и церковной организации;
- назначение профессорско-преподавательского состава на основе консультаций с церковью и при непосредственном участии церковных представителей;
- прямое участие церковных структур и представителей в процедуре разрешения образовательных споров;
- участие церковных представителей в организации и осуществлении образовательного процесса на теологическом факультете;
- обязательность утверждения церковными инстанциями учебных программ и учебных пособий на теологическом факультете;
- участие церковных представителей в принятии решения о приеме на учебу на теологический факультет;
- участие церковных представителей в принятии решения о выдаче диплома теологического факультета;

- обязательность утверждения (или согласования) регламентов теологического факультета церковными инстанциями;
- установление в качестве условия для допуска к процедуре соискания степени доктора теологии принадлежности к определенной церкви.

Именно двойная подчиненность теологического факультета определяет то, что, не отличаясь от других факультетов университета по участию в управлении университетом, по вопросам организации образовательного процесса и научных исследований и по принципам финансирования, вместе с тем, теологический факультет наделен особым статусом по сравнению с другими факультетами университета.

Так, часть 1 § 10 «Факультеты» Закона кантона Люцерн Швейцарии об университетском образовании высшей школы (Университетский закон) от 17 января 2000 г. устанавливает: «*Университет состоит из факультета I теологии, факультета II гуманитарных наук и факультета III юриспруденции. Правительственный совет заключает о значении факультета I соглашение с епископом Базеля*». Часть 3 § 20 Устава Университета Люцерн от 12 декабря 2001 г. устанавливает, что для теологического семинара «Третий путь развития» (часть факультета теологии) сохраняется особый статус. Согласно части 3 § 21 Устава Университета Люцерн от 12 декабря 2001 г., для Катехизического института Люцерн (Katechetische Institut Luzern — KIL) и Института повышения квалификации и переподготовки (Institut für Fort- und Weiterbildung — IFOK) сохраняется особый статус.

За Факультет католической теологии Университета Фрибура, согласно части 1 статьи 2 Устава Факультета католической теологии Университета Фрибура от 23.01.2001, отвечают церковные власти (Католической церкви) и власти кантона Фрибура, действующих в соответствии со своей компетенцией. Статус и функционирование Факультета регулируются церковными установлениями и законодательством государства. Глава Ордена доминиканцев является Главным канцлером. Сохраняются прерогативы местного епископа, установленные каноническим правом. Главный канцлер представляет одновременно Католическую церковь на Факультете и Факультет при Католической церкви. Главный канцлер не является членом Совета факультета. Главный канцлер выполняет свои задачи по отношению к Факультету в соответствии с требованиями Соглашения от 8 июля 1985 г., актов Католической церкви и соответствующих церковных законов. Совместно с Факультетом Главный канцлер стремится развивать Факультет и отстаивать его интересы. В его компетенции находятся общие вопросы католического образования. Вместе с деканом факультета и Ректоратом Главный канцлер представляет интересы Факультета при церковных и гражданских инстанциях, заботится о том, чтобы был гарантирован университетский, научный и международный характер Факультета. Главный канцлер периодически обсуждает с Советом факультета состояние и проекты Факультета (статья 3 Устава Факультета католической теологии Университета Фрибура Швейцарии от 23 января 2001 г.).

Задачи Конференции швейцарских епископов на Факультете теологии Университета Фрибура определяются Соглашением от 8 июля 1985 г. и Уставом

Факультета католической теологии Университета Фрибура от 23 января 2001 г. В частности, устанавливается, что Конференция швейцарских епископов принимает в расчет именно университетский, научный и международный характер Факультета, который, со своей стороны и в контексте его основных задач, проявляет заботу о кадровых пасторских потребностях местных церквей в Швейцарии. В течение срока действия, предоставленного Главным канцлером разрешения преподавателю преподавать, право уведомления Конференции швейцарских епископов касается хороших нравов преподавателя и соответствия его преподавания вероучению. За обеспечение научного качества образования и исследований университетские инстанции и государственные власти несут взаимную ответственность. Конференция швейцарских епископов и декан предварительно обсуждают важные вопросы, по которым имеются разногласия, прежде чем выразить свое мнение по этим вопросам (статья 4 Устава Факультета католической теологии Университета Фрибура от 23.01.2001).

Обязательность утверждения церковными инстанциями учебных программ и пособий на теологическом факультете может быть реализована посредством различных механизмов. А правовое закрепление обязательности утверждения церковными инстанциями учебных программ и пособий на теологическом факультете может быть установлено законодательными актами, внутренними регламентами Университета или / и теологического факультета или же соглашением Теологического факультета (или в целом Университета) с конкретной церковью.

Данный вопрос может быть урегулирован в самом общем виде. Например, в правовых актах могут содержаться нормы о том, что учебные программы и учебные пособия должны «соответствовать церковной традиции». Так, часть 7 статьи 11 Договора между Чешской Республикой и Папским Престолом об упорядочении взаимных отношений от 25 июля 2002 г. устанавливает, что содержание и методика обучения католическому вероучению должны соответствовать учению и принципам Католической церкви; руководство, программы и учебники для такого обучения должны быть одобрены соответствующим церковным органом.

Или же может быть прямо закреплен определенный порядок такого утверждения церковными инстанциями или представителями учебных программ и пособий. Согласно части 3 параграфа 2 Регламента последиplomного обучения профессиональной ориентации на факультете I римско-католической теологии Института Люцерна от 4 февраля 1999 г., образование осуществляется согласно учебной программе, утвержденной педагогическим советом, который ориентируется на профильные требования к церковным служащим. Согласно части 5 параграфа 54 Федерального закона Австрии об организации университетов и обучении в университетах от 1 октября 2002 г., перед введением программ подготовки они должны получить одобрение Ректората и Совета Университета, а программы подготовки по теологическим направлениям — и компетентных церковных инстанций¹.

1 Образовательное законодательство зарубежных стран. Законы Австрии, Великобритании, Испании, Китая, Мексики, Нидерландов, Франции, ФРГ. – С. 51.

Церковный контроль может проявляться в непосредственном участии в приеме студентов на учебу на теологический факультет. Так, на теологическом факультете Университета Люцерна, в соответствии с частью 1 параграфа 5 Регламента последипломного обучения профессиональной ориентации на факультете I римско-католической теологии Института¹ Люцерна от 4.02.1999, прием на последипломное обучение профессиональной ориентации вменяется в обязанность представителя епископства Базеля.

На теологическом факультете могут устанавливаться и требования по конфессиональной принадлежности при приеме в докторантуру теологии (см. ниже соответствующий раздел). Возможно и участие церковных представителей в принятии решения о выдаче диплома.

Например, согласно части 1 параграфа 15 Регламента последипломного обучения профессиональной ориентации на факультете I римско-католической теологии Института Люцерна от 4 февраля 1999 г., сертификат выдается Советом по образованию и дополнительно подписывается ответственным за учебу как представителем епископства Базеля. Сертификат содержит наименование «Сертификат в практической теологии», указание изученных учебных тем и пройденный срок обучения.

Прямое участие церковных структур в деятельности теологического факультета государственного университета может выражаться в обязанности утверждения ими внутренних регламентов теологических факультетов. Так, параграф 18 Регламента последипломного обучения профессиональной ориентации на факультете I римско-католической теологии Института Люцерна от 4 февраля 1999 г. устанавливает, что этот регламент вступает в силу с момента утверждения епископом Базеля.

Согласно статье 8 Регламента Франко-швейцарского института библейских наук, вступившего в силу с 01.09.1996, любое изменение в этом Регламенте должно быть одобрено Конференцией деканов факультетов протестантской теологии франкофонной Швейцарии, по согласованию с Советом факультета Лозанны. Такой же порядок — для любого решения, касающегося сохранения или ликвидации Института. Часть 2 статьи 49 Устава Факультета католической теологии Университета Фрибура от 23 января 2001 г. устанавливает, что любое изменение Устава должно быть утверждено Католической церковью, а также компетентными государственными властями, которым изменения представляются Главным канцлером с согласия Конференции швейцарских епископов.

В большинстве случаев, теологические факультеты устанавливают ограничения на поступления студентов и слушателей по признаку религиозной принадлежности. Если применительно к первичным ступеням образования такие ограничения достаточно компромиссны, то применительно к соисканию ученой степени доктора теологии существуют уже достаточно жесткие ограничения. Так, на Факультете еван-

¹ Университет был создан только в 2000 г.

гелической теологии Университета Филиппа (Марбург, Германия), согласно пункту 1 и подпункту «g» пункта 2 § 3 Положения Факультета евангелической теологии Университета Филиппа от 12 ноября 1992 г. о порядке присуждения докторской степени, претендент на степень доктора теологии должен подать заявление декану как председателю Совета факультета, приложив к заявлению, в том числе, подтверждение принадлежности к Евангелической церкви, представленной во Всемирном совете церквей. В соответствии с пунктом 4 § 3 указанного Положения, об отказе в допуске к процедуре соискания докторской степени претенденту, не принадлежащему к Евангелической церкви, входящей во Всемирный совет церквей, но являющемуся членом другой христианской церкви или деноминации, Совет факультета принимает решение в обоснованных исключительных случаях.

На Теологическом факультете Университета Гейдельберга (Германия), согласно подпункту 3 пункта 1 § 4 Положения о порядке присуждения ученой степени доктора Теологического факультета Университета Гейдельберга от 28 ноября 1988 г., одним из оснований для допуска к получению степени доктора является подтверждение претендентом членства в Евангелической церкви или другой церкви, которая принадлежит к Всемирному совету церквей, или Лютеранскому всемирному союзу или Всемирному союзу кальвинистов. Исключения для членов другой христианской церкви требуют согласия расширенного Совета факультета большинством в 2/3 третьей голосов, имеющих докторскую степень его членов.

Целесообразно кратко осветить и вопрос статуса преподавателей теологического факультета государственного университета.

На Факультете католической теологии Университета Страсбурга статус преподавателей урегулирован, в целом, общим правом. Декрет № 85-1200 от 13 ноября 1985 г., регламентирующий совещательные специальные комиссии преподавательского коллектива теологии, дополнен Постановлением от 29 января 1986 г. об условиях выборов членов вышеупомянутых комиссий. Специфичность этих комиссий определяется тем, что оба факультета теологии носят региональный характер, и состоит в том, что комиссии занимаются кадровыми вопросами².

На Факультете католической теологии Университета Фрибура Швейцарии, согласно части 4 статьи 2 Устава Факультета католической теологии Университета Фрибура от 23 января 2001 г., должности (а также функционалы и учебная нагрузка) на Факультете могут замещаться мирянами и мирянками³, равно как священнослужителями.

Статьи 31–39 (раздел V «Преподаватели Факультета») Устава Факультета католической теологии Университета Фрибура Швейцарии от 23 января 2001 г. устанавли-

2 *Traité de droit français des religions.* – P. 1221–1225, 1227–1232.

3 В тексте ряда исследуемых документов постоянно используются парные выражения по родам – мирянин и мирянка, научный сотрудник и научная сотрудница. Подразумевая это и учитывая, что по русской традиции в правовых документах используется мужской род существительного обобщенно относительно любого человека, занимающего данную должность, в настоящем исследовании при переводе используем только существительные в мужском роде, опуская их дублирование в женском роде. – Прим. И.В. Понкина.

вают статус профессорско-преподавательского состава факультета, а также процедуры замещения соответствующих должностей.

Преподаватель – это обычная штатная должность в образовании и научных исследованиях в основных теологических дисциплинах.

Профессор (преподаватель с особым статусом — *professeur extraordinaire*) замещает ведущую преподавательскую и научно-исследовательскую должность на ограниченный срок.

Привлеченный преподаватель (ассоциированный профессор — *professeur associé*) на постоянной основе или на ограниченный срок занимает дополнительную преподавательскую или научно-исследовательскую должность, прикрепленную к Факультету, отделению или институту. Ежедневная учебная нагрузка в объеме определенного количества часов определяется учебной нагрузкой в рамках учебного курса.

Любое объявленное изменение преподавательских и научно-исследовательских должностей требует согласия Совета факультета.

Обеспеченность преподавательскими и научно-исследовательскими должностями осуществляется согласно потребностям Факультета и в соответствии с действующими научными критериями Университета, в целом, и согласно статье 3.4 Соглашения. Те же критерии применяются к ответственным за курсы.

Священники и миряне могут отвечать за образовательные задачи и за исследования в теологических науках с учетом требуемых способностей.

Определен следующий порядок выдачи разрешений преподавать: разрешения преподавать («*venia docendi*»), разрешения преподавать от лица церкви («*missio canonica*»), разрешения «*nihil obstat*».

Для имеющего административно-правовую силу зачисления на должность преподавателя и ответственного за курс должно быть истребовано разрешение на преподавание («*venia docendi*»). Такое разрешение предоставляется Главным канцлером с согласия Конференции швейцарских епископов.

Тот, кто получает разрешение «*missio canonica*», помимо простого разрешения преподавать, получает полномочие преподавать от имени церкви (параграф 27.1 Регламента Католической церкви от 15 апреля 1979 г. о церковных университетах и факультетах). Разрешение «*missio canonica*» требуется для имеющего административно-правовую силу зачисления на должности преподавателей, профессоров, привлеченных преподавателей, равно как и любых других, преподающих дисциплины, касающиеся веры и обычаев. Это разрешение предоставляется Главным канцлером с согласия Конференции швейцарских епископов. Для преподавания других дисциплин простое разрешение преподавать является достаточным.

Разрешение «*nihil obstat*» Конгрегации католического образования требуется для преподавателей, профессоров, привлеченных преподавателей (параграф 27.2 Регламента Католической церкви от 15 апреля 1979 г. о церковных университетах и факультетах).

В том случае, когда, по мнению Католической церкви, существуют препятствия для назначения преподавателя, дело будет передано Главному канцлеру, который должен будет заслушать рассматриваемого кандидата.

При предоставлении любых форм разрешений преподавать Конференция швейцарских епископов, в соответствии со статьей 4 настоящего Устава, имеет право на учет ее мнения.

Установлены следующие процедуры объявления о вакансиях, замещения и утверждения вакансий. При появлении потребности в замещении должности профессорско-преподавательского состава Факультет принимает решение о характере должности и средствах, для нее предназначенных, и направляет свое кадровое сообщение на утверждение в Ректорат. Совет факультета формирует приемную комиссию. Состав и процедура формирования комиссии установлены специальным регламентом. Прежде чем поставить на голосование, Совет факультета совещается по поводу итогового решения приемной комиссии и предложенного ею кандидата. Обычно Совет факультета устанавливает список из трех имен; голосование тайное. Выборы преподавателей, профессоров, привлеченных преподавателей осуществляются Советом факультета большинством в две трети голосов членов с правом решающего голоса.

Далее проводится проверка внефакультетскими инстанциями. Декан передает в Ректорат мотивированное представление Факультета. Со своей стороны, Ректорат передает это представление Главному канцлеру, прикладывая к представлению свое письменное мнение. Ректорат одновременно передает представление Отделу народного образования в порядке информирования. Главный канцлер запрашивает мнение Конференции швейцарских епископов через ее президента. Любое отрицательное мнение должно быть письменно мотивировано, копия направляется Ректоратом в адрес Факультета. Если Главный канцлер после рассмотрения вопроса Конференцией Епископов и Советом факультета не дает своего согласия относительно списка из трех имен, право представления возвращается Ректоратом в Совет факультета. Совет факультета устанавливает новый список согласно требованиям «Регламента приемной комиссии».

Если Главный канцлер дает свое согласие на список из трех имен, декан обязан связаться с кандидатами в списочном порядке. Если первый кандидат отказывается от участия в выборах, второй кандидат занимает его место. Дела обстоят так же для третьего кандидата, если второй кандидат отказывается от участия в выборах. Если выборы проведены при одном кандидате, Главный канцлер предлагает кандидата в Дирекцию общественного образования, культуры и спорта и направляет истребованную документацию. Руководитель Дирекции народного образования представляет кандидата в Государственный совет, который осуществляет зачисление на должность. Если руководитель Дирекции народного образования или Государственный совет отказываются осуществить такое зачисление на должность, Совет факультета

устанавливает новый список согласно требованиям «Регламента приемной комиссии».

Если Совет факультета сочтет, что частные обстоятельства мешают процедуре замещения вакансии согласно нормам, он может отступить от установленной процедуры, утвердив это решение большинством в две трети голосов.

Утверждение кандидатуры ответственного за курс требует абсолютного большинства голосов членов Совета факультета.

Как справедливо указывает протоиерей Владимир Воробьев, ректор Свято-Тихоновского гуманитарного университета, выжить может только та нация, которая имеет свою достаточно сильную систему образования. После длительного периода власти воинствующего атеизма приобщить народ к вере и связанной с ней культуре без специальных образовательных мер вряд ли возможно. Анализ зарубежного опыта кроме выявления фантастичности и ложности картин, рисуемых противниками теологического образования в государственных вузах, является также, несомненно, интересным и полезным с практической точки зрения. Ведь это — опыт построения системы функционирования теологических факультетов, опыт решения многих трудных проблем, в том числе проблем с преподавателями, искажающими, с точки зрения церкви, вероучение в своем преподавании.

Накопленный в европейских демократических государствах богатейший опыт организации и развития теологического образования в рамках государственных университетов, понятно, не в полном объеме, но может быть воспринят и, тем более, учтен российской системой образования. И в любом случае, этот опыт, в настоящем исследовании всего лишь несколько затронутый, является сильнейшим аргументом, неоспоримо свидетельствующим о необоснованности попыток отдельных российских чиновников от образования вывести теологию за пределы государственной системы образования, не дать ей развиваться (имеется в виду неправомерное блокирование решения давно уже назревших вопросов введения ученых степеней по теологии, госаккредитации духовных школ и др.), о беспочвенности заявлений о непримиримом противостоянии светского и религиозного образования.

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

Р.А. Силантьев

*исламовед, руководитель Правозащитного центра
Всемирного русского народного собора,
кандидат исторических наук*

В досоветское время исламское сообщество было в полной мере обеспечено высшими и средними духовными учебными заведениями. Уровень обучения в казанских, уфимских и оренбургских медресе позволял готовить высококлассных специалистов по богословию, впрочем, и выпускники менее известных учебных заведений могли свободно говорить и писать на литературном арабском языке. Сеть медресе и мактабов — начальных школ охватывала весь ареал компактного проживания мусульман, что позволяло любому приверженцу ислама получить неплохое образование¹.

Медресе могло иметь четыре ступени-отделения — от начального до высшего. По окончании третьей ступени шакирды (студенты) получали право преподавать. Наибольшей известностью среди мусульманских высших учебных заведений пользовалось казанское медресе «Мухаммадийя», основанное в 1882 году муфтием Галимжаном Баруди и получившее свое название в честь его отца². Через «Мухаммадийю» прошли сотни представителей татарской элиты, которые получали весьма приличное образование не только по религиозным, но и по светским дисциплинам. Шакирды «Мухаммадийи» изучали татарский, русский, арабский и персидский языки и литературу, учились алгебре, черчению, физике, географии, философии, логике, психологии, педагогике, юриспруденции и медицине³. Помимо «Мухаммадийи», широкой известностью и популярностью пользовались казанское медресе «Касымийя», уфимское «Галия», оренбургское «Хусанийя» и троицкое «Расулийя». При этом весьма высокой была и плотность средних и начальных медресе — в преддверии Октябрьского переворота в Казанской губернии насчитывалось до 900 медресе, а в Оренбургской — 344⁴.

В начале XX в исламской системе образования началась реформа, выразившая во введении нового метода обучения. Ее приверженцы, названные джадидами или джадидистами (от араб. «усуль-аль-джадид» — новый метод), призывали европеизировать систему обучения, однако наталкивались на сопротивление консервативно настроенных имамов, прозванных кадимистами

1 Амирханов А. Система конфессионального образования у татар: становление и формы функционирования // статья размещена на сайте www.e-islam.ru 19 декабря 2003

2 Материалы официального сайта медресе «Мухаммадийя» <http://www.muhammadiya.ru/>

3 Хайруллин Г.Т. История татар // книга размещена на сайте <http://kitap.net.ru/hairullin2.php>

4 Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995, стр. 141-145

(от араб. «кадим» — старый). Конец их противостоянию положила Советская власть, которая к 1939 году закрыла все мусульманские учебные заведения внутренней России¹.

До 1989 года мусульмане СССР могли получать образование только в Узбекской ССР — бухарском средне-специальном медресе «Мир-Араб» (действует с 1945 года) и ташкентском Высшем Исламском институте (действует с 1971 года)². Квота мусульман РСФСР для поступления в них была невелика, поэтому к началу исламского возрождения количество образованных имамов в России исчислялось первыми десятками. Кроме того, некоторые духовные лидеры — например, будущий муфтий Талгат Таджуддин — смогли получить высшее религиозное образование за рубежом, в дружественных Советскому Союзу мусульманских странах³.

В 1988 году под эгидой московской Соборной мечети на базе курсов арабского языка было открыто медресе «Исмаилия», ставшее первым мусульманским учебным заведением в РСФСР. В 1989 году в Уфе начало работу медресе имени муфтия Ризаэтдина Фахреддина, а годом позже в Казани было основано Закабанное медресе (впоследствии известное как Казанское высшее мусульманское медресе им. 1000-летия ислама), начавшее свою полноценную работу в 1992 году. До 1991 года начальные и средние медресе появились также в Дагестане и Чечне.

После развала Советского Союза российские мусульман встали перед серьезнейшей проблемой подготовки имамов, которых требовались уже не десятки, а сотни и тысячи. Существующие в России медресе не могли удовлетворить и 5% потребностей в кадрах, а бухарское медресе «Мир-Араб» и ташкентский Исламский институт теперь оказались малодоступны. В этой непростой ситуации на помощь российским мусульманам пришли единоверцы из арабских стран, предоставившие возможность бесплатного обучения сотням молодых шакирдов из России. Другое дело, что далеко не все они преследовали благотворительные цели — главными спонсорами этой программы выступили ваххабитские фонды, нуждающиеся в эмиссарах для успешной экспансии на ранее закрытую для них территорию⁴.

Основной поток студентов отправился за рубеж в 1990-1992 годах, и уже к 1994 году оттуда стали возвращаться первые дипломированные имамы, казавшиеся своим российским единоверцам глубоко учеными людьми. Именно они встали у истоков создания сети исламских духовных учебных заведений — медресе, колледжей, институтов и университетов, призванных возродить систему исламского образования.

1 Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в конце XX века. Казань, 2000, стр. 80-87

2 Материалы официального сайта Управления мусульман Узбекистана <http://muslim.uz/eski/rus/>

3 Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998., стр. 79

4 Силантьев Р.А. Новейшая история ислама в России. М., 2007., стр. 435

К 1996 году в Министерстве юстиции России прошли регистрацию до 30 средних и высших медресе, что выглядело весьма неплохим показателем. В 1995 году в Казани было возрождено легендарное медресе «Мухаммадийя», получившее статус высшего духовного учебного заведения⁵. Средние медресе открылись в Набережных Челнах, Альметьевске, Нижнекамске, Нурлате и Буинске, в городе Октябрьский Республики Башкортостан, Бугуруслане Оренбургской области, Ульяновске, Саратове, Нижнем Новгороде и Тюмени, возродились медресе «Галия» в Уфе и «Хусанийя» в Оренбурге.

Наиболее бурный рост числа медресе отмечался в Дагестане — к 2000 году средние или высшие исламские учебные заведения были открыты почти в каждом городе или крупном селе⁶. Самыми известными из них стали махачкалинские Северокавказский исламский университет и Университет им. Имама Шафии, буйнакский Исламский университет им. Сайфуллы Кади, хасавюртовские Институт им. Саид-Мухаммада Абубакарова и Институт им. Имама Шамиля и Исламский институт «Нурул-Иршад» им. Саида Афанди в с. Чиркей Буйнакского района республики⁷.

В 1998 году в Казани открылся Российский исламский университет (РИУ), призванный стать головным исламским вузом страны⁸. С 1999 года конкуренцию РИУ начал составлять Московский исламский университет, ставший преемником медресе медресе «Исмаилийя» (1988) и Московского высшего духовного исламского колледжа (1994)⁹. И РИУ, и МИУ получили безвозмездно (РИУ) или за символическую арендную плату (МИУ) необходимые помещения, что, вкупе с немалыми финансовыми вложениями со стороны властей и зарубежных спонсоров, сулило им прекрасные перспективы.

Главным различием РИУ и МИУ стал подход к системе обучения: если выпускники МИУ получали дипломы бакалавров теологии и востоковедения государственного образца¹⁰, то РИУ до 2002 года осуществлял подготовку только по сугубо религиозным специальностям «Имам-хатыб. Преподаватель шариатских наук и арабского языка» и «Имам-хатыб. Преподаватель коранических наук и арабского языка». Лишь в 2002 году был осуществлен первый набор на Теологический факультет РИУ, позволявший готовить светских теологов. Благодаря этому РИУ стал первым в России ВУЗов, осуществляющим подготовку мусульманских теологов¹¹.

5 Постнова В. Не пить, не курить, не сквернословить // Независимая газета, 18 октября 2004

6 Наврузов А.Р. Исламские вузы постсоветского Дагестана и процессы глобализации // статья размещена на сайте <http://www.ethnonet.ru/pub/navr.html>

7 Религии и религиозные организации в Дагестане. Справочник. Махачкала, 2001

8 В Казани открылся исламский университет // Российская газета, 30 сентября 2000

9 Материалы сайта <http://www.muslim.ru> (раздел «Московский исламский университет»)

10 Ражапов Н.Х. Исламские учебные заведения в России. Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2001.

11 Материалы официального сайта Российского исламского университета www.e-riu.ru

Тем не менее, существовали и серьезные проблемы. Вот что писал в 2006 году ректор РИУ Ильдус Загидуллин: «Московский исламский университет выделяется малочисленным контингентом студентов... Несмотря на значительность, на первый взгляд, численности обучающихся, количество выпускников РИУ оставляет желать лучшего. Достаточно отметить, что сегодня на религиозных факультетах РИУ на 1 курсе обучается 36 чел., на 2-м курсе 18 чел., 3-м курсе 12 чел., 4-м курсе 13 чел. Невысокие показатели и по выпускам предыдущих лет: в 2002 г. — 14 чел., в 2003 — 8, в 2004 — 14, 2005 г. — 8 чел. Низкий КПД приводит к неоправданно высокой себестоимости подготовки шакирдов в РИУ»¹.

Действительно, и МИУ², и РИУ имели очень небольшие выпуски, из-за чего стоимость обучения одного специалиста становилась сопоставима со стоимостью подготовки летчика-космонавта. Обращал на себя внимание и уровень образования в двух ведущих исламских вузах России — так, в МИУ профессионально непригодным оказался ректор³, а в РИУ достаточной квалификации не имела большая часть преподавателей. «В составе бывшего ректората не было лиц, имеющих высшее религиозное образование. Отсутствовал также опыт преподавательской или руководящей (заведующий кафедрой или декан) работы в светском ВУЗе, поскольку они не имеют высшего светского образования», — писал об этой проблеме Ильдус Загидуллин⁴. Более того, на тот момент среди 69 ректоров российских исламских университетов, институтов, медресе и колледжей светскую ученую степень имел только руководитель махачкалинского Института теологии и религиоведения имени Мамма-Дибир аль-Рочи Максуд Садигов⁵.

Уже к 2002 году стало ясно, что МИУ, РИУ и другие исламские вузы не могут решить проблему подготовки новых кадров для традиционного ислама. Уровень предоставляемого в них образования позволял готовить только простых имамов, не слишком искушенных в тонкостях исламской акиды, фикха и хадисоведения⁶. Между тем наиболее остро ощущалась нехватка именно высококлассных богословов, способных в будущем составить элиту российских

1 Загидуллин И.К. О ситуации в Российском исламском университете // статья опубликована на сайте Российского исламского университета www.e-riu.ru

2 По информации официального сайта ДУМЕР суммарный выпуск Московского высшего духовного исламского колледжа, дающего высшее религиозное образование в рамках МИУ, за 6 лет составил 34 человека. При этом ежегодный выпуск Теологического факультета МИУ, выдающего дипломы государственного образца, сейчас не превышает 5 человек.

3 Башларов С. Кто автор «Введения в коранические науки» М. Муртазина? // статья размещена на портале «Ислам.ру» (www.islam.ru) 23 марта 2007; сообщение портала «Ислам.ру» (www.islam.ru) от 2 апреля 2007 года

4 Загидуллин И.К. О ситуации в Российском исламском университете // статья опубликована на сайте Российского исламского университета www.e-riu.ru

5 На данный момент ситуация изменилась в лучшую сторону – РИУ возглавил доктор политических наук Рафик Мухамметшин, а ректор нижегородского медресе «Махинур» Дамир Мухетдинов получил степень кандидата политических наук

6 В некоторых регионах, например Дагестане, наблюдается даже переизбыток такого рода специалистов

мусульманских лидеров, а в настоящем — на достойном уровне вести диспуты с ваххабитами и иными сектантами, защищая основы умеренного ислама. Те единичные специалисты такого уровня, которые появились в отечественной умме за последние 20 лет, оказались вынуждены получать свои знания за рубежом — в России готовить их было некому. «Несмотря на наличие медресе и высших учебных заведений, открытых (в России – «ИФ») за последние годы, качество получаемого образования и количество выпускников далеко не соответствуют должному уровню», — справедливо заметил в этой связи секретарь-координатор Межрелигиозного совета СНГ и видный исламский богослов Азер Алиев⁷.

Между тем ситуация в сфере исламского образования быстро ухудшалась — в немалой части медресе обучение велось по методикам нетрадиционных для страны направлений ислама, а некоторые из них стали полноценными базами экстремистов и даже террористов. Особую обеспокоенность властей вызвали скандальные истории с набережночелнинским медресе «Йолдыз», которое в начале 1990-х перешло под контроль экстремистской организации «Тайба», и бугурусланским медресе «Аль-Фуркан», выпускники которого участвовали в самых громких террористических атаках последних лет. Стало очевидно, что государство должно помочь мусульманам выстроить систему образования, тем более что сами лидеры традиционного ислама неоднократно об этом просили.

21 мая и 16 июня 2002 года Президент России В.В. Путин издал два распоряжения, смысл которых сводился к необходимости разработать комплекс мер «по оказанию организационной, материальной и методической помощи в развитии сферы религиозного образования, прежде всего мусульманского» а также открыть в Москве исламский университет светского характера. Главным исполнителем этих поручения было назначено Министерство образования⁸. В ходе длительных согласований было решено открыть при Институте стран Азии и Африки МГУ Академический центр исламской истории и культуры, куда предполагалось набирать по 30 студентов год (соответственно, по 10 человек от ЦДУМ, Совета муфтиев России и Координационного центра мусульман Северного Кавказа)⁹.

Данный эксперимент пришлось свернуть через 2 года в связи многочисленными жалобами преподавателей и руководства Института стран Азии и Африки МГУ, которые указывали на низкий базовый уровень образования студентов центра, а также на их слабую адаптивность к жизни светско-

7 Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» (www.interfax-religion.ru) от 14 декабря 2006

8 Распоряжения президента России В.В.Путина от 21 мая 2002 года (№849) и от 16 июня 2002 года (№1089) // архив автора.

9 Письмо начальника Департамента по связям с Федеральным Собранием, общественными организациями и религиозными объединениями Ф.М.Мухаметшина от 21 июня 2003 г. заместителю Председателя Правительства РФ Г.Н.Кареловой // архив автора.

го вуза. С 2005 года было решено ввести квотирование мест для мусульман в московском Лингвистическом университете, Нижегородском университете им. Лобачевского и Санкт-Петербургском Смольном гуманитарном университете (общее число квот равнялось 30), однако и эта мера несильно не оздоровила исламскую образовательную систему страны¹. 3 марта 2005 года на очередном заседании Совета муфтиев России было принято решение о создании Совета по исламскому образованию, который возглавил ректор Московского исламского университета Марат Муртазин². 30 марта 2005 года Совет принял Единый образовательный стандарт по исламскому религиозному высшему образованию, который давал полную характеристику специальности «Исламское богословие», по изучению которой присваивалась квалификация «проповедник — богослов (имам — хатыб), преподаватель»³. При этом практическое использование стандарта оказалось возможным только в вузах Совета муфтиев России — другие мусульманские центры страны не торопились принимать разработанный Маратом Муртазиным документ.

Сейчас в России наблюдается тенденция сокращения количества исламских учебных заведений. Особенно заметен этот процесс в Татарстане, где уже с 2000 года идет укрупнение медресе — так, в 2000 году на базе медресе «Йолдыз» («Юлдуз»), «Танзиля», «Ихлас», «Нурутдин» и «Иман» было создано Набережночелнинское высшее мусульманское медресе, а позднее Исламский институт им. Р. Фахретдинова и Азнакаевское медресе были преобразованы в Альметьевское мусульманское среднее медресе⁴. С 2002 года прекратили свое существование бутурусланское медресе «Аль-Фуркан»⁵, ульяновский Исламский институт (Ульяновский татарско-арабский колледж), зеленоградский колледж ДУМАЧР «Расуль-Акрам», на несколько лет приостановлена деятельность Ембаевского медресе ДУМ Тюменской области⁶, отозвана лицензия у медресе «Абу-Ханифа» при саранской Соборной мечети⁷, а также разгромлена обширная сеть татарско-турецких колледжей, насчитывавшая более двух десятков средних учебных заведений от Майкопа до Улан-Удэ⁸. Всего же по состоянию на начало 2007 года в России насчитывалось 75 зарегистрированных средних и высших мусульманских учебных заведений, а их общее число составило 229 — 26 высших учебных заведений и 203 средних.

1 Крулевич Е. Студенты полумесяца // Московский комсомолец, 28 марта 2005

2 Сообщение сайта <http://www.muslim.ru> от 3 марта 2005

3 Единый образовательный стандарт высшего профессионального исламского образования // размещена на сайте www.interfax-religion.ru 31 марта 2005

4 Мухамметшин Р.М. Система мусульманского образования в постсоветском Татарстане // статья опубликована в сборнике «Ислам и право в России. Выпуск 1» (М., 2004)

5 Седаков П. Бутуруслан зачистили от «Хизб-ут-Тахрир» // Коммерсант, 2 марта 2007

6 Сообщение ИА «Интерфакс-Урал» от 3 октября 2003 года; сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 14 января 2004

7 Сообщение сайта www.islamnews.ru от 21 января 2007

8 Метелева С. Аллах с нами // Московский комсомолец, 6 декабря 2002

С 2005 года серьезные проблемы начались также и у РИУ с МИУ — 19 сентября 2005 года Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки отказалась продлевать лицензию на религиозную образовательную деятельность Российского исламского университета на том основании, что «РИУ является «учреждением высшего профессионального образования», т.е. светским учреждением, и, согласно Федеральному закону «О свободе совести и религиозных объединениях», не имеет права вести подготовку священнослужителей и религиозного персонала», в связи чем статус ведущего исламского ВУЗа оказался в подвешенном состоянии⁹. После долгих переговоров и компромиссов ситуация несколько нормализовалась, и к настоящему времени он возобновил полноценный образовательный процесс, тем более, что его новым ректором был назначен авторитетный ученый-исламовед Рафик Мухамметшин¹⁰.

С 2007 года Фонд принял активное участие в запуске программы Министерства образования и науки РФ по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007-2010 гг. План мероприятий в рамках программы был утвержден распоряжением Правительства РФ от 14 июня 2007 года. Согласно ему, в России предполагалось создать пять исламских университетских центров на базе Московского исламского университета, Российского исламского университета в Казани, Российского исламского университета в Уфе, Северо-Кавказского университетского центра образования и науки в Махачкале (бывший Институт теологии и религиоведения им. Мама-Дибера аль-Рочи) и Северо-Кавказского исламского университета имени Абу Ханифы в Нальчике (бывший Кабардино-Балкарский исламский институт). Впоследствии число таких центров было доведено до семи благодаря включению в список Нижегородского исламского института им. Х.Фаизханова и Российского исламского университета им. Кунта-хаджи Кишиева в Грозном. При этом число студентов в данных вузах колебалось от нуля в Нижегородском исламском институте до нескольких сотен человек в Северо-Кавказском университетском центре образования и науки в Махачкале¹¹. Курировать исламские вузы в рамках программы Министерства образования и науки РФ было поручено ряду государственных университетов и институтов: Московскому государственному лингвистическому университету, Нижегородскому государственному университету, Кубанскому государственному университету, Северо-Кавказскому государственному техническому университету (Ставрополь), Смольному институту свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета и Татарскому государственному гуманитарно-педагогическому университету. В круг их обя-

9 Останется ли РИУ без лицензии? // статья размещена на сайта www.e-riu.ru 18 октября 2005

10 Сообщение официального сайта ДУМ Республики Татарстан <http://www.e-islam.ru/> от 3 апреля 2007

11 Гайнуллин Н. Рассмотрены перспективы исламского образования в России // <http://www.muslim.ru/cont/23/1195.htm>

занностей входила подготовка учебных пособий, повышение квалификации исламских преподавателей, проведение конференций и семинаров. Своего рода ноу-хау этого проекта стали видеолекции, одновременно транслировавшиеся во всех вузах, участвовавших в «исламской» программе Министерства образования и науки¹.

Кроме того, в государственных вузах было введено квотирование мест для студентов, рекомендованных к обучению ведущими мусульманскими центрами. К 2008 году число таких мест приблизилось к 200². Первая группа студентов, набранная по подобной квоте в Институт стран Азии и Африки МГУ, в 2008 году успешно закончила свое обучение, причем большинство предпочли продолжить работу по полученной специальности. Впрочем, особых надежд на то, что все отучившиеся в государственных вузах мусульманские студенты будут трудиться на дело возрождения ислама в России, никто не питал. Высокооплачиваемых и перспективных должностей в мусульманских структурах оказалось не очень много, а работать имамами в сельской местности на зарплату в 3-4 тысячи рублей готовы были далеко не все.

По состоянию на конец 2008 года можно сказать, что «исламская» программа Министерства образования и науки РФ, запущенная в первую очередь для борьбы с экстремизмом в мусульманской среде и с целью воспитания пророссийски настроенного поколения исламских лидеров, оказалась вполне жизнеспособной и эффективной. Всего за год в ее рамках были подготовлены более 200 учебных и методических пособий по самому широкому спектру дисциплин — от арабского языка до исламской культуры. Только за 2007 год один Московский государственный лингвистический университет подготовил для исламских учебных заведений больше учебных пособий, чем было написано за последние 20 лет.

В настоящее время государственный диплом по специальности «Теология» могут получить выпускники Московского исламского университета, Российского исламского университета в Казани и Северо-Кавказского университетского центра образования и науки.

1 План мероприятий Министерства образования и науки РФ по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007-2010 гг. // архив автора

2 Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 12 октября 2008 года.

РАЗВИТИЕ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД³

М.В. Таланкина

*заведующая сектором научно-методического обеспечения
религиозного образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного
университета*

1. Период 1992 — 2000 гг.

Нормативная база: стандарт 1-го поколения. Первый государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (1-го поколения) по направлению 520200 «теология» (бакалавриат) был утвержден 30 декабря 1993 г. Госкомитетом России по высшему образованию. Тогда же Общероссийский классификатор специальностей по образованию, утвержденный Постановлением Госстандарта России от 30 декабря 1993 г. № 296, закрепил теологию в качестве направления подготовки в высшем образовании (код 520200). Стандарт по теологии не отличался от стандарта по религиоведению и продолжал, скорее, традицию научного атеизма, чем богословского образования. Авторы документа остались неизвестными.

К профессиональной подготовке теолога можно было формально отнести только две дисциплины учебного плана, общей трудоемкостью 442 часа: «Религиозная вероучительная литература» (ДН.11) и «Религиозный культ» (ДН.07). Остальное время обучения было отведено изучению отдельных аспектов религиозности в рамках некоторых гуманитарных наук. Основные дисциплины подготовки теолога можно было разместить только в региональном или вузовском компоненте учебного плана или в программах дополнительного образования.

Отклик высшей школы на введение теологии в Общероссийский классификатор специальностей. За период действия ГОС ВПО 1-го поколения лицензию на подготовку теологов получили восемь вузов.

№	Название образовательного учреждения	Дата
1	Алтайский государственный университет, г. Барнаул	1992/1993
2	Институт богословия и философии, г. Санкт - Петербург	1992/1993
3	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (тогда Богословский институт), г. Москва	1993/1994

³ Справка составлена по материалам совета по теологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию.

№	Название образовательного учреждения	Дата
4	Омский государственный университет	1996/1997
5	Русский христианский гуманитарный институт, г. Санкт-Петербург	1996/1997
6	Библейско-богословский институт им. св. апостола Андрея Первозванного, г. Москва	1997/1998
7	Свято-Филаретовский православно-христианский институт, г. Москва	1999/2000
8	Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток	1999/2000

Основной проблемой, разрешенной после 2000 года, была легализация в отечественном образовательном пространстве подлинного богословского образования. Действительно, стандарт 1-го поколения не выдерживал критики в сравнении ни с европейским университетским богословским образованием, ни с российской традицией духовных школ. Такой документ угрожал массовым введением ущербных образовательных программ, только по имени относящихся к теологии. Кроме того, бакалавриат по теологии не мог удовлетворить отечественную высшую школу. Требовалось ввести также программы подготовки специалистов и магистров.

Патриарх Алексий II, Президент РАН Ю. С. Осипов, Президент РАО Н. Д. Никандров, Ректор МГУ В. А. Садовничий, целый ряд других академиков РАН неоднократно обращались в Правительство, Комитет по науке РФ, к Министру образования РФ В.М. Филиппову с просьбой рассмотреть вопрос о введении специальности «теология» в Государственный классификатор образовательных направлений и специальностей. В результате такое решение было принято на Коллегии Министерства образования Российской Федерации и на заседании Межведомственной комиссии при Министерстве образования Российской Федерации под председательством заместителя министра В.Д. Шадрикова 17 февраля 2000 г. В соответствии с распоряжением Министерства образования Российской Федерации был разработан проект нового стандарта.

Одновременно в некоторых средствах массовой информации была развёрнута широкая кампания по дискредитации как подготовленного проекта нового стандарта подготовки специалистов-теологов, так и самого богословского образования в целом. В результате утверждение нового стандарта затянулось на два года.

Критика введения новой специальности основывалась на следующем. На практике отождествлялись понятия «светский» и «атеистический», а также «атеистический» и «объективно-научный» (в отношении изучения религиозного феномена). Мироззрение и догматы, лежащие в основании теологии, отождествлялись с идеологией, делающей невозможными свободу научного исследования и рост научного знания.

Светскость трактовалась как непроницаемый щит между обществом и традиционными религиями, в частности, в интеллектуальной сфере и сфере образования. На основании светскости российского государства отрицалась возможность чтения теологических дисциплин в государственном вузе и предмета «Основы православной культуры» в школе, возбранялось преподавать в государственных вузах священнослужителям. При этом игнорировался как опыт церковной теологии в университетах множества светских государств Европы и Америки, так и собственно правовые нормы нового демократического государства в Российской Федерации.

Утверждалось, что введение теологии приведёт к межрелигиозным и межконфессиональным конфликтам как в самой высшей школе среди учащихся и преподавателей, так и в обществе в целом (подобная демагогия сейчас «доживает» в отношении теологии, но еще активная в отношении изучения предмета «Основы православной культуры» в средней школе).

2. Период 2000 — 2008 гг.

Нормативная база: поликонфессиональный стандарт 2-го поколения

В 2001—2002 гг., при переходе российской высшей школы на стандарты 2-го поколения, были приняты принципиально иные поликонфессиональные стандарты по специальности и направлению подготовки «теология», а также Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки для получения дополнительной квалификации «Эксперт в области теологии».

Дата утверждения стандарта	Квалификация выпускника
12.03.2001	бакалавр теологии (4 года подготовки)
12.03.2001	магистр теологии (+2 года подготовки)
28.01.2002	теолог, преподаватель (5 лет подготовки)
09.04.2002	«Эксперт в области теологии» (дополнительная квалификация)

В этот период Министерством образования и науки Российской Федерации разработана «Комплексная программа содействия развитию сферы религиозного образования (прежде всего мусульманского) на 2005—2015 гг.». Программа, в частности, предусматривает подготовку специалистов для духовных управлений мусульман и исламских образовательных учреждений в государственных университетах (в Москве, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Краснодаре, Тюмени и др.) по государственным направлениям высшего образования (регионоведение, востоковедение, религиоведение, теология и т. д.), разработку и реализацию системы содействия исламским учебным заведениям.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 июня 2007 г. № 775-р был утвержден План мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007–2010 гг. В ноябре 2007 г. вступил в силу закон об аккредитации духовных учебных заведений на основе государственных образовательных стандартов по теологии.

Стандарт 2-го поколения закрепил поликонфессиональную модель теологического образования. В рамках стандарта стало возможным разрабатывать программы подготовки православных, исламских и иудейских теологов. Для чего, в частности, в учебном плане теолога был предусмотрен инвариантный блок, описывающий разряды основных дисциплин подготовки специалиста с помощью родовых понятий, которые каждая из традиционных конфессий России могла конкретизировать в соответствии со своей академической традицией.

Поликонфессиональная архитектура стандарта по теологии

Инвариантный блок примерного учебного плана стандарта по теологии	Конкретизация инвариантного блока для подготовки православных теологов	Конкретизация инвариантного блока для подготовки исламских теологов
<i>Конфессиональное вероучение</i>	Догматическое богословие, Сравнительное богословие	Акыда
<i>Сакральные тексты</i>	Библеистика (СПНЗ), Библеистика (СПВЗ)	Коран
<i>Языки сакральных текстов</i>	Древнегреческий, Латинский, Церковнославянский	Арабский язык
<i>Вероучительная литература</i>	История христианской письменности и патристика	Хадисы
<i>История конфессии</i>	История Древней Церкви, История Русской Православной Церкви, История Поместных Церквей	Сира и история ислама
<i>Конфессиональное право</i>	Каноническое право	Исламское право и законоведение (шариат)
<i>Культ конфессии</i>	Литургика, Устав, Введение в литургическое богословие	Фикх

Таким образом, новые стандарты закрепили классическое академическое богословское образование, сопоставимое и с европейской подготовкой теологов.

Основные дисциплины подготовки теолога

Стандарт 1993 г.	Стандарт 2001—2002 гг.	Оксфордский университет (действующий учебный план)
442 час.	2244 час.	
Религиозная вероучительная литература (ДН.11)	Библеистика (ДКП.Ф.03)	Old Testament (A.1, B.1) New Testament (A.2, B.2) Biblical interpretations (B.3)
	История христианской письменности и патристика (ДКП.Ф.04)	Christian life and thought (A.3.A, A.3.B)
-	История Древней христианской Церкви (ОПД.Ф.05) История Русской Православной Церкви (ДКП.Ф.07) История поместных Церквей (ДКП.Ф.06) История западного христианства (ДКП.Ф.08)	Church history (C.2)
-	Догматическое богословие (ДКП.Ф.01)	Christian Doctrine (C.1) Ecclesiology (C.3) Study of theology (C.4)
Религиозный культ (ДН.07)	Литургическое богословие (ДКП.Ф.05)	Christian worship (D.3) Christian spirituality (D.4)
-	Каноническое право (ДКП.Ф.09)	Canon law (E.7)
	Сравнительное богословие (ДКП.Ф.02)	Confessional study (E.7)

Принятые стандарты позволили избежать искусственного смещения теологии и религиоведения, имевшего место в учебных планах 1990-ых годов.

Изучение собственно теологических систем (христианской, исламской, иудейской) в структуре программы подготовки специалиста-религиоведа ограничено ознакомительным курсом. Центр тяжести религиоведческого образования

приходится на изучение некоторых аспектов религиозности в рамках гуманитарных наук (социология религии, психология религии, феноменология религии).

Ядром образовательной программы по теологии, напротив, является освоение развитой теологической системы. Последующее ознакомление с другими религиями и сравнительный анализ опирается на разработанный понятийный аппарат и развитую интуицию.

Изучение истории и вероучения мировых религий занимает в обоих стандартах примерно равное положение.

Стандарт 2-го поколения создал прецедент государственно-конфессионального партнерства в образовательной сфере. Поликонфессиональный шаблон стандарта позволил привлекать образовательные структуры соответствующих религиозных организаций и разрабатывать программы подготовки православных, исламских и иудейских теологов. Теоретически шаблон позволяет разработать и программу изучения буддистской философии.

Приказ Министерства образования Российской Федерации № 1230 от 26 апреля 2000 г. «О закреплении направления 520200 Теология и специальности 020500 Теология за Учебно-методическим объединением университетов России» позволил создать в составе УМО для экспертизы теологических образовательных программ Учебно-методический совет по теологии под председательством декана исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова С.П. Карпова.

Отклик высшей школы на введение поликонфессионального стандарта. Переход к классическому богословскому образованию вызвал всплеск интереса со стороны отечественной высшей школы. К сентябрю 2009 г. лицензию на подготовку теологов будут иметь свыше 42 вузов, из них 27 — государственные университеты.

Еще 10 вузов получили консультацию Совета по теологии УМО и разрабатывают пакет документов для последующего лицензирования.

В 2008/2009 учебном году в этих учебных заведениях по специальности и направлению «теология» обучается более 3600 студентов. Доли обучающихся по отделениям: заочное отделение — 2194 чел. или 61%, дневное отделение — 1112 чел. или 31%, вечернее отделение — 304 чел. или 8%. Преобладание заочного сектора показывает, что география востребованности теологического образования опережает открытие новых кафедр и факультетов теологии в регионах.

Выпуски теологов состоялись в 18 вузах.

Сферы занятости теологов. Инфраструктура занятости специалистов в новой для постсоветской России области находится в стадии становления. Прецедентный период сменяется систематическим.

Теологи востребованы в общественной жизни именно в силу светского характера государства. Действительно, традиционные религии не только являются субъектами гражданского общества в качестве общественных объединений, организаций. Они обладают для подавляющего количества россиян, не только ве-

рующих, большим притяжением в качестве источника исторического мировоззрения, системы ценностей, самостоятельной культурной, образовательной и научной традиции. Отсутствие достаточного числа компетентных специалистов в академическом и экспертном сообществе ведет к тому, что духовные запросы и нравственные ориентиры общества неизбежно начинают питаться случайными, ущербными и деструктивными идеями.

Сфера деятельности теологов — поле взаимодействия традиционных религий и субъектов общественной жизни в широком смысле. Теологи осваивают вероучение культуuroобразующей религии в систематическом, историческом и практическом аспекте, а также в общественном, государственном, культурном (цивилизационном), межрелигиозном и общенаучном контексте (в зависимости от избранной специализации).

Специалисты по теологии (разных конфессий) востребованы в научно-исследовательской, учебно-воспитательной, экспертно-консультативной, организационно-управленческой, представительско-посреднической и социально-практической деятельности. Выпускники-теологи работают в учреждениях системы высшего и среднего профессионального, дополнительного и послевузовского образования, институтах повышения квалификации, экспертных сообществах, в том числе государственных, муниципальных, общественных, конфессиональных, международных и межконфессиональных; в органах законодательной, исполнительной и судебной власти; в некоммерческих, общественных организациях и других структурах гражданского общества; в органах социальной поддержки и адаптации населения; в средствах массовой информации.

3. Текущий период: реформа отечественной высшей школы.

Разработка и диагностика стандарта 3-го поколения (2005-2008 гг.). К ноябрю 2008 г. Совет по теологии УМО по классическому университетскому образованию завершил цикл разработки и диагностики проектов стандартов по направлению подготовки бакалавров и магистров теологии. Разработке стандартов предшествовало общественное обсуждение с участием представителей научно-образовательного сообщества традиционных религий России, различных экспертных сообществ и руководителей предприятий и организаций разного типа. В Москве состоялось около двадцати мероприятий, в российских регионах — более сорока.

Были собраны и проанализированы отзывы отечественных и международных экспертов, динамика теологического образования в России за последние 17 лет, данные исследований рынка труда с дифференциацией отзывов работодателей, учитывающей наличие у компаний стратегии развития и верифицированных механизмов прогнозирования. Были опрошены представители федеральных и региональных органов управления образованием, учебных заведений,

государственных, муниципальных, некоммерческих и общественных организаций, средств массовой коммуникации, религиозных организаций.

В качестве основных задач, поставленных перед разработчиками стандарта, можно назвать: (1) расширение спектра профилей подготовки выпускников при сохранении глубины и фундаментальности теологического образования для каждого из профилей; (2) соблюдение максимальной профессиональной самостоятельности и мобильности магистра.

Поставленные задачи были решены в архитектуре и содержании проектов стандартов следующим образом.

Поликонфессиональная архитектура стандартов третьего поколения. Модули базовой части профессионального цикла

Модули базовой части учебного плана	Конкретизация для православных теологов	Конкретизация для исламских теологов
<i>Модуль: Общая конфессиональная теология</i>	Введение в специальность	Введение в специальность
	История теологии	История теологии
	Методика научного исследования	Методика научного исследования
<i>Модуль: систематическая конфессиональная теология</i>	Междисциплинарные проблемы в теологии	Междисциплинарные проблемы в теологии
	Догматическое богословие	Исламское вероучение
	История христианской письменности и патристика	История исламской письменности
	Литургическое богословие	Ибадат
	Каноническое право	Исламское право и законоведение
<i>Модуль: Сакральные тексты конфессии</i>	Введение в Новый Завет	Коран
	Библеистика	Хадисоведение
<i>Модуль: История конфессии</i>	История Древней христианской Церкви	История пророков и Сира

Модули базовой части учебного плана	Конкретизация для православных теологов	Конкретизация для исламских теологов
	История Русской Православной Церкви	История Арабского халифата и Османской империи
		История ислама в России
<i>Модуль: Практическая теология конфессии</i>	Этика и аксиология православия	Этика и аксиология ислама
	Введение в практическую и пастырскую теологию	Введение в практическую теологию
	Литургика	

Объекты деятельности выпускника стали основой для развития как профилей теоретической направленности, так и программ прикладной ориентации (см. таблицу).

Поликонфессиональная архитектура стандартов третьего поколения. Профили теологического образования

Профили теологического образования	Конкретизация для православных теологов	Конкретизация для исламских теологов
<i>Систематическая теология конфессии</i>	Систематическая православная теология	
История конфессии		
Практическая теология конфессии		Практическая исламская теология
<i>Культура конфессии</i>	Культура православия	
<i>Государственно-конфессиональные отношения</i>	Государственно-конфессиональные отношения	Государственно-конфессиональные отношения
<i>Классическая конфессиональная литература и авторы</i>		

Виды деятельности выпускника пополнены представительско-посреднической функцией, призванной обеспечивать взаимодействие субъектов общественной, государственной и профессиональной сферы.

Компетентностные модели нацелены на глубокую профилизацию образовательных программ, ударение поставлено на способности выпускника самостоятельно разрабатывать инновационные подходы к решению сложных актуальных задач

в области профессиональной деятельности, а также менять профиль своей деятельности, выходя на высокий профессиональный уровень и в новой области.

Реализация этих особенностей набора компетенций обеспечивается модульной структурой базовой части профессионального цикла, увеличением его вариативной части, расширением совокупности дисциплин методологического характера.

Помимо Русской православной церкви, Духовных управлений мусульман и Федерации еврейских религиозных организаций, положительные отзывы на проект ФГОС по теологии дали более тридцати организаций. Среди них: Министерство юстиции Российской Федерации, департаменты, управления и комитеты краевых и областных администраций, общественные и некоммерческие организации, организации, работающих в сфере науки и культуры, российские и зарубежные образовательные учреждения, крупные коммерческие организации.

Одной из проблем остается незавершенность вертикали теологического образования — невозможность защиты диссертаций и присуждения ученых степеней кандидатов и докторов теологии в России. Выпускники-теологи не имеют возможности стать специалистами высшей квалификации в избранной области знания. Нарушаются требования к кадровому обеспечению образовательных программ по теологии, задающие высокий процент преподавателей, имеющих соответствующие ученые степени.

Существующая специальность 09.00.13 «Религиоведение, философская антропология, философия культуры» в полной мере не закрывает потребности выпускников-теологов. Опыт защит богословских диссертационных работ в религиоведческих диссертационных советах неудовлетворителен, так как во многих случаях требуется выхолостить собственно теологическое содержание работы и наполнить ее философским. По целому ряду тем теологические работы вообще не могут быть поданы в религиоведческие диссертационные советы, поскольку в последних нет соответствующих специалистов. Это касается многих направлений теологических исследований, в частности таких, как библеистика, содержание и генезис религиозного права, вероучение и история его становления, история церкви и другие.

Поражение в правах теологии как научного направления подрывает конкурентноспособность отечественной системы гуманитарного знания в контексте возникновения общеевропейского образовательного и научно-исследовательского пространства.

При этом теология остается признанной во всем мире фундаментальной системой наук. Спектр образовательных и исследовательских программ по теологии в той или иной стране отражает специфику национальной образовательной системы в целом и охватывает все уровни, которые имеются: бакалавриат, магистратура, подготовка дипломированных специалистов, докторат (обучение в аспирантуре)¹.

1 На основании материалов по теологическому образованию и науке в 15-ти европейских странах (Великобритании, Германии, Франции, Австрии, Италии, Испании, Нидерландов, Дании, Швейцарии, Греции, Польши, Румынии, Чехии, Болгарии, Эстонии). В частности, 25-ти университетов Великобритании

Названия образовательных программ и степеней варьируются в зависимости от задач той или иной образовательной программы. На каждом уровне предлагается целый ряд специализаций, как собственно богословских, так и междисциплинарных.

РОССИЯ	ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	ГЕРМАНИЯ
Бакалавр теологии	BA in Theology Diploma in Theology Bachelor of Divinity Certificate in Theology	BA Evangelische Theologie BA Katholische Theologie Bachelor in Religionspädagogik
Специалист-теолог, преподаватель	Не предусмотрено в системе высшего образования Великобритании	Diplomstudiengang Diplom-Theologie DiplomgewerbelehrerIn mit Wahlpflichtfach Katholische Religionslehre
Магистр теологии	MTh MA Theology MTh in Applied Theology	MA Evangelische Theologie MA Katholische Theologie Magisterprüfungsordnung (Nebenfach)
Научные степени по теологии не присваиваются	PhD (In Christian theology, modern theology, ethics, New Testament exegesis, textual criticism)	PhD Dr. theologie

Практически во всех крупных университетах Европы и США в области теологии ведется как образовательная, так и исследовательская деятельность. В качестве примера можно назвать Оксфордский и Кембриджский университеты (Великобритания), Йельский и Гарвардский университеты (США), Берлинский университет (Германия), университеты городов Страсбурга и Тулузы (Франция) и многие другие.

По данным последнего исследования качества научной работы университетов Великобритании RAE (Research Assessment Exercise) 2001, результаты которого

University of Oxford, University of Cambridge, University of Leeds, Oxford Brooks University, University of Edinburgh, University of Glasgow, University of Birmingham, Cardiff University, University of Aberdeen, The Queen's University of Belfast, Queen's College, Birmingham, Welsh Independent's College, All Nations Christian College, Birmingham Christian College, Leo Baeck College, Mathersey Hall, Newbold College, Spurgeon's College, Wesley College, King's College London, Cliff College, Oak Hill College – London, Ripon College, Redcliffe College, Ushaw College и 15-ти университетов Германии: Humboldt-Universität, Universität Hamburg, Eberhard Karls Universität Tübingen, Universität Augsburg, Universität Trier, Ludwig-Maximilians-Universität München, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, Ruhr –Universität, Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Georg-August-Universität Göttingen, Ernst-Moritz-Arndt Universität, Ruprecht-Karls-Universität, Philipps-Universität Marburg, Otto-Friedrich-Universität Bamberg.

определяют распределение грантов, в десяти самых перспективных университетах страны теологические исследования поддерживаются на мировом уровне.

Десять лучших университетов Великобритании	Научный рейтинг университета	Рейтинг научных исследований по теологии
Cambridge	48	5
Oxford	42	5*
UCL	40	-
Manchester	37	5*
Bristol	36	5
Sheffield	35	5
Birmingham	32	5
Edinburgh	28	5
Leeds	28	4
Nottingham	26	5*

Выводы международной экспертной комиссии, свидетельствуют о том, что исследовательский интерес в области традиционных дисциплин христианской теологии и библистики не ослабевает¹. Таким образом, возражения против признания теологической науки игнорируют европейский опыт, прежде всего — германский, научной аттестации католических и протестантских теологов, а также наработанный отечественный опыт реализации соответствующих образовательных программ по международной поликонфессиональной модели. И по-прежнему основные аргументы строятся на отождествлении понятий «светский» и «атеистический», а также «атеистический» и «объективно-научный». Это отождествление досталось нам в наследство от предыдущей эпохи жесткого идеологического корсета «научного» атеизма, претендовавшего на роль единственной законной парадигмы гуманитарного знания. Парадоксально, но именно с этих позиций теологическая система, как раз не поддающаяся идеологизации по своей сути, отождествляется с идеологией и именно на этом ложном основании признается несовместимой с научным исследованием. При этом откровенно идеологический характер множества диссертаций ушедшего периода не вызывает отторжения у оппонентов теологии.

Вопрос о включении теологии в Номенклатуру ВАК РФ пока остается открытым.

1 5* — более половины работ, представленных на аттестацию, соответствуют самому высокому уровню научных разработок в мировом масштабе. Остальные работы соответствуют самому высокому уровню научных разработок в национальном масштабе. 5 — чуть менее половины работ, представленных на аттестацию, соответствует самому высокому уровню научных разработок в мировом масштабе. Остальная часть соответствует самому высокому уровню научных разработок в национальном масштабе.

ТЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И.В. Метлик

*заведующий лабораторией Института семьи и воспитания
Российской академии образования,
доктор педагогических наук*

В существенной части дискуссии вокруг статуса теологии в системе гуманитарного знания и образования аналогичны дискуссиям по вопросу организации преподавания в современной общеобразовательной школе религиозных конфессиональных традиций. Все они обусловлены, в первую очередь, мировоззренческой эволюцией нашего общества, постепенным преодолением укоренявшихся десятилетиями атеистических стереотипов в отношении религии в российском научно-педагогическом сообществе, среди работников и руководителей образования. Следует помнить, что в советское время работники школы, как средней, так и высшей, всегда рассматривались как идеологически весьма значимая социальная группа, которая, помимо выполнения своих чисто профессиональных функций, должна была нести и нагрузку идеологического воспитания общества, особенно детей и молодежи в духе коммунистического мировоззрения, а значит и жесткого атеизма.

Говоря о месте теологии (богословия) в системе гуманитарного знания и образования, первым делом необходимо обозначить водораздел между естествознанием и гуманитарным знанием или (если использовать слово «наука») науками «строгой версии» и науками «слабой версии».

Очевидно, что к теологии неприменим классический комплекс всех требований строгой научности: логическая, формальная непротиворечивость; причинно-следственная связанность, системность знаний; принципиальная возможность опытной проверки получаемых знаний, теорий, гипотез (хотя бы потенциальная); объективность (интерсубъективность), независимость получаемых знаний от субъекта, конкретного человека. Именно комплекс требований, поскольку имеется и логическая непротиворечивость, и системность, но нет возможности объективной опытной проверки результатов познания, и они зависят от познающего субъекта.

В этом отношении теология принципиально не отличается от философии, религиоведения, психологии, педагогики, искусствознания и т. д., любых других гуманитарных наук. Строгие науки не претендуют на всеобщность (если остаются строгими науками). Как только такая претензия выражается, мы фактически имеем дело уже с гуманитарным знанием. Даже если мы продолжаем называть эти претензии наукой и даже если такого рода претензии формулируются физиками или биологами.

Итак, если мы соглашаемся называть науками все эти гуманитарные сферы знания, называем научными исследования в этих областях знания, присуждаем по ним

ученые степени, то «проблему теологии» следует рассматривать *исключительно в этом гуманитарном пространстве, в отношении только к таким же гуманитарным дисциплинам.*

Далее, рассматривая всю совокупность гуманитарного знания и соответствующих гуманитарных научных дисциплин, имеет смысл отдельно выделить *религию и философию как мировоззренческие феномены.* Теология действительно занимает особое место в системе гуманитарного знания и образования вследствие *мировоззренческого статуса религии.* Только в религии и философии создаются и сохраняются целостные картины мира, мировоззрения. Эта особенность всегда сознавалась в философской культуре. В.С.Соловьев писал: «Безусловно, необходимы для жизни человеческой убеждения и воззрения высшего порядка, т. е. такие, что разрешали бы существенные вопросы ума, вопросы об истине сущего, о смысле или разуме явлений и вместе с тем удовлетворяли бы высшим требованиям воли, ставя безусловную цель для хотения, определяя верховную норму деятельности, давая внутреннее содержание всей жизни... Такие общие воззрения существовали и существуют, и притом в двух формах: религии и философии»¹.

Весь остальной массив гуманитарного знания, так или иначе, связан с религией и философией, ориентируется на религиозные и (или) философские (здесь и далее — нерелигиозные) мировоззренческие парадигмы, учитывает наиболее значимые из них. Не существует мировоззренчески нейтральной исторической науки, как и совершенно мировоззренчески «стерильных» филологии, искусствознания, правоведения, политологии, педагогики и т. д., даже социологии. Однако мировоззренческое содержание присутствует в этих гуманитарных науках имплицитно и не всегда явно выражено, в то время как в философии и богословии мировоззренческое содержание является ведущим, основным — и по предмету познания, и по методу добывания знаний, и по способам их применения.

Здесь надо сделать оговорку только в отношении логики, которая в большей степени может рассматриваться как методология рационального мышления и познания. В сущности, логика не есть только часть нерелигиозной философии. Она является самостоятельной сферой знания, равноудаленной как от религии, так и от философии (или равно приближенной к ним).

Никакой общепризнанной всеми людьми суммы знаний о мироздании, человеке, природе, обществе, увы, нет. Православный или мусульманин могут видеть в этом трагедию духовного «распада» человечества, которую надо или не надо как-то преодолевать. Секулярный гуманист или коммунист — недостаток образованности «темных религиозных народных масс», которых надо образовывать и воспитывать. Агностик может вообще относиться к этому факту равнодушно. Но если в обществе признается мировоззренческое разнообразие, то никакого единого общезначимого мировоззрения, очевидно, в нем просто не может быть. Если признавать принцип

¹ Соловьев В.С. Несколько слов о настоящей задаче философии // Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1989. С. 16—17.

личной духовной свободы индивида (общий для многих религий и нерелигиозных философий, по крайней мере, в западноевропейской и русской цивилизациях), то следует раз и навсегда забыть о едином обязательном «научном» учении о мире. А значит и о претензиях на всеобщую значимость философии и богословия в целом и во всех их конкретных разновидностях для общества и государства в целом. Или надо прямо сказать, что идеалом является религиозное общество и государство (определенной конфессиональной принадлежности) или нерелигиозное общество и государство (определенной секулярной мировоззренческой доктрины).

Сказать так, конечно, можно, но действовать в современном обществе все равно придется в рамках сложившегося права. Иначе неизбежно нарушение закона, противоправная деятельность.

Если теперь вернуться к философии и теологии, придется признать, что *в существующей правовой системе их положение в обществе, в системе гуманитарного знания и гуманитарного образования должно быть равноправным*. В демократической политической и правовой системе проблема сосуществования богословия и философии может решаться только на плюралистической основе. Всеобщие претензии выражают и философия в целом и в каждом конкретном мировоззренческом направлении, и религия, богословие в каждом конкретном конфессиональном мировоззренческом типе. Но все такие претензии в демократическом обществе и государстве, в котором конституционно закреплены принципы признания идеологического разнообразия в обществе и отделения религиозных объединений от государства, могут оставаться только феноменом веры сторонников разных мировоззрений и не могут, не должны быть реализованы практически.

Значит и философское, и религиозное (богословское, теологическое) образование должны также находиться в равном положении. Философия воспроизводится в своих последователях в системе философского знания и философского образования. Религия также — в системе религиозного знания и образования. Тот факт, что философское образование у нас оплачивается налогоплательщиком, а религиозное пока нет (очень мало), обусловлен только наследием государственного атеизма, сохраняющимся у многих квазирелигиозным верованием, что философия решает всеобщие проблемы, является методологией научного знания. Это и так и не так. Да, философия является методологией науки, решает всеобщие проблемы, но далеко не все и не для всех людей, граждан. А самое главное, что самые главные и всеобщие проблемы философия решает в смысле процесса, а не результата. То есть всегда находится в развитии, никогда не приходя к завершенному окончательному решению всех проблем.

Методологией науки можно было бы назвать философский позитивизм, но в современной науке это уже давно не так. И роль религиозного мировоззрения, религий в развитии науки также нельзя недооценивать, она весьма существенна. Например, исторически не позитивизм или философский гуманизм, а религиозный взгляд на мир как разумно устроенный Творцом явился мировоззренческой методологиче-

ской основой формирования классической новоевропейской науки от сэра Исаака Ньютона и далее.

Обострю тезис: настоящему последователю любой религии философия как система мировоззренческих знаний, представлений, не нужна. Не нужна для жизни, речь не идет об общем или профессиональном образовании. Все вопросы: осмысления всеобщих закономерностей бытия, существования человека, природы, общества и т. п., составляющие по определениям предмет философии, любым по-настоящему религиозным человеком (любой конфессии) решены (они для него не вопросы уже) и решены именно в рамках его конфессии, конфессиональной картины мира. Зеркально и религии могут быть не нужны для жизни последователям философских нерелигиозных мировоззрений, атеизма. Но в современной правовой и политической системе *интересы отдельных социальных групп признаются частью всеобщего общественного интереса*. Равные права мировоззренческих групп в обществе, в государстве должны быть реализованы и в системе образования, во всех типах образовательных учреждений и на всех уровнях образования.

В практическом плане из этого следует, что, если в социуме имеются последователи религий и нерелигиозная часть общества, должно быть как философское образование, финансируемое из госбюджета, так и богословское религиозное образование, также финансируемое из госбюджета. Если есть содержащиеся за счет нашего общего бюджета философские гуманитарные научные центры, то должны быть и такие же религиозные, богословские гуманитарные научные центры. Если есть оплачиваемые философские ученые степени, то должны быть и оплачиваемые богословские ученые степени. А если говорить, что все богословие должно быть ограничено рамками конфессий, конфессиональных учреждений, то тогда и философское мировоззренческое образование надо делать предметом заботы соответствующих общественных объединений атеистической направленности.

Но это противоречило бы не только базовым принципам демократического государства, но и здравому смыслу. Если государству, власти безразличны мировоззренческие убеждения, ценности граждан, то, спрашивается, что это за государство? Какое отношение оно имеет к людям, дающим средства на его функционирование? И зачем такое государство нужно гражданам? Это псевдолиберальный тупик. За отказом поддерживать, организовывать мировоззренчески ориентированное образование последует отказ обеспечивать образование вообще (кто желает — пускай платит и учится), затем культуру, социальную сферу, вплоть до милиции и армии (пусть кто хочет, тот Родину и защищает).

Итак, демократическое государство обязано выделять средства для обеспечения мировоззренчески ориентированного философского и религиозного образования, всей сферы гуманитарных знаний, в которых заинтересованы люди, граждане, заниматься его организацией, взаимодействуя для этого с общественными и гражданскими структурами, объединениями. Объемы поддержки и формы организации, согласно конституционному принципу равенства прав и свобод человека и гражданина вне

зависимости от отношения к религии, должны определяться только объективными социокультурными факторами. Такими, в частности, как уровень религиозности общества, конфессиональное распределение в нем, связь разных конфессий с историей и культурой общества, народов в стране, образовательные потребности граждан и т. п. А также спецификой самих религиозных мировоззрений и конфессий, особенностями религиозных традиций, образовательных потребностей последователей разных религий. Но не мнениями на этот счет сторонников нерелигиозных мировоззрений. Конечно, все в рамках правового поля, без ущерба для законных интересов и прав всех граждан Российской Федерации вне зависимости от их отношения к религии.

Пока же следует признать, что в сфере гуманитарного образования и гуманитарных наук сохраняется непропорциональное влияние атеизма. При этом наиболее активные и влиятельные пропагандисты свободомыслия, свободы совести и секулярного гуманизма оказываются и наиболее упорными, если не сказать упрямыми и нетерпимыми борцами против реализации законных интересов своих сограждан другой, религиозной мировоззренческой ориентации. Особенно неприятно, когда в этой борьбе используются межконфессиональные противоречия, как это, к сожалению, приходится наблюдать в дискуссиях вокруг религиозного образования, изучения религиозной культуры в средней школе¹.

Никто не отрицает наличия объективных препятствий на пути развития религиозного образования в российской светской школе. Они имеются, но в целом являются техническими, вполне преодолимыми при вложении необходимых адекватных сил и средств. Но в наших условиях не менее, если не более значимыми оказываются препятствия субъективные. Это не только фанатичная идейная атеистическая убежденность, не приемлющая никаких компромиссов в отношении религии, но и прямое пренебрежение правом и человеческим достоинством людей, не разделяющих «наши» взгляды, а также элементарный недостаток общей культуры, незнание и нежелание знать отечественную культуру в ее действительном содержании. Нигилистическая позиция в отношении базовых ценностей отечественной культуры, несмотря на возможные при этом публичные реверансы в сторону церкви, религиозной морали, культурного наследия религий и т. п.

Вот характерный пример такой позиции: «Подлинно великая русская культура почти целиком носит светский характер. Это относится к литературе и музыке, к театру и балету, и даже к изобразительным искусствам. Стоит ли малое исключение из последних — иконопись того, чтобы за нее так настойчиво лоббировали? Ответ очевиден, не так ли?»² Такими аргументами обосновывает автор свою борьбу против пра-

1 Управляющий делами Московской Патриархии митрополит Калужский и Боровский Климент отмечал в интервью ИА «Интерфакс»: «Есть попытки подменить преподавание отдельных предметов по православной, исламской и другим религиозным традициям по выбору на единый и обязательный курс фактически по истории религий, и тот, кто хочет это осуществить, играет на межконфессиональных разногласиях» / Интерфакс, 17.09.2008.

2 Г.В. Гвишвили «Лукавая демагогия, или Может, хватит уже наступать на одни и те же грабли? / Образование и общество - № 1 – 2006.

ва сограждан давать своим детям религиозное образование в нашей общей общеобразовательной школе. И это пишет ученый, доктор наук, вице-президент Российского гуманистического общества. И такое печатает солидный педагогический журнал. Еще слишком велика в нашей стране сила идеологических стереотипов, которые оказываются едва ли не главным препятствием свободного развития религиозного, в том числе теологического образования в российской школе.

В связи с этим *восстановление позиций теологии в системе гуманитарного знания и образования в современной России имеет еще и значительную образовательно-просветительскую функцию*. Оно способствует преодолению в обществе штампов тоталитарного, «черно-белого» мышления, особенно среди ученых, педагогов, работников школы. Без восстановления полноправия теологии в системе гуманитарного знания и образования все наше гуманитарное образование будет обречено оставаться искривленным, идеологически хромым и поэтому не способным полноценно выполнять своей важнейшей функции в обществе: интеграции новых поколений в национальную культуру¹, приобщения их к российской истории и культуре.

Это можно проиллюстрировать, в частности, на примере содержания школьного исторического образования.

Очевидно, что без полноценного профессионального исторического образования невозможно формирование новой, действительно патриотической политической элиты, а основой этого является полноценное изучение истории в общеобразовательной школе. Сейчас все говорят о российской гражданской и культурной идентичности, о необходимости ее воспитания у детей в школе как залога стабильного развития страны. Однако содержание общего исторического образования продолжает оставаться в значительной мере «оскопленным» в его духовно-нравственной составляющей, что неразрывно связано с качеством и количеством знаний о религии в курсах истории, с религиозной составляющей школьного исторического образования. Так, проведенные нами сравнительные исследования этих знаний на основе анализа содержания двух постсоветских общеобразовательных стандартов² показали, что и общий объем этих знаний и их научное качество не только не улучшились, но даже ухудшились в период с 1990-х гг. до 2004 г.

Если взять последний вариант стандарта, по которому ведется историческое образование школьников, то и в нем знания о религии, по сути, представлены согласно принятым в советское время представлениям о религии как феномене, возникновение и существование которого обусловлено недостаточным развитием научного познания, бессилием людей в борьбе за существование и социальной несправедливостью. Религия «оставлена» в историческом прошлом. Религиоведческие дидактические единицы в хронологическом изложении учебного материала от прошлого к

1 Отмечу, что это прямо предусмотрено как юридическое требование к содержанию образования, закрепленное в Законе РФ «Об образовании» (п. 2 ст. 14 «Общие требования к содержанию образования»).

2 Галицкая И.А., Метлик И.В. Знания о религии в образовательных стандартах по истории и воспитательный потенциал исторического образования в школе. – М.: ФГУ Государственный НИИ семьи и воспитания РАО, 2007.

современности неуклонно сокращаются и в разделах о недавней истории и современности практически сводятся к нулю. Например, по курсу Истории Отечества в разделе «Культура народов нашей страны с древнейших времен до конца XVII в.» дано: «Религиозно-культурное влияние Византии», «Андрей Рублев», «Обмирщение культуры в XVII в.». И все. В последнем по хронологии разделе курса истории имеется только один элемент: «Религия и церковь в современном мире», да и то как необязательный для контроля знаний. Причем в некачественной формулировке. Какая религия, какая конкретно «церковь»?

В сравнении с первым постсоветским вариантом стандарта общего образования от 1998/99 гг. в варианте федерального компонента стандарта общего образования по истории от 2004 года фиксируется абсолютное сокращение числа религиозных, историко-религиозных и духовно-нравственных элементов обязательного минимума содержания образования. Среди других принципиальных изменений в новом варианте менее выражена ориентация на преимущественное раскрытие знаний о религии, связанных с христианством и православным христианством, в то время как это традиционная религия в нашей стране и о принадлежности к православию заявляет большинство современного российского общества.

Особенно наглядно это видно в курсе Истории Отечества. Например, в первом варианте стандарта было: «Христианство как основа культурной и духовной жизни средневековой Европы», «Роль церкви в истории Руси в эпоху Средневековья». По смыслу большая, значительная роль. В новом варианте: «Роль церкви в государственном строительстве». Почему только в государственном строительстве? И какая роль? Такая формулировка не исключает ее раскрытия в русле вульгарно-атеистического подхода — только как борьба с государственной властью за доминирование в обществе.

Анализ научной обоснованности, качества знаний о религии, их целесообразности даже с формально-религиозной точки зрения и с позиций культуросообразности исторического образования позволяет сделать вывод о неадекватности большей части использованных формулировок целям исторического образования и воспитания детей в российской школе. Если в варианте стандарта от 1998/99 гг. наличие таких некорректных формулировок еще можно было объяснить малым временем, прошедшим с момента отказа от атеизма как государственной идеологии, то для варианта стандарта 2004 г. это уже просто неприемлемо.

Для примера возьмем ключевой дидактический элемент по курсу всеобщей истории: «Формирование индо-буддийской, китайско-конфуцианской, иудео-христианской духовных традиций». Если еще можно говорить о китайско-конфуцианской традиции, то формулировки «индо-буддийская» и «иудео-христианская» духовные традиции явно несостоятельны. Буддизм возник в Индии, но наиболее широкое распространение получил в Китае, странах Юго-Восточной Азии. И тогда с гораздо большей основательностью надо говорить о китайско-буддийской этно-религиозной традиции, бирманско-буддийской, корейско-буддийской и т. д. Что же касается «иудейско-христианской традиции», то ее про-

сто нет в действительности, если под иудейской традицией понимать религию раввинистического иудаизма. Не существует, собственно, и христианской традиции как целостного феномена культуры, а есть православная христианская, римско-католическая и т. д. религиозные традиции. Таким образом, в общеобразовательный стандарт внесено искусственное, эклектическое словообразование, созданное в рамках одного из спорных направлений философского религиоведения, обосновывающего духовное единство иудаизма и христианства.

Так получается, что вместо описания реального положения религий в истории, в культуре школьникам предлагаются сомнительные теоретико-религиоведческие схемы. Если бы в высшей школе и в системе общего образования существовало полноценное теологическое, богословское, религиозное образование, такие «стандарты» были бы просто невозможны.

На основной ступени школы (5—9 классы) в теме «Российская культура в XVIII — начале XX вв.» имеется единственный дидактический элемент, который только условно может быть отнесен к знаниям о религии: «Светский, рациональный характер культуры: наука и образование, литература и искусство». Мало того, что он не обеспечивает никакого понимания истории религии в этот период (и далее до современности там нет ни единого дидактического элемента конкретно о религии), но еще и научно несостоятелен. В один ряд, как синонимы, поставлены понятия «рациональный» и «светский». Однако первое понятие относится к характеристике мышления, а второе понятие, в своем настоящем, не идеологизированном понимании, означает «гражданский», «государственно-общественный», не церковный по формально юридической, организационно-правовой принадлежности.

И вряд ли можно считать серьезным утверждение, что вся культура XVIII века, равно как и любого другого века человеческой истории, является нерелигиозной, что просто неверно фактически. Тогда что имели в виду авторы стандарта? Читается это так, что надо объяснить школьникам именно это, что с XVIII в. культура становится внерелигиозной, религия ничего уже не значит в образовании, литературе, искусстве. Но это просто абсурдно.

Для неспециалистов по стандартизации образования уместно пояснить, что именно и только наличие дидактических единиц образовательного стандарта является главным основанием для федеральной государственной экспертизы учебников. В нашем случае это практически означает то, что любой школьный учебник по истории, в котором «о религии» в разделе «Российская культура в XVIII — начале XX вв.» будет рассказано только о «светском, рациональном характере культуры: наука и образование, литература и искусство», благополучно получит гриф Министерства образования и науки РФ и будет допущен для использования в образовательном процессе. Добавим, что стандарт является и основой проверки знаний и уровня подготовки выпускника, основой составления экзаменационных билетов и оценки образовательной деятельности школы в целом. А для последователей религий еще добавим, что выпуск учебной литературы у нас, слава Богу, еще финансируется государством, так что не

только стандарты, но и школьные учебники реально оплачивают все граждане, в том числе религиозные люди.

В курсе истории для старшей школы в исчезающе малом числе дидактических элементов о религии в разделе «Русь в IX — начале XII вв.» дано: «Принятие христианства. Христианская культура и языческие традиции». Описания этих «языческих традиций», отметим, даже не религии как таковой или основных языческих божеств, что было бы еще нормально, а именно традиций, кочуют из учебника в учебник, заимствуются из соответствующих научных и малонаучных работ. Однако действительное положение дел заключается в том, что никаких достоверных исторических свидетельств или документов по данному вопросу не существует. И все эти «традиции» являются результатом их реконструкции современными историками. Но об этом обычно не рассказывается школьникам, ведь сама эта искусственная реконструкция была следствием определенного антицерковного идеологического заказа. В свое время надо было выпукло показать «борьбу» русского народа с христианством, доказать, что принятие христианства было болезненным процессом, духовным и физическим насилием со стороны государства над народом, а значит и отказ от христианства — закономерен и разумен.

Материалы нового, разрабатываемого в настоящее время проекта стандарта общего образования¹, который должен прийти на смену существующему, пока также не дают оснований считать, что в содержании школьного исторического и другого гуманитарного образования будет сделан решительный шаг к преодолению этой атеистической «кривизны». Более того, авторы нового проекта вообще фактически отказываются стандартизировать содержание образования по основным учебным дисциплинам. Предлагается «отправить» обязательное содержание образования по истории, другим учебным предметам в примерные учебные программы, на содержание которых общество, граждане вообще практически не смогут влиять. В связи с этим следует рассматривать и поправки, внесенные в Закон РФ «Об образовании» в конце 2007 г., согласно которым, в частности, в статье 7 упразднена норма о том, что основные положения государственных стандартов общего образования, порядок их разработки и утверждения устанавливаются федеральным законом, т. е. Государственной Думой. Специалисты утверждают, что такая правовая новация подрывает возможности гражданского контроля содержания общего образования, того, что обязаны учить все дети в нашей стране и на основе чего их воспитывают в школе. Например, эксперт из Екатеринбурга комментировал это следующим образом: «Основные положения стандартов общего среднего образования, прежде всего перечни основных предметов, нагрузка на них и обязательная часть содержания образования по истории, литературе, другим дисциплинам, в обязательном порядке должны быть санкционированы всем обществом через его демократически избранных представителей»². Теперь же этот

1 См. на сайте <http://standart.edu.ru/>

2 С. Погорелов «Как остановить разрушительный процесс. Ведь за все уплачено...» / Учительская газета. - № 47 - 20 ноября 2007 г.

вопрос полностью отдан исполнительной власти, Министерству образования и науки РФ. Понятно, что такое решение вряд ли может улучшить возможности коррекции содержания общего гуманитарного образования с учетом интересов религиозной части общества.

В этой же логике можно расценивать сопротивление авторов проекта нового стандарта общего образования интеграции, включению в стандарт конфессиональных учебных предметов по религиозной культуре (православия, ислама, иудаизма и др.) и нерелигиозной этике по выбору семьи ребенка, школьника. И это несмотря на то, что соответствующие предложения были официально внесены от Русской православной церкви — наиболее массового общественного объединения в стране, а также формально согласованы с Министерством образования и науки РФ¹. Преподавание таких учебных предметов активно развивается во многих регионах России. И развивается оно не по приказу сверху, не под щедрым дождем зарубежных грантов, а инициативно, снизу, в ответ на ясно выражаемую образовательную потребность граждан и необходимость восстанавливать воспитательные функции российской школы в новых социокультурных условиях.

В результате, как это детально показано в другом пособии², в российской общеобразовательной школе, в современной системе образования в целом все еще продолжается фактическое делящееся нарушение права граждан на свободу вероисповедания, закрепленного Конституцией Российской Федерации (ст. 29). Полноценно не исполняются нормы законодательства об образовании в части необходимости учета разнообразия мировоззренческих подходов в содержании образования³.

Таким образом, игнорирование религиозного компонента в общем историческом образовании имеет следствием явные дефекты в научном качестве преподавания истории в школе и соответственно не лучшие результаты обучения школьников истории, воспитания их в этом процессе. Это подтверждает вывод, что сохраняющаяся недооценка конфессиональной теологии, богословия в пространстве гуманитарного знания и образования ведет к ущербу для общего научного уровня гуманитарного знания в целом и его важнейших составляющих и соответственно к ущербу для качества и результатов гуманитарного образования в нашей стране (как высшего, так и среднего). С другой стороны, наличие полноценного, развитого теологического образования в высшей школе, безусловно, будет способствовать улучшению научного качества исторического знания и образования, преподавания истории не только в вузах, но и в средней школе.

1 См. п. 2-3 резолюции совместной конференции Минобрнауки России и Русской православной церкви 20-21 декабря 2007 г. (г. Калуга): <http://www.mon.gov.ru/press/reliz/4376/>

2 Галицкая И.А., Метлик И.В. Реализация права ребенка на свободу вероисповедания в учебно-воспитательном процессе: Пособие для работников образования. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания РАО, 2005.

3 «Содержание образования должно... учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений» (п. 4 ст. 14 Закона РФ «Об образовании»).

А пока восстановление позиций религиозного образования в российской школе идет так трудно, у нас оказывается возможным появление в гуманитарном пространстве всевозможных химер типа «исторической теории Фоменко». Популяризируются и находят своих сторонников даже среди людей с высшим гуманитарным образованием оккультно-религиозные исторические фантазии. Историческое сознание россиян терзают своими сочинениями всевозможные деструктивные религиозные секты (Свидетели Иеговы, Брахма Кумарис и др.). Все эти псевдонаучные и псевдорелигиозные химеры, как раковая опухоль, разъедают пространство гуманитарного знания в нашей культуре и общественном сознании и уже покушаются на нашу историческую память, историческое самосознание нации. И это касается не только исторического знания и образования. То же самое, что сказано об истории, можно было бы сказать и о филологии и литературоведении, искусствознании, педагогике, психологии и т. д., привести соответствующие примеры.

Подводя итоги можно предложить следующие выводы

1. Теология является «школьной» гуманитарной дисциплиной, направленной на систематическое изучение определенных религиозных традиций на основе принятых в них мировоззренческих и методологических подходов и преподавание знаний об этих религиозных традициях.
2. В науковедческом отношении теологическое образование соотносится с философским образованием. И то, и другое призваны давать систематические знания о мировоззренческих феноменах — религии и философии во всем разнообразии их форм, конкретных исторических разновидностей, прежде всего актуальных в современном обществе.
3. И религия, и философия рефлексиируют друг друга в форме философий религии (в философии), осмысления и критики нерелигиозных философских учений, опыта, образа жизни (в религиозных культуре, традициях). И то, и другое знание необходимо в сфере гуманитарных наук и гуманитарного образования. Их наличие позволяет открыто и свободно вести мировоззренческий диалог в современном полимировоззренческом обществе, не допуская односторонней идеологизации общественной жизни, а также идеологического «захвата» и омертвления гуманитарных наук.
4. В современной правовой системе должно быть обеспечено равенство возможностей изучения и философии, и религии в национальной системе образования, занятий научной и преподавательской деятельностью в этих сферах. Богословское, теологическое образование всех культуuroобразующих конфессий, на изучение которых имеется адекватный образовательный запрос от граждан Российской Федерации, должно осуществляться на равных основаниях с философским образованием, обеспечивая полноту и полноценность гуманитарной сферы жизни российского общества, функционирования комплекса гуманитарных наук в нашей стране, доступа граждан к гуманитарным ценностям отечественной и мировой культуры.

Теология в системе научного знания и образования.

Материалы слушаний Общественной палаты Российской Федерации.

Под редакцией академика РАН В.А.Тишкова.

Составление и редакция:

А.В. Ситников, И.В. Метлик

Литературный редактор Е.В. Мазур

Компьютерная верстка А.В. Денисов

Издание Общественной палаты Российской Федерации,

Москва 2009 г.